

Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара
Факультет української й іноземної філології та мистецтвознавства
Кафедра перекладу та лінгвістичної підготовки іноземців

Текст, його елементи та переклад

Колективна монографія

Дніпропетровськ

«Пороги»

2009

УДК 81'25

ББК 81

Т 31

Упорядник О.І. Панченко

Р е ц е н з е н т и:

доктор філологічних наук, професор Наталія Василівна Підмогильна
кандидат філологічних наук, доцент Світлана Володимирівна Бобиль

Рекомендовано до друку Вченою радою факультету української й іноземної філології та мистецтвознавства ДНУ ім. Олеся Гончара, протокол № 4 від 24 листопада 2009 р.

Текст, його елементи та переклад: Колективна монографія. – Дніпропетровськ: Пороги, 2009. – 148 с.

ISBN 978-611-518-042-4

До монографії увійшли роботи з питань лінгвістики тексту та теорії і практики перекладу.

Редакційна колегія:

д-р філол.н., проф. Панченко О.І. канд.

філол. н., доц. Амічба Д.П.

викл. Клименко Т.А.

Редакція не завжди поділяє точку зору авторів публікацій. Матеріали друкуються в авторській редакції. За точність викладених фактів відповідальність покладається на авторів.

ISBN 978-611-518-042-4

© Панченко О.І., упорядкування, 2009

ПЕРЕДМОВА

Розвиток сучасних засобів і видів комунікації на межі ХХ та ХХІ ст. спричинив появу нових текстових об'єктів, які підлягають лінгвістичному дослідженню. Це стосується різних видів текстів: спеціальних, художніх, газетно-публіцистичних, електронних тощо. Лавиноподібне збільшення кількості різноманітних жанрів певною мірою кореспондує зі збільшенням кількості наукових досліджень, у тому числі й лінгвістичних праць, присвячених їхньому розглядові. Дедалі частіше з'являються розвідки, в яких досліджується електронний текст, нові економічні документи, дайджести, смсповідомлення тощо.

Незважаючи на вже отримані здобутки, залишається значною й кількість нерозв'язаних питань. Це стосується, насамперед, проблеми мовознавчого опису й аналізу нових текстових форм, що створюються та поширюються. Актуальність обраної теми даної монографії зумовлена спрямованістю сучасних мовознавчих студій на комплексне дослідження нових текстових форм, що дедалі частіше з'являються внаслідок соціального розвитку та науково-технічного прогресу й появи нових засобів масової інформації та комунікації, у взаємодії їхніх структурних і функціональних аспектів, а також необхідністю виявлення їхнього впливу на читача. Необхідність поширення міжнародних контактів не зменшує з часом важливість перекладацької діяльності. Тому у даній монографії автори спробували поєднати проблему дослідження нових явищ у створенні тексту та особливостей текстового перекладу.

Монографія складається зі вступу, чотирьох розділів, присвячених загальним проблемам перекладознавства та лінгвістики тексту, окремим проблемам текстології та теорії і практики перекладу, та післямови. Важливою рисою даного видання є те, що його автори вважають доцільним «поступитися місцем» підростаючому поколінню, тому було створено розділ, де перекладацькі проблеми висвітлено під кутом зору студентів.

РОЗДІЛ І

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ПЕРЕКЛАДУ

1.1. О НЕКОТОРЫХ НЕРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ ТЕОРИИ

ПЕРЕВОДА (Е.И. Панченко). Значимость перевода как особого вида деятельности привлекает к нему внимание многих исследователей, лингвистов, критиков, писателей, поэтов и т.п. Существует множество научных и художественных определений понятия «перевод». В качестве научного определения мы выберем следующее, которое, на наш взгляд, является кратким и всеобъемлющим: А.В.Федоров считает, что оно обозначает: 1) процесс, совершающийся в форме психического акта и состоящий в том, что речевое произведение (текст или устное высказывание), возникшее на одном – исходном – языке, пересоздается на другом – переводящем языке; 2) результат этого процесса, то есть новое речевое произведение (текст или устное высказывание) на переводящем языке.

Т.Сейвори в книге «Искусство перевода» приводит ряд принципов, среди которых следует обратить внимание на такие:

- перевод должен передавать стиль оригинала – и обладать собственным стилем, то есть стилем переводчика;
- перевод должен отражать особенности эпохи создания текста оригинала – и должен быть приближен к эпохе, в которую он был

осуществлен; иными словами, текст должен восприниматься как оригинальное произведение на другом языке и в то же время оставаться переводом.

Художественные, метафорические определения перевода разнообразны и интересны тем, что по-своему раскрывают разные стороны этого многогранного понятия. Среди них можно выделить такие две группы определений, где перевод рассматривается в парадигме военной деятельности и в парадигме любовных отношений. Перевод – очень сложное и опасное занятие, так как его последствия могут быть непредсказуемыми. Видимо, эти качества вызывают, так сказать, военные метафоры в его определениях.

Известная итальянская поговорка гласит: *traduttore – traditore*, то есть итальянцы не без основания называют переводчиков предателями. Б.Слуцкий написал: «Работаю с неслыханной охотой я только потому над переводами, что переводы кажутся пехотой, взрывающей валы между народами». Из этого же смыслового ряда сравнение перевода с переходом через линию фронта, который невозможен без потерь. В несколько более мягкой форме выражает эту мысль переводчица на малагасийский язык Эстер Рандриаманонжи (Мадагаскар): «Переводчик призван донести до читателя не только суть произведения, но и переправить его без потерь через пороги лексических, семантических и синтаксических загадок».

Совсем другие ассоциации вызывает переводческая деятельность у ряда других исследователей и практиков перевода: Маршак назвал перевод «дитя любви». Чуковский в своих работах приводит поговорку: «Перевод – что женщина: если она красива, она неверна; если верна – некрасива». А великому Гете переводчик напоминает сводню, которая, расхваливая достоинства прикрытой вуалью красавицы, вызывает непреодолимое желание познакомиться с оригиналом.

В высказываниях о переводе часто звучит оптимистическая нота, уверенность в его потенциальной возможности: Белинский считал, что «переводы необходимы и для образования еще не установившегося языка; только

посредством их можно образовать из него такой орган, на коем можно было бы разыгрывать все неисчислимы и разнообразные вариации человеческой мысли». Октавио Пас (Мексика) подчеркивает, что «перевод и творчество – процессы-близнецы». С.Я.Маршак утверждал, что настоящий художественный перевод можно сравнить не с фотографией, а с портретом, сделанным рукой художника. Фотография может быть очень искусной, даже артистической, но она не пережита ее автором.

Есть и более пессимистичные взгляды на возможности перевода. Так, И.Драч написал: «Перевести – суть прахом все пустить, значение известно и такое. Перевести – почти перекрестить в чужую веру детище родное».

Сомневаясь в постоянном успехе переводческой деятельности, И.С.Тургенев отметил, что «заслуга переводчика чрезвычайно велика, но только тогда, когда ее действительно нельзя не признать заслугой».

Обратим внимание еще на несколько необычных и удачных формулировок, касающихся перевода. Франсуа Мориак сказал, что переводчик – это обезьяна автора, т.е. независимо от своей воли вынужден копировать жесты и мимику последнего. Болгарский переводчик Шекспира Валерий Петров сформулировал свое переводческое кредо следующим образом: «Я всегда стремился к *феодалной* точности перевода, отвергая точность *рабовладельческую*». Самим термином «перевод», так же, как и Драч, недоволен С.Маршак: «Перевод», «переводить», «переводчик» – как мало, в сущности, соответствуют эти ... слова тому содержанию, которое мы вкладываем в понятие художественного перевода. Мы переводим стрелки часов, переводим поезд с одного пути на другой, переводим по почте или по телеграфу деньги. В слове «перевод» мы ощущаем нечто техническое, а не творческое...».

В связи с определением понятия «перевод» встает вопрос об определении единицы перевода. Как нам представляется, данная проблема находится в русле важнейших исследований, которые ведут В.Н. Комиссаров, Р.К.

МиньярБелоручев, И.В. Корунец и многие другие, и ее решение имеет значение как для теории и практики перевода, так и для обучения переводческой деятельности.

Существует множество точек зрения на данную проблему. Как известно, ряд исследователей относит единицу перевода к определенному уровню языка, тогда как другие считают, что единицей перевода в разных ситуациях может быть единица любого уровня: фонема, морфема, слово, словосочетание, предложение и сам текст. Нам ближе вторая точка зрения, однако, мы считаем, что рассмотрение синтагмы как единицы перевода еще остается нерешенной гранью интересующей нас проблемы. Поэтому целью данной статьи и является выявление правомочности и целесообразности синтагмы как единицы перевода.

Для рассмотрения данной проблемы в первую очередь необходимо выяснить, что мы вкладываем в сам термин «синтагма». Приведем несколько определений данного понятия. Согласно источнику [1], синтагма – это «словосочетание, представляющее собой цельную синтаксическую интонационно-смысловую единицу».

По данным лингвистического словаря, синтагма – это «1. Двучленная последовательность языковых единиц (морфем – *сад-ик*, компонентов подчинительного словосочетания – *вишневый сад*, предикативных частей сложного предложения – *Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет* и т. п.), соединенных определенным типом связи (как правило, члены синтагмы соотносятся как определяющий – определяемый).

2. То же, что Речевой такт. Синтагматическое членение. Фонетическая синтагма.

3. В современной интерпретации: Сочетание двух однотипных (одноуровневых) языковых единиц в линейном потоке речи, обусловленное глаголами данного языка» [2, с. 114].

Несколько иной термин, близкий по своему содержанию к понятию синтагмы, но, в отличие от него, менее связанный с фонетическими особенностями языка, предложен нами в работе [3]. Это термин «предикативная зона», который мы определяем как отрезок предложения, включающий единицы, находящиеся в предикативном отношении друг к другу. Нам представляется, что в плане теории перевода термин «предикативная зона» является более точным, однако в силу большего распространения термина «синтагма» далее мы будем пользоваться именно им.

Исходя из данных определений, вычленим синтагмы в следующих отрывках из произведений английской художественной литературы. Для обозначения границ между синтагмами мы будем использовать знак. Материалом нашего исследования в данной работе стали отрывки из произведений, являющихся образцами различных периодов развития английской литературы: монолог Гамлета В.Шекспира – ранненовоанглийский период; отрывок из романа Ч.Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби», являющийся образцом классической английской литературы, и равный ему по объему отрывок из романа Дж. Ролинг «Гарри Поттер и философский камень», представляющий собой современный английский художественный текст. Объем проанализированных отрывков составляет примерно 2500 печатных знаков.

Проиллюстрируем процесс нашего анализа данных отрывков следующими примерами.

To be, or not to be, / that is the question/:
Whether 'tis nobler in the mind /to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,/
Or to take arms against a sea of troubles, / And
by opposing end them?...
Быть или не быть\ – таков вопрос\;
Что благородней духом\ – покоряться

*Пращам и стрелам яростной судьбы \ Иль,
ополчась на море смут\, сразить их ?
Противоборством?*

На наш взгляд, в данном отрывке полностью совпадает количество синтагм, и, хотя имеются отличия в их лексическом наполнении, направление перевода и членение отрывков идет именно в направлении совпадения синтагм. В данном примере мы можем говорить о прямом совпадении синтагм исходного текста и синтагм текста перевода.

Рассмотрим далее перевод отрывка из романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби».

After some half-hour's delay\, Mr Squeers reappeared,\ and the boys took their places and their books\, of which latter commodity the average might be about one to eight learners\. A few minutes having elapsed,\ during which Mr Squeers looked very profound\, as if he had a perfect apprehension of what was inside all the books\, and could say every word of their contents by heart\ if he only chose to take the trouble\, that gentleman called up the first class.

Примерно через полчаса \ вновь появился мистер Сквирс\, и мальчики заняли свои места \ и взялись за книги;\ их приходилось в среднем по одной на восемь учеников\. По прошествии нескольких минут,\ в течение которых мистер Сквирс имел весьма глубокомысленный вид,\ словно он в совершенстве постиг содержание книг\ и – стоит ему только потрудиться – \мог бы на память повторить каждое слово,\ этот джентльмен вызвал первый класс.

В данных отрывках количество синтагм не совпадает, так как в английском тексте оно равняется десяти и увеличивается до 11 в переводе за счет расщепления значений многозначного слова *took*, перевод которого дает 2 синтагмы: *и мальчики заняли свои места \ и взялись за книги.*

Следующий пример является отрывком из романа «Гарри Поттер и философский камень».

The escape of the Brazilian boa constrictor \ earned Harry his longest-ever punishment\. *By the time he was allowed out of his cupboard again, \ the summer holidays had started \and Dudley had already broken his new video camera,\ crashed his remote control airplane,\ and, first time out on his racing bike, \knocked down old Mrs. Figg \ as she crossed Privet Drive on her crutches.*

Гарри никогда еще так не наказывали/, как за историю с бразильским удавом. Когда ему наконец разрешили выходить из чулана/, уже начались летние каникулы/, а Дадли уже успел сломать новую видеокамеру/, разбил самолет с дистанционным управлением/ и, в первый раз сев на новый гоночный велосипед,/ умудрился врезаться в миссис Фигг/, переходившую Тисовую улицу на костылях, /и сбить ее с ног, так что она потеряла сознание.

В данном отрывке, на наш взгляд, налицо несколько более сложное соотношение синтагм ИЯ и ПЯ. Количество синтагм в английском тексте составляет 9, а в переводном тексте – 10. Добавлена одна синтагма, за счет того, что значение словосочетания *knocked down* в переводе более развернуто и представлено двумя синтагмами: *умудрился врезаться в миссис Фигг* и *сбить ее с ног, так что она потеряла сознание*. Кроме того, здесь налицо еще и такой вариант соотношения синтагм, как их инвертирование, что использовано в первом предложении:

The escape of the Brazilian boa constrictor (синтагма 1)\ *earned Harry his longest-ever punishment* (синтагма 2).

Гарри никогда еще так не наказывали (синтагма 2)/, *как за историю с бразильским удавом* (синтагма 1).

В проанализированных нами текстах-первоисточниках было выделено следующее количество синтагм:

«Гамлет» – 44;

«Николас Никльби» – 67; «Гарри

Поттер» – 54.

Количество синтагм в профессиональном переводе незначительно отличается от первоисточника и представлено следующими цифрами:

«Гамлет» – 45;

«Николас Никльби» – 71; «Гарри

Поттер» – 59.

Наиболее точное совпадение количества синтагм, таким образом, наблюдается в исследованном нами переводе В.Шекспира, хотя лексическое наполнение и образная нагрузка перевода отличаются значительно. Мы считаем, что здесь можно говорить именно о синтагме как единице перевода, но не о слове и не о предложении, так как на этом уровне наблюдаются значительные отличия между оригинальным текстом, подстрочником и профессиональным переводом.

Количественные отличия проанализированных нами прозаических отрывков более заметны, синтагмы несколько более многочисленны в переводе и составляют 4 в переводе «Николаса Никльби» и 5 в «Гарри Поттере», или, в процентном отношении, соответственно около 5% и 10%.

Помимо указанных выше причин и разновидностей отличий в синтагмах языка-источника и языка перевода, мы отметим следующее:

- выделение синтагмы соответствующим знаком препинания, отсутствующим в первоисточнике:

Piers, Dennis, Malcolm, and Gordon were all big and stupid

И Пирс, и Деннис, и Малкольм, и Гордон – все они были здоровыми и безмозглыми;

- грамматические отличия в структуре синтагмы, требующие отдельной предикативной зоны в переводе:

*wandering around and **thinking about the end** of the holidays шатаясь неподалеку \и думая о том, \что не так уж много времени осталось до конца каникул* (в данном случае предложное дополнение после формы *wandering* в

переводе необходимо заменить придаточным предложением *не так уж много времени осталось*);

– добавления, сделанные переводчиком при переводе, видимо, по соображениям стилистического построения фразы:

Mrs. Figg wasn 't as bad as usual\

Как ни странно\, теперь у миссис Фигг стало куда приятнее, чем раньше\

В данном случае при переводе добавлена синтагма *как ни странно*.

Таким образом, проведенное нами исследование переводов образцов английской литературы различных периодов свидетельствует о том, что перевод на уровне синтагмы является одним из самых важных его видов. Различие в количестве синтагм, на которые членятся текст-первоисточник и текст перевода, по нашим наблюдениям, объясняется следующими причинами: расщепление значений многозначного слова и перевод каждого из его значений отдельной синтагмой; увеличение количества синтагм за счет выделения синтагмы соответствующим знаком препинания, отсутствующим в первоисточнике; грамматические отличия в структуре синтагмы, требующие отдельной предикативной зоны в переводе; стилистические добавления, сделанные переводчиком. Несомненно, описанные нами наблюдения не исчерпывают проблемы, и исследование количественного и качественного соотношения синтагм в оригинальном тексте и переводе является

перспективным направлением дальнейшего исследования.

Библиографические ссылки:

1. Базовый словарь лингвистических терминов / Л.П. Столярова, Т.С. Пристайко, Л.П. Попко. – К., 2003.
2. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб: Норинт, 2006. – С.118.
3. Панченко Е.И. Лингвистика сжатого текста // Дис....д-ра филол. наук, 10.02.02. – Дн-ск, 1998. – С. 181.

1.2. ОБ УРОВНЯХ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ

(Г.А. Синякова). Без всякого преувеличения можно утверждать, что наше время – время интенсивного международного обмена культурными ценностями, в том числе литературной, культурной, технической, политической информацией.

Во всех областях человеческой деятельности роль перевода нельзя недооценивать.

Еще в 1962 году французский лингвист Эдмонд Кери сказал: «Входит в привычку говорить, что мы живем в «век перевода» [2, с. 118].

Как справедливо замечает А. В. Федоров, для всех видов перевода общими являются следующие положения:

1) цель перевода – как можно ближе познакомить читателя (или слушателя), не знающего языка подлинника, с данным текстом (или содержанием устной речи);

2) перевести – значит «выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [3, с.

15].

Критерий для оценки степени соответствия перевода оригиналу – в совпадении или несовпадении содержания. И это содержание и в оригинале, и в переводе существует не само по себе, не в изолированном виде: оно выражено с помощью конкретных языковых средств [3, с. 30].

Идею уровней лингвистического анализа предложил Э. Бенвенист [1, с. 56].

Согласно этой концепции принято выделять уровни дифференциальных признаков, фонем, слов, словосочетаний, предложений и текста. При этом принято считать, что при делении на уровни существует некая иерархия отношений между ними, и единицы более низкого уровня интегрируются в единицы высшего уровня, а основным показателем лингвистического статуса полученной единицы является ее осмысленность Бенвенист [1, с. 60].

Уровнями переводческой эквивалентности принято считать уровни слова, словосочетания, предложения и текста.

I уровень включает слова и словоформы.

II уровень – это устоявшиеся сочетания слов.

III уровень включает предложение в общепринятом его понимании.

IV уровень – это совокупность предложений, описывающих некую ситуацию.

Если говорить о дословном переводе, то это перевод на уровне слова. Когда же анализ слова как такового не дает удовлетворительной информации, мы переходим к более высокому уровню – обращаемся к контексту. При этом контекст понимаем как лингвистическое окружение данной языковой единицы (в данном случае – слова).

При этом следует учитывать, что контекст может быть разной протяженности: от минимального (в рамках словосочетания) до размеров предложения, а иногда может распространяться на весь текст.

Именно на уровне словосочетания можно решить вопрос фразеологически связанного значения слова.

Проиллюстрируем это утверждение на следующих примерах: *fusil chargé* – заряженное ружье; *estomac chargé* – переполненный желудок; *lettre chargée* – ценное письмо; *langue chargée* – обложенный язык; *styl chargé* – тяжелый стиль; *temps chargé* – пасмурная погода [4, с. 24].

Здесь семантика прилагательного *chargé* меняется в зависимости от семантики существительного, с которым оно сочетается.

Приведем иллюстрации реализации лексического значения на уровне более широкого контекста на примере глагола *casser*.

1. Parfois une branche morte se prenait dans la roué et se cassait avec un bruit sec (Alain-Fournier).

Иногда сухая ветка цеплялась за колесо (застревала в колесе) и ломалась с сухим звуком.

2. Je l'ai surpris un jour, grimpé sur une échelle en train de prendre un cadre – la corde s'est cassée, dit-il (Duhamel).

Я его застал однажды забравшегося на лестницу в тот момент, когда он делал снимок. – Веревка порвалась, – сказал он.

3. Je tenais toujours le cendrier dans la main et il le lâcha (le cendrier) roule par terre intact. Je aurait aimé que cet objet se brise ... Mais le cendrier ne se cassait pas... (Sagan).

Он все время держал пепельницу в руке и он ее уронил. Пепельница покатила по земле, целая. Ему хотелось бы, чтобы эта вещь разбилась... Но пепельница не разбилась...

4. Elle cassa un morceau de pain, sans besoin apparent, écarta son assiette (Troyat).

Она разломала (отломала) кусочек хлеба без явной необходимости, отодвинула свою тарелку.

Только опираясь на лексический контекст, мы можем однозначно перевести значение данного глагола в каждом конкретном случае, что позволяет адекватно перевести на русский язык данный глагол:

ветка ломается веревка

рвется пепельница

разбивается хлеб

разламывается

В.Е. Щетинкин пишет: «В практике перевода нередки случаи, когда определение лексического значения требует выхода за пределы одного предложения и перехода на высший уровень эквивалентности – уровень текста» и приводит пример: «Maman fit le voyage du Havre. Il fallait pour parer à cette dépense immédiate engager encore quelque chose, et ce fut la bibliothèque»

(Duhamel). Первое значение слова la bibliothèque □ библиотека, собрание книг. Однако автор уже в следующем предложении, во избежание двусмысленности, поясняет «Je parle du meuble, bien sûr» Я, конечно, говорю о мебели, и это пояснение происходит на уровне текста [4, с. 30].

Не прибегая к контексту (уровень предложения), невозможно во французском языке точно идентифицировать и адекватно перевести на русский язык глагольные формы на -rait, которые идентифицируются то как условное наклонение *je travaillerais volontier* (он бы охотно поработал), то как изъявительное *i*.

Je a dit qu'il travaillerait volontiers (он сказал, что охотно поработает). Если в I примере глагольная форма «*travaillerais*» имеет условное значение, то во II – это *futur dans le passé* (так называемое «будущее в прошедшем»). И это становится понятным только в контексте сложного предложения.

Аналогично обстоит дело и с употреблением глагольных форм после условного союза «*si*»(если / если бы).

S'il fait beau, nous sortirons / Если будет хорошая погода, мы выйдем.

S'il faisait beau, nous sortirions / Если бы была хорошая погода, мы бы вышли.

Таким образом, в подобных случаях проблема лексической эквивалентности текста сложнее, так как на первый план выступает уже не выявление однозначных соответствий между словами в оригинальном и переводном текстах, а функциональная эквивалентность переводного текста оригиналу в целом. В этих случаях переводчик отступает от конкретного лексического значения слов в оригинальном тексте, чтобы сохранить семантическую структуру в целом.

Итак, подводя итог всему вышеизложенному, можно утверждать, что главным и основным объектом перевода является слово во всём многообразии его значений.

При этом на уровне слова анализ замыкается на слове. На последующих уровнях рамки слова постепенно расширяются.

Переход на более высокий уровень переводческой эквивалентности вызван тем, что во многих случаях не поддаются адекватной смысловой интерпретации переводимые единицы без привлечения более крупных блоков: слово □ в словосочетании (в нашем материале прилагательное *chargé*) или в предложении (глагол *casser*) или, наконец – в тексте (пример с существительным *bibliothèque*).

Библиографические ссылки:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974.
2. Кари Э. «Pour une theorie de la traduction» в журнале «Diogene», № 40 . – Octobre – Decembre, 1962. – С. 118.
3. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1968. – С. 15.
4. Щетинин В. Е.. Пособие по переводу с французского языка на русский . М.:Просвещение, 1987. – С. 24.

1.3. МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ КОНВЕРТАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕКСТА:

**АДЕКВАТНОСТЬ И НЕИЗБЕЖНОСТЬ НЕСООТВЕТСТВИЙ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

(В.В. Унченко). Результатом исторических процессов развития человечества стало появление множества языков, обслуживающих этносы, имеющие различия во времени возникновения, формирования и существования, количестве членов, плотности заселения территории, величине занимаемого ареала и ещё во многих других факторах, влияющих на состояние лингвосистем определённых социумов. Несмотря на изоляционистские реалии, бытовавшие во все века и не утратившие силу на данном временном этапе, всегда побеждали тенденции, влекущие личность или коллектив к овладению научной и культурной информацией, полученной всем человечеством. Любая информация по природе своей несёт в себе общечеловеческое начало, любая информация потенциально экспансивна и направлена на «саморасширение»,

«самораспространение», «саморазмножение». С помощью перевода с одного языка на другой люди имеют практически неограниченный доступ к знаниям, полученным всеми поколениями во все времена. Но, к сожалению, даже при так называемом «дословном» переводе (термин достаточно условный и спорный) утрачивается большой объём информативности с точки зрения лингвостилистики, лингвокультурологии, психолингвистики и т.п. Естественно, каждый переводчик должен подходить к тексту не как к набору синтаксических составляющих, а как к целостной синтаксической единице [4] и переводить его не просто «слово в слово» (что практически не всегда возможно), а с учётом текстовых элементов, которые, кроме текстовых зон, затрагивают личностную сенсорику, национальную специфику, поэтическую архитектонику и многое другое. Приступая к переводу того или иного художественного текста, переводчик должен отдавать себе отчёт, в достаточной ли степени он владеет языком подлинника, чтобы в полной мере перенести смысловое наполнение литературного источника на другой язык. К примеру, в большинстве иноязычных переводов романа-эпопеи Л.Н.Толстого «Война и мир» слово «мир» в названии подаётся как «согласные отношения, спокойствие, отсутствие вражды, войны, ссоры» [7, с. 312], а у Толстого оно имеет значение «объединённое по каким-нибудь признакам человеческое общество, общественная среда, строй» [7, с. 312]. При упрощённом подходе к переводу только одного названия произведения может быть искажён, потерян, нивелирован, фальсифицирован общий смысл всего литературного шедевра. Велики смысловые утраты при переводе на другие языки романа Сервантеса «Дон Кихот» с испанского, сказок Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» с английского, потому что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание», и передать особенности и тонкости этого

самосознания с помощью идиоматического ресурса другого языка в полной степени невозможно [10, с. 249]. Казалось бы, способы передачи информационной полноты текста при переводе с одного языка на другой не должны вызывать особых осложнений, так как многие современные языки обладают достаточно развитой лексико-семантической базой. Но возможен ли адекватный перевод следующего отрывка из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок» с русского языка на иностранные (пусть даже на близкородственные белорусский или украинский): «Инда взопрели озимые. Рассупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушку. Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился...» [3, с. 82]. В данном случае нельзя не согласиться с выводами о том, что «этнические стереотипы являются обобщённым представлением о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ» [5, с. 194 – 195; 10] и что «в теории перевода слова с культурным компонентом значения ... представляют одну из основных проблем» [1, с. 151]. Непреодолимым препятствием при переводе могут быть не только идиомы, этнонимы, но и искусственно созданные и введённые в текст слова: «Вы этого ... понять не можете, это связано с обратной транскриптазой, она же РНК-зависимая ДНК-полимераза, она же просто ревертаза, это такой фермент в составе онкорнавирусов...» [8, с. 60]. Или: «Эмоциализм как направление обещает многое... Потому что только он сейчас даёт по-настоящему глубокую перспективу существенного уменьшения энтропии эмоциональной информации в искусстве» [9, с. 9]. Как тут не вспомнить «тот на первый взгляд забавный, а по-настоящему глубокий и мудрый пример, который придумал некогда для своих учеников Лев Владимирович Щерба» [11, с. 303]: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрѣнка!» Разные языки, обладая разными грамматическими системами, в определённых случаях не имеют в своих арсеналах средств, способных в полной эквивалентности

конвертировать подобные фразы. Также нельзя адекватно перевести умышленно введенные в текст грамматические ошибки: «Отпуститэ податэлю сэго курьэру т. Паниковскому для Чэрноморского отдэлэния на 150 рублэй (сто пятьдэсят) канцпринадлэжностэй в крэдит за счэт Правлэния в городэ Арбатовэ» [3, с. 183]. Сложнейшими моментами в процессе перевода наполнены поэтические тексты. Архисложными задачами здесь являются соблюдение стихотворного размера, передача образности, ассоциативности без утраты тропов, ритма, аллитерации и т. д. и т. п. Как, например, передать журчание ручья, переводя с белорусского на другой язык стихотворение Кастуся Киреенко «Ручаінка», изобилующего аффрикатами «ц», «ч», шипящими и сонорными звуками, которые физически передают шум текущей воды? Ни в русском, ни в украинском, ни, пожалуй, в каком бы то ни было другом языке не удастся набрать при переводе такое фонетическое созвучие:

Дзень і ноч
На лугу
Не маучиць, булькаціць ручаінка:
Я спяшаю, бягу
Ад матулі –
Крынічкі-жывінкi [2, с. 280].

Очевидно, что проблемы могут возникнуть как во внелингвистических, так и в собственно лингвистических ситуациях. Наряду с переводом слов, образно говоря, переводчик должен заниматься переводом смыслов, чувств, ощущений, ассоциаций и т. п. С одной стороны, переводящий не может отойти от оригинала, чтобы текст не потерял первоизданную самобытность, а с другой – должен проявить творчество, чтобы воссоздать все нюансы, присущие художественному произведению, но, чем ярче проявляется творчество в переводе, тем более тускло прослеживаются задумки автора. Возникает порочный круг, «диаметр» которого зависит от таланта переводчика, способного

внести в свою деятельность максимум авторского и минимум личного, сохранив при этом художественную ценность романа, повести, рассказа, поэмы, стихотворения. «Правило для перевода художественных произведений одно – передать дух переводимого произведения, чего нельзя сделать иначе, как передать его на русский язык так, как бы написал его порусски сам автор, если бы он был русским» [6, с. 246]. Полноценный перевод должен производить впечатление на своего читателя такое же, какое производит подлинник на читателя, владеющего языком оригинала. Автор перевода не должен допускать пропуски, дополнения, изменения. Если в произведении есть погрешности, недостатки, их тоже необходимо последовательно передать. Цель перевода – по возможности заменить подлинник для читателя, которому он недоступен из-за незнания языка, дать читателю средства и возможность наслаждаться художественным произведением, правильно понимать его и судить о нём. Из сказанного выше необходимо сделать вывод: стоит ли русскоязычные повести Н.В.Гоголя и Т.Г.Шевченко переводить на украинский язык?

Оригинал теряет свою художественную ценность, если в переводе допускаются интерпретации, неоправданные вольности и измышления, «плохой переводчик тянет к себе, хороший – тянется к автору» [6, с. 246]. Перевод художественных литературных произведений предполагает воспроизведение индивидуального своеобразия подлинника и сохранение его эстетического восприятия. Перевод по своей природе – это особый вид коммуникативной деятельности. «При осуществлении перевода художественного текста мы имеем дело не столько с переводом в его утилитарном понимании, сколько с особым видом межкультурной, культурноэтнической и художественной коммуникации, для которой непреходящей ценностью является собственно текст как значимая языковая величина и предмет художественного изображения и восприятия» [6, с. 247].

Художественный текст в высшей степени индивидуален и при переводе требует эквивалентности. В зависимости от задач и способов их решения, различают несколько видов эквивалентности:

– денотативная – предполагает сохранение предметного, фактического содержания, в переводческой литературе именуемого «содержательной инвариантностью» или «инвариантностью плана содержания»;

– коннотативная – предполагает передачу коннотаций текста путём целенаправленного выбора синонимичных языковых средств, в переводческой литературе обычно относится к стилистической эквивалентности;

– текстуально-нормативная – ориентирована на жанровые признаки текста, языковые и речевые нормы, в переводческой литературе часто именуется «стилистической эквивалентностью»;

– прагматическая – предусматривает определённую установку на получателя, в переводческой литературе называется «коммуникативной эквивалентностью»;

– формальная – направлена на передачу художественноэстетических, каламбурных, индивидуализирующих и других подобных признаков оригинала [6, с.29 – 30].

Библиографические ссылки:

1. Иванищева О.С. Знание реалий – знание языка // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Мовознавство. – 2005. – Вип. 11. – Т. 1. – С 151 – 158.
2. Кірэенка К. Выбраныя творы у двух тамах. Вершы 1942 – 1967 гг. – Мінск: Беларусь, 1969. – Т. 1. – 288 с.
3. Ильф И., Петров Е. Золотой телёнок. – М.: Правда, 1984. – 416 с.
4. Меньшиков И.И. Текст как синтаксическая единица // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Мовознавство. 2003. – Вип. 9. – С. 167 – 170.
5. Миснёва В.В. Фразеологические единицы в аспекте межкультурной коммуникации (на примере фразем, не имеющих соответствий в системе слов) // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Мовознавство. – 2004. – Вип. 10. – С. 192 – 199.
6. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. 3-е изд. – М.: Флинта, 2003. – 320 с.

7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 14-е изд. / Под ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: Рус. яз., 1983. – 816 с.
8. Стругацкий А., Стругацкий Б. За миллиард лет до конца света: Фантастические произведения. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006. – 624 с.
9. Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. В 11 т. – 2-е изд. – Донецк: Сталкер, 2004. – Т. 3. – 703 с.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 180 с.
11. Успенский Л.В. Слово о словах (очерки о языке). – К.: Веселка, 1987. – 367 с.

РОЗДІЛ II

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ЛІНГВІСТИКИ ТЕКСТУ

2.1. ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ КАК ПОЛЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКИХ ПАРЕМИЙ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ КОНЦЕПТЫ «КРАСНОЕ» И «ЧЕРНОЕ» (Ю.Е. Ахтырская). Паремиологический фонд языка является одним из способов конструирования текста культуры и репрезентации этнокультурного пространства. Исследователи рассматривают пословицу как культурно значимый текст и, говоря о «паремиологическом парадоксе», подчеркивают, что, в паремиях выражается национальный характер, душа народа [19, с. 26]. Паремии, как известно, – неисчерпаемый клад народной мудрости. Паремиологический фонд – это также и ментальные конструкты, вобравшие в себя опыт человеческого коллектива, наполненный смыслом и знаниями. В глубинных ментальных представлениях людей разных национальностей заложены основы базовых общечеловеческих ценностей [1, с. 8]. Пословицы и поговорки, согласно данной мысли, приобретают статус «универсалий». И поэтому уже сейчас ни в современной лингвокультурологии, ни в этнолингвистике, ни в социоллингвистике не подвергается сомнению универсальный характер данных категорий [1, с. 10].

Способность пословиц и поговорок выражать культурное самосознание народа, определяемое как «остов» его ментальности, дает возможность рассматривать данные категории как текст культуры. Тексты, как известно, не

только структурируют знания объективной действительности, но и являются репрезентантами этнокультурного пространства [23, с. 163].

Текст паремий представляет собой как бы линзу, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса.

Благодаря образности, метафоричности, экспрессивности, оценочности, выразительности паремий отражается этнокультурное пространство народа, что отмечается многими исследователями [21, с. 37]. По мнению же В.М. Федорова, паремии «удовлетворяют потребность носителей языка в выразительности» [17, с. 64].

Исследователи характеризуют паремии как важнейший компонент национального духа, с помощью которых находит свое отражение ментальность народа [7, с. 83]. Паремии «воплощают и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» [18, с. 25]. Паремиологический фонд языка представляет собой «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [23, с. 182]. О.В. Спиридоновский отмечает неразрывную связь паремий с определённым спектром концептов, составляющих национальную концептосферу [5, с. 168]. Паремии актуализируют определенные концепты. Пословицы, «вступая во взаимосвязь друг с другом в тематическом и в семантическом плане, образуют сложноорганизованное многомерное этнокультурное пространство» [17, с. 73]. Паремии, в которых актуализируются те или иные концепты, в большей степени отражают образно-эмоциональную и национально-специфическую стороны этнокультурного пространства. Концепт как ментальное образование кодирует в самых разных конфигурациях культурно значимые смыслы, что позволяет выразить конкретную этнокультурную картину мира. В трактовке Н.Д. Арутюновой концепт – это «понятие жизненной

философии», закрепленное в лексике естественных языков и обеспечивающее стабильность и преемственность духовной культуры этноса [2, с. 275].

Цвет, выступая в качестве концепта в культуре, репрезентирует «своеобразную модель этнокультурного пространства» [11, с. 36].

Цвет «фиксирует и актуализирует уникальную информацию о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностями художественного видения мира» [13, с. 65]. Являясь компонентом культуры, цвет окружен системой ассоциаций, смысловых значений, толкований. Цвет выступает репрезентантом национальной культуры.

Познание цвета – это осознание смысла образов архетипов, канонизированных мировой культурой. По утверждению А.К. Башариной, «цвета играют большую роль в формировании этнокультурного пространства, поскольку с каждым цветом у разных народов связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения» [18, с. 174].

Рассматривая концептосферу красного и черного цветов в русском языковом сознании, мы выявляем не только феномен цвета как своеобразный концепт мировосприятия, но и как способ отображения этнокультурного пространства.

В паремиях русского языка широко представлены концепты «Красное» и «Черное», которые являются контекстуально амбивалентными в этнокультурном пространстве русского языкового сознания [14, с. 152]. Рассмотрим сначала, как паремии, актуализирующие концепт «Красное», репрезентируют этнокультурное пространство. В толковых словарях русского языка [7, 9, 25] лексема «красный» толкуется как «рудой, алый, цвет крови», если говорить о цвете, и как «красивый, нарядный, ясный, светлый, прекрасный; лучший». Колоратив «красный» имеет древнее происхождение, образовано от слова «красивый», и

основная семантика выражена не только значением «цвет», но и «цвет крови», «характеристика внешних данных и душевных качеств человека» [19, с. 137]. Этимология и семантика лексемы «красный» представляют одну из эксплицитных и имплицитных характеристик концепта «красное». В русских паремиях этнокультурное пространство, репрезентируемое концептом «Красное» актуализируется следующими реалиями: КРАСОТА: *Не наряд девку красит, домостройство* [6, с. 371], *Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде* [6, с. 349]; ДОМ: *Не красна изба углами, красна пирогами* [6, с. 367], *Не дом хозяина красит, а хозяин дом* [6, с. 364]; ЖЕНЩИНА: *Девка пляшет, сама себя красит* [6, с. 303], *Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде* [6, с. 349]; ПРИРОДА:

Дождик вымочит, а красно солнышко высушит [6, с. 310], *Весна цветами красна* [6, с. 294]; ТРУД: *Зачин дело красит* [6, с. 306]; РОДИНА: *Наша весна красным красна* [6, с. 350], *Родина – солнце красное* [6, с. 415]. Таким образом, паремии, отражающие концепт «Красное», соотносятся с так называемыми положительными понятиями, то есть теми, которые в русском языковом сознании мыслятся с позитивной коннотацией, и являются способом выражения отношения к действительности, расставления приоритетов в различных сферах русской народной жизни, выражения аксеологической характеристики того или иного явления в этнокультурном пространстве русского языкового сознания.

Концепту «Красное» в этнокультурном пространстве русского языкового сознания противостоит концепт «Черное», который представлен во многих паремиях русского языка. Следует отметить, что черный цвет на Руси всегда был символом несчастья [20, с. 54]. Как отмечает А.А. Потебня: «Черный цвет, происходя от огня, имеет значение безобразия, ненависти, печали, смерти, противоположные переносным значениям «света» [16, с. 139]. Толковые словари дают соответствующую денотацию лексемы «черный»: «Цвет сажи, угля; ...перен. мрачный, тяжелый, грязный, замаранный; нечистый, Дьявол, черт» [7,

с. 418], «мрачный, беспросветный, безотрадный; горестный, трудный; связанный с нечистой силой; чародейский, колдовской» [9, с. 485]. В этнокультурном пространстве русского языкового сознания концепт «Черное» актуализируется в поговорках, в которых демонстрируется негативное отношение к таким отрицательным проявлениям этнокультурных реалий, как ЛУКАВСТВО: *Она языком и белит и чернит* [6, с. 453], *Говорит бело, а делает черно* [6, с. 316]; ЛОЖЬ: *Черный день придет – приятели откинутся* [6, с. 498]; ГРЕХ: *Как душа черна, так и мылом не смоешь* [6, с. 348], *Голосиста пташка, да черна рубашка* [6, с. 325]; ГОРЕ: *Черный день придет – приятели откинутся* [6, с. 498], *Белое – венчальное, черное – печальное* [6, с. 299]. В

русских народных представлениях черный цвет ассоциировался с демонологическими персонажами, в частности, с чертом, что нашло своё отражение в том, что в большинстве русских поговорок концепт «Черное» актуализируется лексемой «черт» [16, с. 128]. Как утверждает А. Вежбицкая, «Черный цвет неразрывно связан с понятием *темные силы*. Скорее всего, это объясняется тем, что он ассоциируется с ночью и адом, а это, в свою очередь, является следствием переплетенных в сложную систему религиозных представлений дохристианских верований и христианской веры» [5, с. 283]. Концепт «Черное» реализуется поговорками, актуализирующими такие негативные проявления действительности, как ЩЕГОЛЬСТВО: *Пола да черти одной шерсти* [6, с. 375]; ТРУСОСТЬ: *Как черт за душой тянется* [6, с. 324]; СКУПОСТЬ: *Тороватому бог подает, а у скупого черт отбирает* [6, с. 389]; ВРАЖДА: *Бог дал родню, а черт вражду* [6, с. 302]; СОБЛАЗН: *Было бы болото, а черти будут* [6, с. 305]; *Бог дал путь, а черт крюк* [6, с. 302]; ГОРДЫНЯ: *Во всякой гордости черту много радости* [6, с. 316]; ПЬЯНСТВО: *Пьяное рыло – чертово бороздило* [6, с. 355]. Поговорка *Бог дал путь, а черт крюк* содержит в себе глубокий общечеловеческий смысл. Данное выражение структурируется такими базовыми понятиями, как Душа, Сердце, Любовь, Вера, Надежда. В

языковой картине мира любого этноса под концептом «Бог» подразумевается чистота помыслов, духовная красота, стремление совершенствовать себя. Дорога к Богу – сложный путь, который необходимо пройти с честью и достоинством. Противопоставление «Бог / Черт» характерно не только для русского языкового пространства. В мире, где сосредоточено добро и зло, понятия «Бог» и «Черт» останутся вечными «общечеловеческими антагонистами» до тех пор, пока человечество не поймет сути «греха» и не научится любить себе подобных и окружающий мир [1, с. 9].

Концепты «Красное» и «Черное» в этнокультурном пространстве русского языкового сознания являются амбивалентными, противопоставленными друг другу, что отражается наличием паремий, в которых символика этих двух цветов антонимируется в пределах одной пословицы: *Временем в красне, порою в черне* [6, с. 324], *Время красит, а безвременье чернит* [6, с. 324], *Полюби-ка нас в черне, а в красне-то и всяк полюбит* [6, с. 353].

Таким образом, русские паремии, являясь конструктами текста русской культуры, создают особый национальный образ мира и репрезентируют концепты «КРАСНОЕ» и «ЧЕРНОЕ» как одни из важнейших компонентов в концептосфере русской культуры, а также отображают пути формирования, освоения, закрепления в культурной памяти не только общих, но и национально окрашенных культурно-значимых специфических черт этнокультурного пространства.

Библиографические ссылки:

1. Амичба Д.П. Общечеловеческое как проблема лингвокультурологии // Вісник Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. Част. 2 / Под ред. Марченко С.Я., Синельникова Л.М. и др. – Луганск, 2006. – С.7-12.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. □ М., 1993. – 542 с.
3. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. – М., 2005. – 369 с.
4. Вежбицкая А. Лексикография и анализ концептов // А. Вежбицкая. – М., 2000. – 361 с.
5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М., 1999. – 426 с.
6. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль. – М., 2000. – 544 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1995. – Т. 2. – 598 с.

8. Дубинин-Гусляков А.В. Общество и сознание / А.В. Дубинин-Гусляков. – М., 1983. – 341 с.
9. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный Т.Ф. Ефремова. □ М., 2001. □ Т.1. – 473 с.
10. Ефремова Т.Ф. Толково-словообразовательный словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М., 1990. – 567 с.
11. Жаркынбекова Ш.К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики / Ш.К. Жаркынбекова // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. □ Братислава, 1999. – С. 32 □ 40.
12. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – М., 2006. – 361 с.
13. Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П.Василевич. – М., 2007. – 269 с.

2.2. ЗАКОНОДАВЧИЙ ТЕКСТ ТА ОСОБЛИВОСТІ ЙОГО СИНТАКСИЧНОЇ СТРУКТУРИ (ІНФІНІТИВНІ СПОЛУКИ)

(О.І. Білоусова). Тексти сучасного українського законодавства мають характерні синтаксичні особливості, зокрема активне вживання інфінітивних конструкцій, що займають особливе місце серед дієслівних структур.

Інфінітив як специфічна граматична форма не має чітких морфологічних ознак, за якими його можна було б зарахувати до певної частини мови. Тому проблема частиномовного статусу інфінітива в лінгвістиці витлумачена суперечливо. За В.М. Русанівським [4, с. 423], інфінітив «як найбільш загальне дієслівне утворення, вважають вихідною формою дієслова». У більш сучасних дослідженнях із граматики його кваліфіковано як «напівморфологізований синтаксичний іменник, що є наслідком транспозиції особово-часових та особово-способових форм дієслова, тобто наслідком синтаксичного ступеня субстантивзації згаданих форм дієслова» [2, с. 81 □ 82]. Наведені вище концепції є цілком протилежними.

У межах традиційного підходу до тлумачення інфінітива відома також спроба вважати його неособовою дієслівною формою, яка в системі дієслівних

утворень посідає четверте місце, після дієвідмінюваних дієслів, дієприкметника та дієприслівника [4, с. 158]. Виражаючи назву дії, інфінітив наближується до іменників, але при цьому йому не властива категорія відмінювання, що характеризує іменник. Слід також зазначити, що інфінітив не набув дієслівних форм і залишився невідмінюваною формою дієслова, але при цьому «здатний виконувати й найрізноманітніші номінативні функції» [6, с. 3].

Інфінітив зараховується до дієслова як частини мови переважно на підставі його лексичного значення, бо він так само виражає значення дії, стану, процесу. Проте І.Р. Вихованець переконаний, що «його лексико-семантичну тотожність іншим формам дієслова не можна абсолютизувати, бо, по-перше, у такому разі до складу дієслів треба зараховувати віддієслівні іменники, оскільки вони також виражають дієслівну лексичну семантику, а по-друге, одного критерію не досить, щоб правильно визначити сутність інфінітива» [1]. Правильне граматичне обґрунтування статусу інфінітива в системі частин мови слід будувати на послідовному врахуванні формально-синтаксичного та семантико-синтаксичного його функціонування.

При тлумаченні інфінітива слід враховувати також і його морфологічні ознаки, що суттєво відрізняються від морфологічного вираження інших форм, об'єднаних системою дієслова. Отже, вважаємо за доцільне кваліфікувати **інфінітив** як «дієслівне утворення, що називає дію або процесуальний стан без вказівки на спосіб, час, особу, число і рід» [5, с. 211-212].

З огляду на складну природу інфінітива вважаємо за доцільне проаналізувати особливості функціонування інфінітивних конструкцій у структурі мови сучасного українського законодавства. М.М. Кожина звертає увагу на те, що вживання інфінітивних форм у законодавчій мові, мові ділових документів значною мірою відрізняється від тих, що функціонують у інших стильових різновидах мови [3, с. 148].

Як відомо, законодавство як система нормативних актів, якими регулюються суспільні відносини, фіксує права, свободи та обов'язки громадян України. Аналітичні інфінітивні конструкції, що функціонують у мові нормативно-правових документів, можуть мати різне структурне наповнення, і відповідно різну семантику. Найбільш продуктивно в текстах законодавчого спрямування передається значення обов'язковості, потрібності, закономірності, необхідності здійснення чогось. Це значення реалізується функціонуванням наступних моделей інфінітивних конструкцій:

1. Предикативні прислівники потрібно, необхідно, треба + інфінітив. *Потрібно* у складі інфінітивної конструкції передає значення необхідності здійснення чого-небудь: «У заяві про забезпечення позову повинно бути зазначено: 1) причини, у зв'язку з якими **потрібно забезпечити** позов...» (ЦПК України, ст. 151). Трапляється також поодиноке вживання конструкцій, у яких прислівник *потрібно* вживається з заперечною часткою, виражаючи відсутність потреби виконувати ті чи ті дії: «Обставини, визнані судом загальновідомими, **не потрібно доказувати**» (КАС України, ст. 72). Більш категоричний вияв необхідності передається поєднанням інфінітива з прислівником *необхідно*: «Матеріали погодження місця розташування об'єкта повинні включати: ...копію плану земельної ділянки з нанесенням на ній варіантів розміщення об'єкта із зазначенням загальної площі, яку **необхідно вилучити**» (ЗК України, ст. 151). Дещо рідше фіксуємо вживання конструкцій з прислівником *треба*, що за семантикою близький до вказаних вище, тобто виражає певну повинність, напр.: «...суд має право за заявою стягувачів видати кілька виконавчих листів, точно зазначивши, яку частину рішення **треба виконати** за кожним виконавчим листом» (ЦПК України, ст. 368).

2. Предикативні прикметники зобов'язаний (-на, -не, -ні), повинен (-на, -не, -но, -ні) + інфінітив. Сполучення інфінітива з предикативним прикметником зобов'язаний (-на, -не, -ні) передає семантику повинності суб'єкта

виконувати певні дії: *«Експлуатант повітряного судна зобов'язаний відшкодувати шкоду, заподіяну членові екіпажу...»* (ПК України, ст. 36). Компонентний склад такої інфінітивної конструкції може варіюватися, зокрема введенням у її структуру заперечної частки, що розміщується безпосередньо перед інфінітивом, напр.: *«Кожен зобов'язаний не заподіювати шкоду природі, культурній спадщині, відшкодувати завдані ним збитки»* (Конст. України, ст. 66). Таким чином, зрозуміло, що «особа зобов'язана чогось не робити», іншими словами передається заборона чинити певні дії.

Конструкція, що являє собою поєднання інфінітива з прикметником *повинен* (-на, -не, -но, -ні), виражає значення повинності, близьке до необхідності, напр.: *«Перед початком огляду посадова особа митного органу повинна пред'явити громадянину письмову постанову керівника митного органу...»* (МК України, ст. 57).

З метою підсилення значення категоричної обов'язковості інфінітивні конструкції з предикативними прикметниками *зобов'язаний* (-на, -не, -ні), *повинен* (-на, -не, -но, -ні) ускладнюються прислівниками типу *негайно*, *неухильно*, *невідкладно*, *неминуче* та ін., що розміщуються між прикметником та інфінітивом, напр.: *«У разі постановлення ухвали суду про припинення проведення експертизи, експерт зобов'язаний негайно подати матеріали справи...»* (ЦПК України, ст. 53); *«Засуджені зобов'язані ... неухильно дотримуватися правил поведінки...»* (КВК України, ст. 9). Прислівник може розміщуватися також у препозиції до інфінітивної конструкції, увиразнюючи семантику необхідності: *«Експерт невідкладно повинен повідомити суд про неможливість проведення ним експертизи через відсутність у нього необхідних знань або без залучення інших експертів»* (ЦПК України, ст. 53). Ці конструкції містять вказівку на те, що та чи та дія повинна обов'язково відбутися в найкоротший часовий проміжок, без затримки та зволікань.

3. Модальне дієслово має (мають) + інфінітив. Структурна модель передає семантику повинності з відтінком рекомендації, напр.: *«Державний бюджет України має містити пояснення всіх видатків, за винятком видатків...»* (БК України, ст. 30); *«...є основним джерелом існування, мають забезпечувати рівень життя, не нижчий від прожиткового мінімуму...»* (Конст. України, ст. 46).

4. (Не) має (мали) намір + інфінітив. Значення першого компонента цієї структурної моделі *(не) має (мали) намір* передає семантику всієї конструкції загалом, тобто фіксує наявність чи відсутність бажання, наміру особи щось зробити, напр.: *«...якщо буде встановлено, що жінка та чоловік продовжували проживати однією сім'єю і не мали наміру припинити шлюбні відносини»* (СК України, ст. 108); *«Наймач, який має намір скористатися переважним правом на укладення договору найму на новий строк...»* (ЦивК України, ст. 777).

5. Дієслово зобов'язується (зобов'язуються) + інфінітив, що завжди розміщується в постпозиції до підмета речення і, як правило, стосується певної особи або групи осіб, що «бере на себе будь-яке зобов'язання», напр.: *«За договором міни (бартеру) кожна із сторін зобов'язується передати другій стороні у власність повне господарське відання...»* (ГК України, ст. 293).

Інфінітивні конструкції цієї структурної моделі можуть ускладнюватися одним або кількома додатковими компонентами, що розміщуються між дієсловом зобов'язується та інфінітивом: *«У разі укладення такого договору той із батьків, з ким проживає дитина, зобов'язується самостійно утримувати її»* (СК України, ст. 190); *«Попереднім є договір, сторони якого зобов'язуються протягом певного строку (у певний термін) укласти договір в майбутньому...»* (ЦивК України, ст. 635).

6. Дієслова модальної семантики слід, належить + інфінітив:

слід вважати, слід розуміти, слід зібрати; належить вчинити, належить сплатити, належить застосувати, належить передати, належить зробити, належить виконати. Поєднання модального слова *слід* та інфінітива реалізують семантику необхідності, напр.: *«В ухвалі про судове доручення коротко зазначається зміст справи..., вказуються обставини, що належить з'ясувати, та докази, які слід зібрати суду...»* (КАС України, ст. 115). Проте це значення не єдине, оскільки інфінітивні конструкції з модальним словом *слід* особливо часто вживаються в поєднанні з інфінітивною формою дієслів *вважати, розуміти*. Ці конструкції є своєрідним тлумаченням, поясненням до термінів і понять, уточненням того, що саме розуміється під тим чи тим поняттям у контексті відповідної статті, напр.: *«Обманом покупців та замовників у значних розмірах слід вважати обман, що спричинив громадянину матеріальну шкоду...»* (КК України, ст. 225); *«...під місткістю суден з механічним двигуном слід розуміти чисту місткість судна з додаванням до неї об'єму машинного відділення...»* (КТМ України, ст. 352).

Сполучення дієслова *належить* з інфінітивом виражає вказівку на необхідність виконання встановлених правил, вимог, напр.: *«Одночасно з клопотанням про поновлення чи продовження строку належить вчинити ту дію або подати той документ чи доказ...»* (ЦПК України, ст. 73).

Для мови сучасного українського законодавства характерними є конструкції, семантика яких окреслює права та свободи громадян держави (організацій, органів, закладів і т.ін.). Це значення реалізують наступні структурні моделі інфінітивних конструкцій:

7. (Не) має (мають) право + інфінітив. Ця модель відзначається значною продуктивністю вживання в законодавчих текстах. За допомогою неї подається вказівка на те, що суб'єкт дії (особа, група осіб, орган чи організація) має певні права, напр.: *«Засуджені іноземці мають право підтримувати зв'язок з дипломатичними представництвами і консульськими установами своїх*

держав...» (КВК України, ст. 8). Інколи вказується, що носієм права є будь-яка особа: *«Усі мають право направляти індивідуальні чи колективні письмові звернення або особисто звертатися...»* (Конст. України, ст. 40). Семантичне наповнення конструкції, побудованої за такою моделлю, може дещо змінюватися шляхом введення у її структуру, зокрема між сполученням «має право» та інфінітивом заперечної частки *не*, напр.: *«Підрядник має право не братися за роботу, а розпочату роботу зупинити у разі порушення замовником своїх зобов'язань за договором...»* (ГК України, ст. 320). Таким чином подається інформація про те, що особа «має право не виконувати ті чи інші дії».

8. (Не) може (можуть) + інфінітив. За значенням ця структурна модель близька до попередньої, тобто містить вказівку на те, що саме «дозволено чи не дозволено» робити суб'єкту дії, напр.: *«Орган, який вирішує справу про адміністративне правопорушення, може визнати пом'якшуючими і обставини, не зазначені в законі»* (КПАП України, ст. 34); *«Ніхто не може узурпувати державну владу»* (Конст. України, ст. 5).

Нерідко модальне дієслово *може (можуть)* у формі минулого часу та інфінітив є основою для утворення форми умовного способу, що теж є інфінітивною конструкцією: *«...взявши участь у справі, він міг би відвернути відібрання проданого товару у покупця»* (ЦивК України, ст. 660).

9. Предикативний прислівник (не) можна + інфінітив. Цю модель вважаємо різновидом до попередньої структурної моделі, що, як правило, вживається у структурі підрядної частини складнопідрядного речення, напр.: *«Подільною є річ, яку можна поділити без втрати її цільового призначення»* (ЦивК України, ст. 182).

10. Дає (надає) право + інфінітив; дає (дають) змогу + інфінітив. У законодавчих текстах також вживаються конструкції цього типу, що мають тотожне значення, фіксуючи певні права та можливості, напр.: *«Витрати спеціального фонду бюджету мають постійне бюджетне призначення, яке дає*

право провадити їх виключно в межах і за рахунок відповідних надходжень...» (БК України, ст. 23); *«Свідоцтво надає право його володільцеві забороняти іншим особам використовувати зареєстровану торговельну марку без його дозволу...»* (ГК України, ст. 157); *«Якщо кілька речей утворюють єдине ціле, що дає змогу використовувати його за призначенням...»* (ЦивК України, ст. 188); *«...подаються лише документи, що дають змогу ідентифікувати ці товари і транспортні засоби...»* (МК України, ст. 103).

Серед інфінітивних конструкцій зустрічаються структури, що вказують на відсутність можливості, змоги виконувати певні дії, тобто є антонімічними за семантичним наповненням до попередньої групи інфінітивних конструкцій: *«...один із подружжя не мав можливості одержати освіту, працювати, зайняти відповідну посаду, він має право на утримання...»* (СК України, ст. 76).

11. Іменник + інфінітив: напр.: *відмова скласти, зобов'язання здійснювати, можливості народити, право обіймати, небажання стати, право визначати* та ін. Іменник та інфінітив розміщуються, як правило, контактено, тобто не передбачається будь-яке поширення цієї структурної моделі додатковими компонентами, напр.: *«Відмова скласти присягу має наслідком втрату депутатського мандата»* (Конст. України, ст. 79); *«Позбавлення жінки можливості народити дитину ...у зв'язку з виконанням нею конституційних, службових, трудових обов'язків...»* (СК України, ст. 49).

12. Безособове дієслово + інфінітив. Найчастіше інфінітивні конструкції цієї структурної моделі в законодавчих текстах утворюються за участю безособових дієслів *дозволяється* та *забороняється*, що виражають відповідно значення дозволу та заборони здійснювати що-небудь, займатися чимось, напр.: *«Засудженим військовослужбовцям дозволяється відправляти і отримувати листи та телеграми без обмеження їх кількості»* (КВК України, ст. 74); *«Протягом строку відбування покарання засудженим забороняється*

звільнятися з роботи за власним бажанням без дозволу кримінальновиконавчої інспекції» (КВК України, ст. 42).

Безособове дієслово *пропонується* може також поєднуватися з інфінітивом: *пропонується підтримати, пропонується відхилити*. Семантика конструкцій цієї структури передає твердження рекомендаційного характеру, без відтінку категоричної обов'язковості виконувати певні дії, напр.: *«Під час постатейного голосування розглядаються пропозиції, які Комітетом Верховної Ради України з питань бюджету пропонується відхилити...»* (БК України, ст. 41).

13. Особова форма дієслова + інфінітив, тобто складений дієслівний присудок. Значення такої інфінітивної конструкції повною мірою залежить від семантичного наповнення окремих структурних елементів, напр.: *«...особа, яка задалегідь **обіцяла переховати** злочинця, знаряддя чи засоби вчинення злочину, сліди злочину...»* (КК України, ст. 27); *«Не підлягає кримінальній відповідальності особа, яка **відмовилася виконувати** явно злочинний наказ або розпорядження»* (КК України, ст. 41). Для мови законодавства, як правило, характерними є форми другої особи однини та третьої особи множини, при цьому, винятковим, на наш погляд, є вживання першої особи однини, що спорадично фіксується в досліджуваних текстах, зокрема, у мові Конституції України: *«**Присягаю додержуватися** Конституції України та законів України, **виконувати** свої обов'язки в інтересах усіх співвітчизників»* (Конст. України, ст. 79).

14. Інфінітив + інфінітив. Така модель інфінітивних конструкцій відзначається у законодавчих текстах невисокою продуктивністю вживання. Проте все ж кілька прикладів нами було зафіксовано. Зокрема, сполучення інфінітива *примусити* з іншим інфінітивом, що вказує на виконання повинності під тиском суб'єкта, без бажання з боку об'єкта, напр.: *«Погроза вчинити викрадання радіоактивних матеріалів з метою **примусити** фізичну або*

юридичну особу, міжнародну організацію або державу **вчинити** будь-яку дію...» (КК України, ст. 266). Менш категоричне значення примусу передається за допомогою інфінітива *спонукати*, що поєднується з іншим інфінітивом: «...з метою *спонукати* потерпілого або іншу особу **вчинити** дії, що суперечать їх волі...» (КК України, ст. 127).

Отже, тексти сучасного українського законодавства відзначаються продуктивністю вживання інфінітивних конструкцій. У процесі аналізу було виділено 14 структурних моделей інфінітивних сполук, що мають різне семантичне наповнення. Причому переважають конструкції, що мають значення повинності, необхідності здійснення чогось, обов'язковості, закономірності.

Бібліографічні посилання:

1. Вихованець І.Р. Теоретична морфологія української мови: Академ. граматики української мови / І. Вихованець, К. Городенська; за ред. І. Вихованця. – К.: Унів. вид-во «Пульсари», 2004. – 400 с.
2. Вихованець І.Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті. –К.: Наук. думка, 1988. – С.79 □ 82, 23, 30.
3. Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. – Пермь, □ 1972. □ С. 140 □ 152.
4. Сучасна українська літературна мова. Морфологія /За заг. ред. І.К.Білодіда. – К.: Наук.думка, 1969. – 582 с.
5. Українська мова. Енциклопедія / За ред. В.М. Русанівського та ін. – К.: Укр. енцикл., 2000. – С. 211 □ 212.
6. Швець І.Р. Синтаксичні функції інфінітива в сучасній українській літературній мові (Інфінітив у функції другорядних членів речення). Лекції спецкурсу. – О.: Вид-во ОДУ, 1972. – 58 с.

Список скорочень

БК України □ Бюджетний кодекс України

ГК України □ Господарський кодекс України

ЗК України □ Земельний кодекс України

КАС України □ Кодекс адміністративного судочинства України

КВК України □ Кримінально-виконавчий кодекс України

КК України □ Кримінальний кодекс України

Конст. України □ Конституція України

КТМ України □ Кодекс торговельного мореплавства України

МК України □ Митний кодекс України

ПК України □ Повітряний кодекс України

СК України □ Сімейний кодекс України ст.

□ стаття кодексу чи Конституції України

ЦивК України □ Цивільний кодекс України

ЦПК України □ Цивільно-процесуальний кодекс України

2.3. ТЕКСТ И ПРОБЛЕМА ВОПЛОЩЕНИЯ КОНЦЕПТА

(Т.А. Клименко). Процессы мышления как проявление когниции отображаются в тексте, под текстом мы понимаем «результат говорения или письма, продукт речевой деятельности, основная коммуникативная единица, которой человек пользуется в процессе речевой деятельности. Текст, как правило, обладает единством темы и замысла, относительной законченностью, связностью, цельностью, внутренней структурой – синтаксической (на уровне сложного синтаксического целого и предложения), композиционной и логической, определенной целенаправленной и прагматической установкой. Восприятие текста обеспечивается не только языковыми единицами и их соединениями, но и необходимым общим фоном знаний, его коммуникативными характеристиками» [2]. Поэтому текстовые данные позволяют судить о языке не только с точки зрения его употребления, но и являются данными о «соотношении языка и образа мышления его носителей» [5, с. 19]. Любой текст всегда носит отпечаток когнитивной деятельности автора, в нем отражаются биологические, социальные и личностные качества индивидуума, процессы и результаты его мышления, в нем как «в компоненте человеческого сознания» [6, с. 56], находят свое отражение концепты, «самые важные из них кодируются именно в языке» [7, с. 91]. Мы имеем в виду такие культурно значимые концепты, как «любовь», «вера», «грех», «закон», «радость», «семья», «зло» и другие.

В современный период развития научной мысли «концепт» рассматривается в рамках нескольких подходов: «Существующие в лингвистике подходы к пониманию концепта сводятся к лингвокогнитивному и лингвокультурному осмыслению этих явлений» [9, с. 96]. Исследователь С.Г. Воркачев выделяет общесемиотический подход к изучению концепта как знака: «Из признания концепта планом содержания языкового знака следует, что он включает в себя, помимо предметной отнесенности, всю коммуникативно значимую информацию. Прежде всего, это указания на место, занимаемое этим знаком в лексической системе языка: его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи» [10]. Исследователи Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, В.Г. Зусман являются представителями лингвокультурологического подхода к изучению концепта: «Основной единицей лингвокультурологии является культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [9, с. 91]. Суть этого подхода заключается в том, «что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом» [9, с. 97]. Академик Ю.С. Степанов рассматривает культуру как совокупность концептов: «Культура – совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных «рядах» (прежде всего в «эволюционных семиотических рядах», а также в «парадигмах», «стилях», «изоглоссах», «рангах», «константах» и т.д.); надо только помнить, что нет ни «чисто духовных», ни «чисто материальных» рядов» [11, с. 40]. Указанный ученый рассматривает сам концепт («Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [11, с. 43]) и его строение в тесной связи с культурной средой: «Концепт имеет «слоистое» строение и разные слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох» [11, с. 49]. В.Г. Зусман понимает концепт как «одновременно и индивидуальное представление и общность..., что сближает его с художественным образом, заключающим в себе

обобщающие и конкретно-чувственные моменты; смысловое колебание между понятийным и чувственным, образным полюсами делает концепт гибкой, универсальной структурой, способной реализовываться в дискурсах разного типа» [4, с. 6].

Представителями когнитивного подхода к исследованию концепта являются Е.С. Кубрякова, Т.Г. Межибо, Р. Якобсон и многие другие исследователи. С точки зрения когнитивной лингвистики, «концепт понимается как заместитель понятия, ... как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закрепленного значения; совокупность концептов образует концептосферу данного народа и соответственно данного языка» [9, с. 97].

Различные подходы к пониманию концепта могут взаимодополнять друг друга, придавая исследованию многомерность: «Концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Иначе говоря, эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [9, с. 97].

В зависимости от вербальной выраженности концепта С.А. АскольдовАлексеев различает художественные и познавательные концепты. Первым присуща образность, иррациональность, индивидуальность, так как художественная литература, в отличие от научной, воздействует на чувства читателя. «Художник вызывает в уме воспринимающего по преимуществу образы (т.е. те же представления), а не понятия, и они-то и производят эмоциональный эффект» [12, с. 267]. К познавательным концептам «не примешиваются чувства, желания, вообще иррациональное» [12, с. 274], но

«концепты познавательного характера только на первый взгляд совершенно чужды поэзии. На самом деле они словно подземными корнями питают своими смысловыми значениями иррациональную и неопределенную стихию поэтических слов и приемов» [12, с. 268]. С.А. Аскольдов-Алексеев полагает, что «все художественные восприятия имеют характер концептов, хотя и лишенных логической устойчивости» [12, с. 268]. Т.А. Космеда отмечает, что концепты познания являются своеобразными универсалиями, тогда как художественные концепты выражают особенное видение и понимание мира отдельной языковой личностью [13, с. 153]. Мы понимаем познавательные концепты, как общее, то, в чем содержится культурологическая информация и что лишено субъективности. Отличительным признаком познавательных концептов как ментальных сущностей является наличие ценностной составляющей, такого мнения придерживаются Ю.С. Степанов, Ю.Н. Караулов, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая. Такие концепты обычно выражаются абстрактными словами, например, «грех», «беззаконие», «свои» и «чужие». Н.И. Сукаленко пишет о концепте: «Нередко собеседникам достаточно полунамека, воплощенного в языковую плоть концепта, чтоб догадаться, о чем идет речь. Но, с другой стороны, когда возникает необходимость в дешифровке подобных концептов, выясняется, что необычайно сложно анализировать не только глубоко индивидуальные представления, но и коллективные, собирательные» [4, с. 17].

Вопрос языкового воплощения концепта является важным для последующего описания концепта, которое представляет собой «специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений» [9, с. 92]. Та часть концепта, которая представлена в языке, структурируется и описывается различными исследователями по-разному. «Фреймовой моделью, воспроизводящей в лексической системе отношения концепта и его реализаций, являются гипонимические, родо-видовые структуры» [10]. Неотъемлемой частью восприятия концепта является языковая личность,

что отражается в дефиниции исследователя Е.В. Сергеевой: «Мы под концептом понимаем информационную целостность, присутствующую в языковом сознании, воспринимаемую языковой личностью как инвариантное значение ассоциативно-семантического поля и прошедшую означивание, то есть имеющую имя, представленное лексической единицей данного языка» [3].

Исследователь Т.Г. Межибо определяет структуру концепта и сам концепт «как оперативную структурированную единицу сознания, образование, обладающее четкой внутренней структурой, подчиненной ряду исходных принципов: выделяются ядро и периферия, относящиеся к плану содержания концепта, и его план выражения, репрезентированный в своих вариативных формах, зачастую зависящих от плана содержания концепта, от коммуникативных возможностей и потребностей человека. Иногда план выражения концепта, его «внешний вид» относят к периферийной области» [8, с.203]. Исследователь В.И. Карасик выделяет следующие элементы в анализе отдельного концепта: «1) дефинирование – выделяются смысловые признаки, например, категориальный статус, тематическая конкретизация, характеристика, внешняя отрицательная оценка, внутренняя отрицательная оценка, модальность долженствования; 2) контекстуальный анализ – выделяются ассоциативно связанные смысловые признаки; 3) этимологический анализ; 4) паремиологический анализ нормы поведения: следует ценить время, не следует откладывать дела на потом); 5) интервьюирование, анкетирование, комментирование» [9, с. 92]. С.Г. Воркачев обобщает различные подходы к описанию концепта: «В любом случае, концепт, как правило, соотносится более чем с одной лексической единицей, и логическим завершением подобного подхода является его соотнесение с планом выражения всей совокупности разнородных синонимических (собственно лексических, фразеологических в афористических) единств, описывающих его в языке, т.е. в конечном итоге концепт соотносим с планом выражения лексико-семантической парадигмы»

[2].

Значения художественного слова «проникнуты индивидуальностью», но «в них всегда заключена та или иная общность» [12, с. 268]. «Чаще всего представительство концепта в языке приписывается слову, а само слово получает статус имени концепта – языкового знака, передающего содержание концепта наиболее полно и адекватно. Однако слово как элемент лексикосемантической системы языка всегда реализуется в составе той или иной лексической парадигмы, что позволяет его интерпретировать, как 1) инвариант лексической парадигмы, образованной ЛСФ этого слова; 2) имя смыслового (синонимического) ряда, образованного синонимами, соотносимыми с одним из ЛСВ этого слова» [10]. Имя концепта несет на себе номинативную и содержательную нагрузки, является «медиумом, при помощи которого концепты выражаются – абстрактное, обобщенное и конкретно-чувственное, индивидуальное слово» [4, с. 12].

Таким образом, можно сделать некоторые выводы: та часть концепта, которая выражается в языке, обнаруживает себя при исследовании синтагматики и парадигматики, этимологии, микрофигур.

Библиографические ссылки:

1. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
2. Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kubstu.ru/docs/lingvoconcept/meaning.htm>.
3. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1990. – 205с.
4. Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания / В.Г. Зусман // Вопросы литературы, март-апрель 2003.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
7. Махлина С. Семиотика культуры и искусства: Словарь-справочник в двух книгах. Книга вторая. – СПб.: Композитор, 2003. – С. 179–180.
8. Межибо Т.Г. План выражения концепта: способы языковой репрезентации / Т.Г. Межибо // Вестник ТГУ. – Вып. 2 (58). – 2008. – С. 203-205.
9. Моррис Ч. Знаки и действия // Семиотика. – М., 1983.

10. Сергеева Е. В. Лексическая экспликация концепта «религия» в русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/sergeeva-07.htm>.
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
12. Сукаленко Н.И. Образная природа культурных концептов / Н.И. Сукаленко // Вісник Харківського університету. – № 519. – Сер. Філологія. – Вип. 32. – Сучасні філологічні студії: Аналіз та інтерпретація. – Харків. – 2001. – 126 с. – С. 12–17.
13. Текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari>.

2.4. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ОБУЧЕНИИ РКИ

(Н.Ю. Козырева). В процессе обучения иностранным языкам, в том числе и русскому как иностранному, базовым учебным материалом является текст, так как он служит:

- источником новой информации;
- источником нового лексического и лексико-грамматического материала;
- базой для связной речи, базой для коммуникации в её лингвометодическом понимании [9, с.106].

Богатейшим источником языковой информации является художественный текст. Его коммуникативный потенциал исследовался такими методистами, как Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров [4], Л.С. Журавлёва и М.Д. Зиновьева [7] и др. Художественный текст считается высшим проявлением свойств естественного языка. В его лингвистической структуре воплощаются особенности «живой речи», «литературной нормы» и «языка искусства» [5, с. 64].

Цель статьи – определить место художественных текстов на начальном этапе обучения студентов-иностранцев русскому языку. Проблемы использования художественных текстов, в свою очередь, включают в себя вопросы их отбора и методики работы с ними.

В настоящее время является актуальным вопрос необходимости использования художественных текстов в обучении РКИ. Интересны

исследования О.М. Мамай, в которых указывается на необходимость использования художественных текстов в целях активизации развития речевой деятельности учащихся нефилологов основного этапа обучения (II-III курсы), в связи с тем, что в данный период обозначается тенденция к замедлению поступательного развития их речевой деятельности, связанная с известной адаптацией их к жизни в русской языковой среде и к условиям обучения в профильном вузе. Художественные тексты на этом этапе обучения, по мнению исследователя, могут быть одним из возможных и реальных средств стимулирования умений в речевой деятельности (главным образом, в чтении и говорении) [10, с. 64].

Существует ряд исследований, посвящённых необходимости использования художественных текстов в целях страноведения – рассматриваются проблемы страноведческих критериев отбора художественных текстов, методических основ книг для чтения по русскому языку, построенных по страноведческому принципу и т. п. [7, с.165]. Материалы этих исследований демонстрируют неотъемлемость страноведческого аспекта лингвистического комментария литературного текста, сложную «взаимозависимость лексикологического материала с номинацией и экспрессивной характеристикой соответствующих реалий, понятий, явлений эпохи, современной комментируемому тексту» [1, с. 63]. Лингвострановедческий подход в какой-то степени восполняет «дефицит культуры», т.е. отсутствия фоновых знаний, являющихся причиной возможного неадекватного восприятия художественного текста. Понимание художественного текста связано со «знанием реципиентом основ традиционной образности и выразительности языковых средств, существующих на базе отражения мира явлений окружающей вас объективной действительности...; знание мира, его реалий, отношений и т.д. и т.п.» [11, с. 31]. Работа с художественным текстом предполагает понимание подтекста и контекста, исторических и эстетических реалий. Как показывает практика,

объёмные произведения, поэмы, романы являются для студентов-иностранцев недоступными – иностранные учащиеся, даже имеющие необходимый словарный запас и владеющие грамматическими нормами языка, испытывают значительные трудности в постижении эмоционального состояния персонажей, их духовного мира, в понимании идейно-художественного смысла текста художественного произведения. Эти трудности ставят под сомнение целесообразность использования художественных текстов на начальном этапе обучения. В этой связи возникает вопрос, возможно ли вообще полноценное понимание студентом-иностранцем художественного текста на русском языке, и он частично решается исходя из того, что вторичная языковая личность у человека, владеющего иностранным языком, формируется под влиянием первичной языковой личности, сформированной родным языком человека. «Уровень развития языковой личности, освоенность типов понимания на родном языке детерминирует готовности языковой личности на иностранном языке» [3, с. 286]. Таким образом, особенности художественно-образного освоения действительности делают возможным рассматривать художественный текст как одно из средств моделирования иноязычной социокультурной среды в процессе чтения такого текста, который становится для иностранного студента формой приобщения к новой действительности. Одна из основных функций художественного текста как раз и заключается в том, чтобы «стать вербальным инструментарием для своего рода расшифровки категорий истории и культуры, овладения ими» [13, с. 41].

Соглашаясь с тем, что сейчас мы располагаем «неисчерпаемой сокровищницей художественных текстов, ценных не только для эстетического восприятия народа, но и в страноведческом и языковом аспектах, для тех, кто изучает русский язык» [2, с. 27], необходимо понимать, что художественные тексты, несущие лингвострановедческую информацию и предназначенные для обучения русскому языку как иностранному, в зависимости от культуры адресата-

иностранца нуждаются в конкретных национально-ориентированных комментариях и разработках [10, с. 37]. Необходимо отметить, что до настоящего времени остаётся актуальной проблема подбора художественных текстов для студентов-иностранцев.

Представляется целесообразным на начальном этапе обучения РКИ предлагать вниманию студентов-иностранцев минимальный текст. Скажем, пословицы и поговорки, а также фразеологизмы, представляющие собой естественный целостный микротекст, с одной стороны, минимальны по объёму и наиболее ярко отражают явления культуры, а также могут служить для закрепления грамматического материала. Наиболее эффективно использование пословиц при изучении падежных форм. Так, при отработке предложного падежа используются пословицы: «Друзья познаются в беде», «В тесноте, да не в обиде», родительного падежа: «Без труда не вынешь и рыбку из пруда», дательного падежа: «Делу – время, а потехе – час» и т.д.; при работе с числительными студентам предлагается определить падеж числительных в пословицах: «Семеро одного не ждут», «Старый друг лучше новых двух», «Двумя ложками кашу не едят», «У семи нянек дитя без глазу», «За одного битого двух небитых дают» и т.д.; а также предлагаются такие задания, как ответить на вопрос, используя пословицу или поговорку, заменить фразу пословицей или поговоркой. Работа дополняется поисками смыслового эквивалента фразеологизмов, пословиц и поговорок в родном языке. И если вначале материал снабжается комментариями, в которых объясняются характерные реалии, имеется словарь, то в дальнейшем преподаватель рассчитывает на своеобразное сотворчество студента, когда студент в процессе восприятия текста мобилизует свой творческий потенциал и использует, так называемую, языковую догадку. Практика преподавания показывает, что студенты с большим интересом работают с подобными заданиями. На последующих этапах обучения усложняются и художественные тексты, и методы работы с ними.

Так, на кафедре перевода и ЛПИ разработаны «Методичні вказівки до роботи з художніми текстами для студентів-іноземців» [12]. Это сборник адаптированных художественных текстов для чтения и лексико-грамматических заданий к ним, направленных на развитие навыков работы с художественными произведениями, как под контролем преподавателя, так и в процессе самостоятельного изучения русского языка, где вниманию студентов-иностранцев предлагаются минимальные авторские художественные тексты: «Два товарища», «Отец и сыновья», «Косточка», «Учёный сын» (по Л. Толстому); «Будь нужным людям» (по М. Горькому) и др. Иностранные студенты отвечают на вопросы по тексту, учатся составлять план текста и пересказывать его.

Необходимо отметить, что нередко студенты-иностранцы ограничиваются пониманием основных сюжетных линий, не вдаваясь в смысл поступков и действий персонажей, или неверно их истолковывают. Замечено, что художественные средства выражения русской национальной картины мира – быта, традиций, обычаев и т. д. – носителями иной, скажем, китайской лингвокультурной общности, воспринимаются не всегда адекватно в силу различий в менталитете, критерии нравственной нормы двух неблизкородственных народов [6, с. 208]. В этом случае целесообразен такой методический приём, как комментированное чтение. Этот приём позволяет преподавателю активно вмешиваться в процесс восприятия художественного текста.

Итак, использование художественных текстов в иностранной аудитории – это, прежде всего, возможность вести обучение русскому языку «на совершенных образцах русской речи». И никакие другие тексты не могут так хорошо способствовать овладению русским языком, как литературнохудожественные, когда язык «изучается на классических образцах, воплощающих лексическое, синтаксическое и фразеологическое богатство нашей речи...» [2, с. 27].

Художественные тексты в обучении РКИ способствуют активизации учебного процесса в студенческой аудитории. С одной стороны, по средствам художественных текстов происходит закрепление грамматического материала, с другой стороны, они способствуют формированию эстетического вкуса, обогащают речь, развивают творческие способности студентов-иностранцев.

Библиографические ссылки:

1. Бельчиков Ю. А. О страноведческом аспекте лингвостилистического комментария литературных текстов XIX века // Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам. – М., 1974. – С. 56-65.
2. Васильева А. Н. Русская художественная литература в иностранной аудитории как предмет изучения и как материал при обучению языку. – М., 1972.
3. Васильева О. Ф. Методика интерпретационного типа в практике обучения чтению. – М.: НОЦ «Школа Китайгородской», 2000.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М., 1973.
5. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.
6. Ду Гуйджи Русские номинации в межкультурной художественной коммуникации//Русское слово в мировой культуре. Круглые столы: Сб. докладов и сообщений. – Санкт-Петербург, 2003. – С.207-215.
7. Журавлёва Л. С., Зиновьева М. Д. Обучение чтению: на материале художественных текстов. – М., 1984.
8. Исаева Э. А. Использование произведений художественной литературы в целях страноведения // Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам. – М., 1974. – С.165-179.
9. Кузьмина Р. Н. Роль вариантов учебного текста в процессе обучения русскому языку //Актуальные проблемы преподавания языка в иностранной аудитории. – М., 1988. – С.106-115.
10. Мамай О. М. Отбор художественных текстов на основном этапе обучения студентов – нефилологов // Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания. Доклады и сообщения молодых учёных. – М., 1990. – С.63-68.
11. Мамонтов А. С. О некоторых лингвокультурных проблемах построения адекватной методики работы над русским художественным текстом (во вьетнамской аудитории) // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного. – М., 1991. – С.30-40.
12. Методичні вказівки до роботи з художніми текстами для студентів-іноземців. – Дніпропетровськ, 2008. – 32 с.
13. Михеева Л. Н., Шишкина С. Г. Художественный текст в иностранной аудитории (некоторые проблемы преподавания с учётом современных тенденций) // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного. – М., 1991. – С.40-46.

2.5. НЕКОТОРЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ «УЕДИНЕННОЕ» И «ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ» В.В. РОЗАНОВА

(О.О. Кумар). Вернувшиеся в нашу культуру после долгого отсутствия произведения Василия Розанова поражают своей необычайной современностью, особенно по форме. Ведь не секрет, что далеко не все писатели-классики выдержали испытание временем – имена и произведения многих известны сегодня только специалистам-филологам.

Нам представляется, нынешнее поколение определило бы форму названных в заглавии статьи розановских произведений как писательский блог. Именно блоги сегодня самая читаемая литература.

Ее главный предмет – внутренняя жизнь личности Автора, здесь ценятся искренность до интимности, сиюминутность передачи мыслей, чувствований, максимальная приближенность языка к разговорной форме как наиболее доступной.

С распадом тоталитарного режима в нашей стране произошла переоценка ценностей. Теперь смешно слышать, что общественное может быть выше индивидуального. Интересы индивида на первом месте, как это было в культуре начала XX века, когда и создавались лучшие произведения Василия Розанова.

Именно в это время центр внимания в литературе сместился с показа внешних событий на изображение внутреннего мира человека, поскольку наиболее интересным для читателей стало не внешнее действие, а то, что происходит в сознании героя, в его душе.

В западном искусстве XX века эта тенденция оформилась как разновидности модернистского искусства – школы «потока сознания» и так называемого «нового романа».

Писатели этих направлений (М.Пруст, Д. Джойс, Н. Саррот и др.), отводя исключительную роль психологизму, подробнейшим образом изображали все без исключения частности и мелочи внутренней жизни героя. Словами критика

А.Б.Есина, «психика и сознание человека описываются в произведениях модернистов... как самоценный и конечный объект изображения» [4, с. 37].

В русской литературе наиболее ярко это проявилось в лучших произведениях Василия Розанова. По мнению выдающегося литературного критика В.Шкловского, отличительной особенностью «новой литературы», введенной в обиход Розановым, было отсутствие сюжета, конкретности темы, интимность содержания, а генезис этой формы восходит к письму и дневнику. В качестве «розановской» тенденции новой русской литературы Шкловский приводит сочинения Андрея Белого («Эпопея»), целый ряд произведений А.Ремизова («Кукха. Розановы письма» и др.), а также «внесюжетные вещи» Горького [8, с. 34].

Итак, в найденной Розановым форме сказалась тенденция времени к выражению более интимного (и потому более глубокого и убедительного) личного опыта, к фиксации «невидимых движений души», к использованию письма, дневника, документа. И манера Розанова возникла как стихийная реакция на потребность времени в новом жанре – свободном сочетании «всякой всячины о себе».

Естественно, не любая всячина о себе может стать явлением искусства, культуры, какими, безусловно, являются произведения Розанова «Уединенное», «Опавшие листья». По мнению исследователя В.А. Фатеева, тайна перерастания в художественную прозу этих текстов не столько в тематическом разнообразии и афористической цельности отдельных высказываний, сколько в их явной «нерукотворности» – в неповторимом розановском стиле, в его живой интонации, в разнообразной ритмике его фразы, то небрежной, то неуклюже спотыкающейся, то *густой* (розановское слово), то афористически четкой [7, с. 25].

Все это создает неповторимый стиль Розанова. Как пишет Волжский, он (Розанов) «все время волнуется... этим определяется и общий характер, дух и сама форма его писаний, это возбужденное, прерывистое дыхание, странные и

страшные нашептывания, нервное дрожание, улыбочки, усмешечки, вздохи» [1, с. 78].

Язык текстов поначалу предстает довольно путаным. Розанов пишет, нагромождая вводные предложения, используя инверсированный синтаксис. Иногда период такой продолжительный, что, дочитав его до конца, забываешь начало.

Речь Розанова полна своеобразных изломов, она извивается в самых неожиданных и странных вогнутостях и выгнутостях, пестрит массой скобочек, кавычек, подчеркиваний, повторений, закруглений. Цитируем:

«Странная черта моей психологии заключается в таком сильном ощущении п у с т о т ы около себя – пустоты безмолвия и небытия вокруг и везде – что я едва знаю, едва верю, едва допускаю, что мне «современничают» другие люди» [6, с. 74].

«Выньте из самого существа мира молитву, сделайте, чтобы язык мой, ум мой разучился словам ее, самому делу ее, существу ее, – чтобы я этого не мог; и я с выпученными глазами и с ужасным воем выбежал бы из дому, и бежал, бежал, пока не упал. Без молитвы совершенно нельзя жить... Без молитвы – безумие и ужас».

«Но это все понимается, когда плачется... А кто не плачет, не плакал – как ему это объяснить?» [6, с. 321].

«Это какая-то славянская вязь, запутанная, сложная в своей прихотливой изогнутости и по-своему красивая, красивая именно в своей своеобразной уродливости, в юродивости своей. Замечательно интересный писатель», – так писал о языке Розанова критик А.С. Глинка [1, с. 88].

Очень меткую оценку языку Розанова дала Зинаида Гиппиус, определившая его манеру письма как *осязательную*. Ее перу принадлежит прекрасная статья о Василии Розанове «Задумчивый странник», в которой она утверждает, что писанье, или, по слову писателя «выговариванье», было у него

просто функцией... между ощущением (или мыслью) самими по себе и потом этим же ощущением, переданным в слове, – всегда есть расстояние; у Розанова нет; хорошо, плохо, но то самое, оно; само движение души» [2, с. 145]. Эта иллюзия создается опять-таки за счет неприглаженности языка писателя, его рваных фраз, часто незаконченных, что характерно больше для устной речи, и в то же время со своим ритмическим строем, иногда близким к белому стиху.

Эту манеру письма одобряли далеко не все современники писателя. Розановская интимность, обращенность к самому личностному, непроизносимому в человеке принималась как «страшная распущенность – литературная и писательская» (слова современного писателю критика Иванова-Разумника). Последний утверждал: «Разнообразнейшие мысли, и мысли – мы увидим – иной раз глубокие и замечательные, вихрем вращаются в его голове; но он часто не дает себе труда привести их в ясность для самого себя. Внешняя форма его произведений, особенно его книг последних лет, – это нечто невероятное: поистине, это «стриженная лапша», как метко выражается сам В. Розанов в предисловии к одной из своих книг» [5, с. 67].

И все же большинство восхищались языком розановских творений, его неповторимостью, осязательностью. Так, современник писателя и один из интереснейших исследователей его творчества Э.В. Голлербах писал: «Каждая строка, упавшая с пера писателя, так «физиологична», каждая мысль его насыщена таким глубоко «нутряным» и ярко индивидуальным содержанием...» [3, с. 12]. Это было связано с тем, что для Розанова главным было передать настроение, мгновенно возникшее чувство. И, если это было необходимо, он тут же мог придумать новое слово, которое бы ярче передало мысль. Часто это слово выделялось затем курсивом или печаталось вразбивку, как и другие важные, по его мнению, слова, вроде «современничают». Он категорически отказывался от любой правки своих сочинений, утверждая: «Есть некоторая *непрерывность, сплошность, целостность* литературных произведений,

зависящая от единства вызвавшего их настроения, которая делает их *непоправимыми*, даже если они и исполнены недостатков» [6, с. 34]. Это было для него важнее, чем правильность стиля. Он считал, что слова, которые приходят в момент вдохновения писателю являются даром свыше и не подлежат контролю рассудка. К такому выводу он пришел не сразу. Его первые статьи на религиозно-философские темы были писаны довольно тяжеловесным, наукообразным языком.

Но чем дальше, тем больше он раскрепощался, придя к методу полной внутренней раскованности. Именно так написаны вершины его творчества «Уединенное» и «Опавшие листья». В них, как писала Зинаида Гиппиус, нет «мыслей», того, что мы привыкли называть «мыслью».

Не случайно смерть у него ассоциировалась с «холодом», а жизнь, любовь-жалость – с греющим, светящим огнем. Именно физическое, телесное ощущение холода – это, по его мнению, – ощущение смерти.

«Больше любви; больше любви, дайте любви! Я задыхаюсь в холоде.

У, как везде холодно!

«Душа озябла. Страшно, когда наступает озноб души» [6, с. 409].

Язык Розанова полон намеков, полутонов, диссонансов, иносказаний, парадоксов. Масса черточек, подмеченных им, создает ту полнокровную картину жизни, которая покоряет нас в полотнах импрессионистов. И все эти черточки с цветом, запахом, определенной материальностью. Розанов пишет:

«На предмет надо иметь именно 1000 точек зрения. Не две и не три, а – тысячу. Это – «координаты действительности». И действительность только через 1000 точек на нее зрения и определяется» [6, с. 87].

Все это создает впечатление общения с индивидуальной человеческой душой в

ее целостности, что присуще речевой манере интернет-дневников, и это

удивительным образом вписывает такое явление, как Василий Розанов, в наш

сегодняшний день.

Библиографические ссылки:

1. Волжский (Глинка А.С.). Мистический пантеизм Розанова // Из мира литературных исканий. – СПб., 1906. – 45 с.
2. Гиппиус З. Задумчивый странник. О Розанове // Ясная поляна, 1991. – №3. – С. 143-179.
3. Голлербах Э.В. Розанов. Личность и творчество. – ПГ. – 1922. – 97 с.
4. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М.: Просвещение, 1988. – 89 с.
5. Иванов-Разумник. Творчество и критика. Статьи критические. – М.: Наука, 1973. – 186 с.
6. Розанов В.В. Опавшие листья. – М.: Современник, 1992. – 543 с.
7. Фатеев В. Вечное пререкание – моя жизнь // Парадоксальный мир В.В. Розанова // Волга, 1989. – №6.
8. Шкловский В. Розанов. – М.: Наука, 1997. – 46 с.

2.6. УЗКОСПЕЦИАЛЬНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (И.Б. Петриченко).

В настоящее время текст выступает не только в качестве полноправного объекта лингвистических исследований, но и является чуть ли не единственной синтаксической единицей, к которой столь высок научный интерес. Этот интерес обусловлен «стремлением объяснить язык как глобальное явление с точки зрения современного языкознания, как цельное средство коммуникации, глубже изучить связи языка с различными сторонами человеческой деятельности, реализуемыми через текст. Этот интерес объясняется также стремлением посредством текста познать бытие языка, вечно живого и многогранного, постичь те его закономерности, которые раскрываются только при функционировании языковых единиц в отрезках больших, чем предложения»

[7, с. 5].

Существуют различные концепции, в которых понятие «текст» интерпретируется по-разному, в зависимости от того, какой его аспект выделяется как ведущий. Выделяют:

1. Концепции, в которых ведущим считается статический аспект. Эти концепции можно объединить как отражающие результативно-статическое представление о тексте. Текст понимается как информация, отчуждённая от

отправителя, как та единственная форма, в которой язык дан нам в непосредственном наблюдении.

2. Концепции, в которых на первый план выдвигается процессуальность текста. Процессуальность понимается двояко: с одной стороны, как реализация речевой способности человека, с другой – учитывается, что текст есть язык в действии. Таким образом, учитывается способность языка к живому функционированию в речи.
3. Концепции, акцентирующие каузирующее начало, то есть источник текста – речевую деятельность индивидуума. Эти концепции можно было бы назвать коммуникативными, так как они ориентируются на акт коммуникации, который предполагает наличие отправителя и получателя.
4. Концепции, рассматривающие текст как уровень языковой системы. Включение текста в иерархию языковых уровней предполагает рассмотрение некоего абстрактного текста и текста в конкретной реализации.

Следует отметить в связи с вышеизложенным, что разнообразие концепций относительно текста далеко не отрицательный факт в языкознании. Напротив, оно свидетельствует, во-первых, о сложности, многоаспектности этой синтаксической единицы; во-вторых, о поисках адекватного определения текста. И действительно, существуют различные содержательные характеристики текста. В Словаре русского языка С.И. Ожегова текст определяется как «всякая записанная речь (литературное произведение, сочинение, документ и тому подобное, а также часть, отрывок из них)»[4, с. 727]. Энциклопедическое понятие текста является более разносторонним и имеет следующий вид:

- «1) последовательность предложений, слов, построенная согласно правилам данного языка, данной знаковой системы и образующая сообщение;
- 2) словесное произведение;
- 3) авторское сочинение без комментариев и приложений к нему;

4) в издании – часть текста, выраженная в словесной форме, в отличие от рисунков, чертежей, формул и тому подобное» [5, с. 1327].

Известный литературовед Бахтин утверждал, что «текст есть первичная данность всего гуманитарно-философского мышления и является той непосредственной действительностью, из которой только и могут исходить эти дисциплины» [1, с. 61]. Ю.М. Лотман текст понимает как «сумму структурных отношений, нашедших лингвистическое выражение» [3, с. 33]. Среди многочисленных определений текста, встречающихся в лингвистической литературе, выделю определение И.Р. Гальперина, на которое опираются в своих исследованиях многие лингвисты: «Текст – это сообщение, объективированное в виде письменного документа, состоящее из ряда особых единств, объединённых различными типами лексической, грамматической и логической связи и имеющие определённый модальный характер и прагматическую установку» [2, с. 72].

Современное языкознание всё пристальнее изучает использование языковых фактов и структур в практике человеческого общения, в условиях функционирования. Отсюда и возросший интерес к изучению языковых явлений в реально функционирующих текстах, стремление исследовать язык в его конкретной реализации. Функциональный подход к исследованию языковой системы является отличительной чертой в развитии современной мировой лингвистики. На смену чисто формальному лингвистическому исследованию пришло направление, учитывающее целевую направленность языка.

И действительно, проблематика конференций, конгрессов, тематика лингвистических журналов свидетельствуют об активных тенденциях развития языка в указанном направлении. Вместе с тем, на фоне изменившейся системы ценностей отчётливо видно лавинообразное нарастание информационного потока, заключённого, в частности, в небольшие по объёму брошюры, справочники, нормативы, ориентированные в самом общем плане на массового читателя

(впрочем, это понятие условно). И здесь наблюдается процесс стилистической контаминации – смешение собственно специального, научного и нечто бытового, сниженного, ориентированного на человека-потребителя, что позволяет объединить такие тексты понятием «узкоспециальный».

В отличие от всевозможных научных и производственно-технических текстов, тяготеющих к описанию теоретических основ производственного процесса или научного явления, узкоспециальные тексты имеют целевую, чисто практическую установку и представляют собой ничто иное, как руководство к действию специалиста в той или иной прикладной отрасли. В большинстве своём узкоспециальные тексты – это различная справочная литература, созданная для специалиста специалистом. Понимание содержания узкоспециального текста требует от читателя, безусловно, специальной подготовки, предварительного обучения, знания профессиональной терминологии (например, «Справочник врача скорой и неотложной помощи», «Ремонт бытовых холодильников», «Руководство для обучения токаря-расточника»), однако текст может быть понят и без специальной подготовки читателя (например, «Жизнь и ловля пресноводных рыб», «Огород», «Физическая культура в семье»). Общим же для всех узкоспециальных текстов является стремление к точности и однозначности выражения мыслей, с одной стороны, и максимальной экономности и лаконичности изложения, с другой. Очевидно, что сжатость изложения при сохранении всего информационного ядра проявляется в особой языковой организации узкоспециального текста и достигается широким употреблением таких синтаксических конструкций, которые позволяют выявить специфические особенности текста этого типа.

Прежде всего, это касается субстантивных конструкций.

Под субстантивной конструкцией понимается «любая грамматически упорядоченная группа слов с существительным в качестве стержневого компонента, образованная на основе его детерминации какими-либо словами

(частями речи) или синтаксическими конструкциями» [6, с. 10]. Введение в малый синтаксис общего понятия «синтаксическая конструкция» позволило поновому поставить множество вопросов, касающихся как объёма словосочетания, так и характера составляющих его компонентов и связей между этими компонентами. Субстантивные конструкции, функционирующие в узкоспециальном тексте, в отличие от подобных конструкций, выявленных в текстах других функциональных стилей, имеют ряд характерных особенностей. Вот некоторые из таких особенностей. Проанализировав около 70000 субстантивных конструкций, выбранных из узкоспециальных текстов (около 30 источников фактического материала), отмечаем, что двухкомпонентные субстантивные конструкции малочисленнее по сравнению с трёх-, четырёх- и более компонентными структурами, что подтверждает стремление синтаксиса в текстах научного стиля к сложным построениям. Такие многокомпонентные структуры представляют собой удобную форму выражения сложной системы профессиональных понятий. В зависимости от категориального состава можно выделить:

- 1) субстантивные конструкции с определяющими компонентами, выраженными разными частями речи;
- 2) субстантивные словосочетания, включающие в себя определяющие компоненты, выраженные каким-либо одним парадигматическим классом слов (только прилагательным, только существительным и т.д.).

В первой группе субстантивных словосочетаний следует отметить такие конструкции, которые характерны для узкоспециального текста и редко встречаются в текстах других функциональных стилей:

- 1) с новыми детерминантами (наречие, деепричастие, придаточное предложение), малоупотребительными в позиции определяющих компонентов;

2) с обычными детерминантами в не совсем привычных их комбинациях (имя прилагательное в постпозиции, имя числительное в постпозиции, имя существительное в препозиции).

В процессе анализа структуры субстантивной конструкции выявлен процесс редупликации, то есть повторение одних и тех же детерминантов (в основном адъективных и субстантивных распространителей) в линейном развёртывании конструкций. Но по мере увеличения числа детерминантов в соответствующих построениях отмечается уменьшение реальной возможности подобных конструкций обеспечить коммуникативный процесс. Не всегда такая громоздкая конструкция точно и однозначно может выразить существо отображаемого явления объективной действительности.

Анализ моделей субстантивной конструкции позволил отметить наличие не только контактных позиций детерминантов имени существительного (непосредственное окружение), но и дистантных распространителей. Одной из характерных особенностей субстантивных конструкций в узкоспециальном тексте можно назвать отступление от нормативных правил словопорядка. Установлены нормативные позиции распространителей относительно имени существительного при одновременном их функционировании: позицию -2 (второе место слева от стержневого слова конструкции) занимает количественный распространитель, позицию -1 – адъективный распространитель, позицию +1 (первое место справа от стержневого слова конструкции) – субстантивный распространитель, позицию +2 – адвербиальноинфинитивный распространитель, позицию +3 – предикативно-адъективный распространитель, позицию +4 – предикативный распространитель. Как правило, отступление от нормы, модификация позиций происходят в случае перемещения одного, двух и т.д. компонентов в позицию нормативно не узаконенную.

Таким образом, субстантивные словосочетания представляют собой один из самых активных, обязательных структурных элементов узкоспециального текста. Выявлено стремление синтаксиса узкоспециального текста к предельно экономной, лаконичной и при этом максимально точной, строго логичной, последовательной передаче мысли.

Библиографические ссылки:

1. Бахтин М.М. К философии поступка: Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Вестник Моск. Ун-та. Серия 7: Философия.– 1991.– №1.– С. 59-68.
2. Гальперин И.Р. О понятии «текст» // Вопросы языкознания.– 1974.– №6.– С. 98-77.
3. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха.– Л.: Просвещение, 1972.–272 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой.– 18-е издание.– М.: Советская энциклопедия, 1987.– 796 с.
5. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М.Прохорова.– 4-е изд.– М.: Советская энциклопедия, 1989.– 1632 с.
6. Столярова Л.П. Субстантивная конструкция – основное звено малого синтаксиса.– Днепропетровск, 1990.– 72 с.
7. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика).– М.: Просвещение, 1986.– 126 с.

2.7. ТЕКСТ И КОНТЕКСТ: ПРОБЛЕМА ДЕОМОНИМИЗАЦИИ НЕОДНОЗНАЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (Е.В. Шкурко). В системе языка каждый элемент структуры имеет лишь относительно самостоятельное значение. Его значимость определяется в системе целого построения, координирующего взаимосвязь всех частей. Одной из форм проявления взаимозависимого характера элементов языка, выступающего в виде тех или иных коммуникативных единиц, является контекст.

Проблема контекста интересовала лингвистов с давних времен: это была проблема речи как словесного ряда, выражающего то или иное содержание. Причем речь понималась очень широко: под это понятие подводились как слоги, так и целые предложения.

Сам термин *контекст* (от латинского *contextus* – тесная связь, соединение) появился только в XIX веке. Первоначально он обозначал семантико-

синтаксическое понятие, характерное для речи – в противоположность языку с его историей и грамматическими категориями. В современной лингвистике существует целый ряд определений контекста: О.С. Ахманова считает таковым «законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы» [1, с. 206]; В.И. Кодухов определяет данное явление как «непосредственное окружение, которое обладает смыслоуточнительной функцией» [3, с. 7]; Г.В. Колшанский трактует контекст как «совокупность формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы...» [4, с. 46]. Как видим, во всех рассмотренных определениях контекста, несмотря на некоторые различия в оформлении мысли, подчеркивается то, что составляет суть данного лингвистического явления, – его смыслоуточняющая функция.

Прежде чем обратиться к рассмотрению роли контекста в процессе устранения синтаксической неоднозначности, зададимся вопросом «А нуждаются ли предложения, содержащие омонимы, в изменении своей структуры с целью устранения омонимизирующего компонента?» Тот факт, что возникновение омонимов уменьшает количество языковых форм и то, что омонимия придает тексту экспрессивность, а также используется для создания речевых каламбуров, приводит таких лингвистов, как Л.А. Булаховский, Е.М. Галкина-Федорук, Б.Н. Головин и других, к выводу, что омонимия – явление не просто безопасное, а полезное. Однако ряд языковедов, например, А.А. Реформатский, Л.В. Щерба, А.Н. Гвоздев и другие, считают омонимию отрицательным явлением, мешающим нормальному общению. Так, Б.С. Мучник пишет: «Читающий осмысливает какой-то сегмент текста неверно, не в том значении, в котором его употребил автор, и лишь позже, под влиянием последующих элементов текста, возвращается к прочитанному и переосмысливает его, либо он так и остается с неправильным пониманием. Все это отвлекает читающего от основного содержания текста» [5, с. 27]. На наш

взгляд, лексические и грамматические омонимы имеют безусловное право на свое существование и функционирование в языке, тем более что эти омонимы чаще всего нейтрализуются релевантной ситуацией или контекстом. Но вот с синтаксической неоднозначностью дело обстоит иначе. Во-первых, в отличие от лексических и грамматических омонимов, возникающих в процессе исторического развития языка, синтаксические омонимы обычно являются результатом небрежности или невнимательности, а нередко – незнания законов русского синтаксиса конкретным автором. Во-вторых, контекст далеко не всегда позволяет выяснить истинное значение высказывания, содержащего синтаксический омоним. Таким образом, наличие омонимичных предложений в устной и особенно письменной речи, где возможности использования интонации и пауз значительно ограничены, затрудняет процесс общения, ставя адресата речи перед необходимостью выбирать одно из нескольких значений высказывания. А поскольку, по выражению Ш. Балли, «язык служит потребностям общения в том случае, если он позволяет передавать мысль с максимумом точности и с минимумом усилий для говорящего и слушающего» [2, с. 392], постольку постановка и детальная разработка вопроса об устранении омонимии в синтаксических конструкциях представляется нам необходимой и своевременной.

В современной лингвистической науке существует две полярные точки зрения на контекст как средство деомонимизации многозначных конструкций. В основе первой лежат взгляды В. Малиновского и его последователя Дж.Р. Ферса – наиболее выдающихся представителей Лондонской лингвистической школы, – которые считали, что любое высказывание получает смысл не в рамках своей структуры, а лишь в отношении этой структуры к сумме ситуаций. Ферс, например, писал, что «каждое слово, если оно употребляется в новом контексте, есть новое слово» [3, с. 16]. Естественным следствием такой концепции было утверждение о том, что единицы языка практически не имеют собственного

значения, а каждый раз получают его в новой ситуации, которая, таким образом, сама становится как бы новым языковым образованием. Приверженцами этой точки зрения, правда, выраженной не в столь крайней форме, были многие отечественные лингвисты: А.А. Реформатский, Г.В. Колшанский, М.Г. Арсентьева и др.

Противоположной точки зрения придерживался английский ученый Ф.Р. Палмер, исключавший контекст из сферы изучения семантики. В качестве подтверждения истинности своих взглядов лингвист приводил следующий тезис: любое предложение, в том числе и двусмысленное, должно быть понятно независимо от контекста, поскольку любой говорящий на данном языке должен знать значение этого высказывания [4, с. 21].

Наш собственный опыт показывает, что в большинстве случаев контекст действительно помогает выбрать тот вариант понимания неоднозначной конструкции, который соответствует авторскому замыслу, как, например, в подобных случаях:

Прыжок тигра опередил выстрел (Вокруг света, 2004, №8).

Что предшествовало чему: сначала прозвучал выстрел или первым прыгнул тигр? Смысл фразы становится ясным после прочтения предложения, следующего за данным неоднозначным высказыванием: *Рука охотника не дрогнула: зверь, так и не успев прыгнуть, с визгом упал на землю. После его отъезда на нашу лесную базу было доставлено все необходимое снаряжение* (Вокруг света, 2004, № 3).

Снаряжение было доставлено на лесную базу после того, как некий человек покинул ее, или оно было доставлено тогда, когда этот человек уехал на лесную базу? Выяснить истинное значение высказывания помогает предшествующее ему предложение: *Сергей отправился к городскому начальству «выбивать» транспорт.*

Однако далеко не всегда контекст является универсальным средством деомонимизации неоднозначных конструкций. Так, в нижеприведенных примерах ни микро-, ни макроконтекст не позволяют установить истинный смысл высказываний:

В комнате попадались все старые приятели, попадающиеся всякому в небольших деревянных трактирах, а именно: заиндевевший самовар, выскобленные гладко сосновые стены, треугольный шкаф с чайниками и чашками в углу, фарфоровые вызолоченные яички перед образами... (Н.Гоголь, «Мертвые души»).

В углу стоял шкаф с чайниками и чашками или посуда стояла в углу шкафа?

Четыре гранаты с запалами неустановленного образца были найдены во время ремонта подвального помещения на улице Басаргина. Боеприпасы перевезла в безопасное место и обезвредила спецгруппа, приехавшая на место происшествия (Наше місто, 22.10.2007).

Были обнаружены гранаты неустановленного образца с запалами или гранаты имели запалы неустановленного образца?

Таким образом, хотя во многих случаях контекст и способствует устранению синтаксической омонимии, его нельзя считать единственным и универсальным средством элиминации неоднозначных конструкций.

Некоторые исследователи предлагают в качестве одного из возможных способов деомонимизации обращение к такому понятию, как лингвистическая компетенция адресата высказывания. Действительно, в ряде случаев определенные сведения из различных сфер человеческого познания позволяют правильно понять двусмысленные фразы типа:

Художник изобразил, как Петр I ведет войско в бой, придерживаясь манеры Сурикова (Из сочинения).

Зная о том, что Суриков был не полководцем, а живописцем, адресат данного сообщения поймет его следующим образом:

Художник, придерживаясь манеры Сурикова, изобразил, как Петр I ведет войско в бой.

Кутузов, как показал Толстой, находясь на поле боя, больше всего заботился о поддержании боевого духа солдат (Из сочинения).

Сведущий человек знает о том, что Толстой не мог находиться на Бородинском поле во время сражения, поскольку родился лишь в 1828 году, следовательно, данное высказывание может быть понято только так: *Как показал Толстой, Кутузов, находясь на поле боя, больше всего заботился о поддержании боевого духа солдат.*

Однако компетенция читающего или слушающего, так же как и контекстуальное окружение, далеко не всегда обуславливает однозначность понимания омонимичных конструкций, поскольку люди чаще всего имеют довольно ограниченные познания в тех областях человеческой деятельности, которые не являются общедоступными или общеизвестными. В тех случаях, когда ни контекст, ни компетенция адресата высказывания не позволяют определить истинное значение конструкции, следует обратиться к другим способам деомонимизации, например, к транспозиции компонентов предложения.

В процессе элиминации, на наш взгляд, нуждаются не только омонимичные предложения, каждое из значений которых является приемлемым с логической точки зрения (например, *После отъезда командира в штаб был доставлен пакет*: пакет был доставлен в штаб после того, как командир куда-то уехал или пакет доставили после отъезда командира в штаб?), но и высказывания типа: *Реализуем бытовые фильтры доочистки питьевой воды отечественного производства* (фильтры или вода отечественного производства?), *Продаю благоустроенный дом из пяти комнат с телефоном в районе улицы Киевской* (в

районе улицы Киевской находится дом или телефон?), *Сниму без посредников однокомнатную квартиру с мебелью на левом берегу* (на левом берегу должна находиться квартира или мебель?) и т.п. Ссылаясь на здравый смысл, можно было бы утверждать, что поскольку не может быть воды «отечественного производства», невозможно продать дом с телефоном, находящимся на другой улице, и нельзя снять квартиру и мебель, которые находятся на разных берегах, данные высказывания, несмотря на неоднозначность их синтаксических структур, следует признать стилистически удовлетворительными. Однако нельзя игнорировать такое понятие, как динамика восприятия текста. Современная психолингвистика различает первоначальное и окончательное восприятие высказываний. Первоначальное восприятие текста протекает непроизвольно, поэтому слова объединяются в сознании читающего как бы сами собой. Окончательное же восприятие высказывания устанавливается на основе определенных размышлений, взвешивания возможных вероятностей при выборе в качестве более правдоподобного того или иного варианта объединения слов. Но то, что читающий в конце концов находит правильный смысл, не дает нам права считать рассмотренные предложения стилистически правильными. И поскольку высказывания подобного рода все-таки затрудняют процесс коммуникации, мы считаем утверждение о необходимости их деомонимизации верным.

Библиографические ссылки:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2004. – 608 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Наука, 1955. – 416 с.
3. Кодухов В. И. Контекст как лингвистическое понятие // Языковые единицы и контекст. – Л.: ЛПИ, 1973. – С.7-32.
4. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. – М.: ЛКИ, 2007. – 152 с.
5. Мучник Б. С. Многозначность и многовыраженность // Русский язык в школе, 1991. – № 1. – С. 27-30.

РОЗДІЛ III

ЕЛЕМЕНТИ ТЕКСТУ ТА ЇХНІЙ ПЕРЕКЛАД

3.1. ЯЗЫК МИРА МЫСЛЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ФОКУСЕ «ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ» ЦЕННОСТЕЙ (Д.П. Амичба). В разделе анализируются этнолингвистические культуротворческие формы, раскрывающие смысл фразеологических единиц, вобравших в себя такие «общечеловеческие» ценности, как «Бог», «Человек».

Культура человечества богата и наполнена многообразием форм. «Культура – многогранное, сложное, исторически развивающееся общественное явление, способ освоения действительности, реализации творческого потенциала человека в сфере материальной и духовной деятельности» [4, с. 14]. Человек есть мера культуры. Поскольку культура охватывает все виды человеческой деятельности, его помыслы и чувства, разум и волю, она является «неотъемлемым атрибутом» его существования. «Культура – сложная, открытая, диффузная, самоорганизующаяся система. Она охватывает различные стороны взаимодействия человека с другими людьми и с самим собой, с природой и обществом. Коммуникативная сущность культуры побуждает к диалогу, стимулирует творчество и активность, познание и понимание». Человек, создавая культуротворческие формы, конечно же, связан с ней «тесными узами повседневной жизни». Он «обречён» осваивать её нормы и ценности, символы и традиции. Культурная антропология выявляет «узловые моменты социализации, аккультурации и инкультурации человека. Особенное значение уделяется психологическому обоснованию таких универсальных понятий, как жизнь, душа, смерть, любовь, дружба, вера, смысл, духовный мир мужчины и женщины... Культурная антропология анализирует этнические и региональные особенности культуры, индивидуальность личности, её уникальность и неповторимость, соотношение сознательных и бессознательных импульсов, истоки жизненной

энергии и притягательную силу влияния на других людей, душевное здоровье и обаяние, фальшь и лицемерие, агрессивность и зло» [4, с. 19-27]. Исходя из мысли, что культурология является не только комплексной наукой, но и основой для гуманитарной ориентации сознания и поведения, следует извлечь следующие выводы. Для сохранения общечеловеческой культуры необходимо помнить, что, во-первых, каждый народ должен вносить свой вклад в общий фонд мировой культуры, во-вторых, для создания атмосферы глубокого уважения к культуре народов необходимо стремление к взаимопониманию и сотрудничеству, утверждение гуманизма в отношениях между людьми и понимание ответственности за историческую судьбу не только одного конкретного народа и его культуры, но и мировой. И что очень важно, разновекторный мир может обрести «единство в культуре», если человечество именно сегодня, как никогда, ощутит потребность во взаимном понимании и общении. Без сомнения, в мире происходит постоянный процесс «обогащения культуры, создание и распространение ценностей и достижений» [4, с. 13]. В контексте изложенного следует, что научный термин «общечеловеческое» должен получить своё новое прочтение, поскольку не только культура создаёт человек, но и культура, в свою очередь, оказывает существенное влияние на его духовный мир. «Общечеловеческое» всё ещё привлекает внимание и литературоведов, и историков, и философов. Трудно не согласиться с тем, что сама проблема «общечеловеческого» является универсальной, поскольку вопросы об «общечеловеческом» неизбежно перемещаются из аксиологической плоскости в гносеологическую. Следует признать, что вопросы «общечеловеческого» затрагивают глубинные основы таких ценностей, как Человек, истина, добро, красота [6, с. 9-13].

Не утихают споры о том, что следует понимать под данным термином. Одни заявляют, что нет и не может быть такого понятия как

«общечеловеческие ценности», ссылаясь на тезис – каждая культура уникальна. Другие к этим ценностям относят то, что для человека является «важным и первостепенным». Принято считать, что само понятие зародилось в учениях либералов, которое стало одной из основ их мировоззрения. Согласно их трактовке рассматриваемые ценности существуют объективно. Если не вдаваться в подробный анализ традиционалистов и либералов, то можно заключить, что термин «общечеловеческое» вобрал в себя представление об универсальности заложенных в нём понятий. Да, можно согласиться с тем, что человеческая культура многообразна, но сама трактовка вопроса существуют или не существуют «общечеловеческие ценности» не должна быть столь прямолинейной. Отвечая на спорный вопрос, где могло зародиться данное понятие, скажем следующее: сама формулировка выглядит некорректной, поскольку «общечеловеческим» признано то, что «свойственно всем людям, всему человечеству» [9, с. 440]. Вряд ли можно согласиться и с таким положением – «религия необязательна» и что религия – надкультурное или внекультурное явление. Противоречивое и следующее суждение: «общечеловеческие ценности, как категорический императив, имеют только форму (требование, чтобы субъект действия, совершая тот или иной поступок, задумывался над тем, соответствует ли этот поступок всеобщему нравственному закону), но не имеют содержания, то есть, нигде не говорится, каким должен быть этот закон» [2]. Мысли об «общечеловеческом» заложены не только в кантовском «категорическом императиве», но и в Библии, Торе, Коране, в различных религиозных учениях. Нравственная установка немецкого философа – «поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы» – стала одной из всеобщих, универсальных нравственных законов [5, с. 261]. Точка зрения Канта на проблему «общечеловеческого» состоит в том, что человек должен исполнять свой нравственный долг как законы Божьи. Чтобы следовать принципам, заложенным

Э. Кантом, человек должен в первую очередь не забывать заповеди Бога. Личность человека, по представлениям людей разных национальностей, мыслится как образ Божий, а посему религия в ментальности народов занимает одно из главенствующих мест. Человек и религия – неотъемлемые понятия. Что такое религия? По одним данным, слово *религия* в переводе с латинского означает (лат. *religio* – «совестливость, благочестие, благоговение, религия, святость, богослужение»), а по другим – слово это происходит от латинского глагола *religare* – «связывать», «соединять». Поэтому религию известный западный христианский писатель и оратор Лактанций (330) определяет как союз благочестия человека с Богом. Знаменитый римский оратор, писатель и политический деятель Цицерон (1 в. до н.э.) считал, что слово это является производным от глагола *relegere* «вновь собирать, снова обсуждать, опять обдумывать, откладывая на особое употребление», что в переносном смысле означает «благоговеть» или «относится к чему-либо с особым вниманием, почтением» [10, с. 61]. Возникает вполне логичный вопрос – на чём основывается религия. Истинами религии признаны – Бог, Человек, Вера. Бог, утверждают отцы церкви, источник, «причина» бытия всего сущего, в том числе и человека. Какое место занимает в этой триаде Человек – носитель общечеловеческих ценностей? Человек же, по мнению церкви, «принципиально отличается от всех других видов и форм жизни, что он есть не просто существо биологически высшее, но в первую очередь духовное, обладающее не только телом, но и душой, носитель ума, сердца (органа чувств), воли, самой личности, способной вступать в общение, единение с Богом, с духовным миром. По христианскому учению человек есть образ Божий» [10, с. 63].

Но человек – так же величайшая загадка, носитель достижений ноосферы – сферы разума, созданной «сознательными и интуитивными открытиями законов природы, изобретениями и художественными образами», творец своей

жизни [7, с. 421]. Все человечество причастно к трём сферам бытия: природе и обществу, миру духовной и материальной культуры, собственному духовному миру. Освоение смысла данных сфер бытия – задача каждого из нас. Каждая сфера человеческого бытия, являясь целостностью, отображается одна в другой. Создавая духовный мир – логос, человечество развивает свои творческие силы; творчество, мышление и понимание порождает особый мир, именуемый духовностью. Духовность – это сила, которая волнует души человечества, вдохновляет на активность. Духовность – «продукт труда самого духа – наиболее развитой поэтической души людей, разлитой по всему телу; мыслящий дух, воплощённый в природные материалы, способный возвращаться в людях в тех же количествах и качествах, нести в себе энергию и информацию – быть неисчерпаемым источником, вечно равным самому себе» [7, с. 429]. Духовность деятельна, обогащает каждого человека энергией и информацией. Ноосфера, содержащая в себе огромный духовный потенциал, не имеет предела и всегда направлена в будущее. Душа человека находится между логосом и ноосферой. «Человек собирает плоды и на ниве логоса, и на ниве природы, чтобы аккумулировать их в хранилищах ноосферы. Благодаря этому культура человечества – в отличие от человека – практически нетленна» [7, с. 431]. Ноосфера, являясь структурным элементом космоса, всё время расширяется. В этой ситуации каждый человек и всё человечество в целом обязаны действовать разумно, дабы сохранить природу и себя в природе. Осмыслить тезис: чем человек (и человечество. – А. Д.) может стать» [7, с. 431]. В ноосфере проложены все пути, по которым шло и идёт сегодня человечество к истине, добру и красоте, находятся все продукты «чувств, воображения, труда психомоторики и энергопотенциала». Эти пути, ведущие к знаниям и материальным ценностям, были нелёгкими, «они зарождались из нулевого состояния и развивались до вершин совершенства» [7, с. 431]. В человеке есть всё для творчества; каждая клетка человеческого организма чувствует и действует, воспринимая сигналы

окружающего мира, мы реагируем не только движением тела, но изменением внутреннего состояния, и всё это происходит потому, что мы, люди, обладаем человеческой душой. Всё живое имеет душу; человеческая, или поэтическая душа, не только ощущает, помнит, сосуществует с другими, но находится в полной гармонии потому, что она творит вместе с чувствами, мышлением и воображением.

Человек с душой и неисчерпаемыми мыслями – неизмеримый кладёзь, его сердце «способно вместить весь мир, всего Бога»: направление деятельности его многосторонни, но самое главное, он свободен в своём выборе. И в этом смысле свободу человека следует понимать как фундаментальное свойство его природы. Свобода воли и свобода выбора выражаются во внутреннем самоопределении личности: у человека всегда есть свобода выбора между добром и злом. Преодолевая злое, греховное, он всегда стремится стать лучше, а в некоторых случаях уподобится Богу. Ведь, как утверждают богословы, путь истины в Боге, в Отце Нашем. Мысль о том, что мы, дети Всевышнего, заложена в нашем генетическом коде, а правильная духовная жизнь сближает нас с Богом. Идиома *Анцэахша* в абхазском языке передаёт дословно значение «Бог + рождать – Рождённый Богом» = богоподобный человек, выражение это как нельзя лучше подтверждает правильный ход наших мыслей. Да, так мы характеризуем человека, стремящегося приблизиться к Богу, уподобиться ему. *Анцэахша* – это идеальный, безукоризненный человек, полный добродетелей. Этот лексический ряд можно дополнить следующими конструкциями *Анцэа иеипшу* «Хороший, совестливый человек, другими словами, богоподобный; *Анцэа имазкуа* дословно «Бог – он – состязаться – Состязающийся с Богом (в добрых делах)». По-видимому, душа и тело действительно должны находиться в гармонии; мудрые греки такое соответствие определили очень ёмким и точным словом калокагатия – (от греческого kalos – «прекрасный», agathos – «хороший, добрый»). Как утверждают психологи, человек «здоров до тех пор, пока его душа и тело

пребывают в единстве» [1, с. 4]. А что такое душа? Душа – «внутренний, психический мир человека, его сознание» [9, с. 183]. Согласимся с тем, что не может быть сознания, не зависящего от его владельца и что каждая мысль уникальна. Опираясь на тот факт, что мышление – непрерывный процесс, связанный с сознанием, сошлёмся и на то, что сознание селективно: оно выбирает то, что наиболее значимо для его носителя. Нельзя поспорить и с основным положением в психологии, что сознание также многочисленно и многообразно и что мы не знаем своего сознания, как и не знаем «космоса» [11]. Интересна точка зрения, согласно которой «мир нашего теперешнего сознания – это лишь один из многих существующих миров сознания, и что эти другие миры должны содержать опыт, который также реален, как и тот, что привычен для нас» [1, с. 14]. В психологии вообще сознание принято сравнивать с течением реки и постулировать, что с изменением сознания может изменяться не только содержание, но и форма мысли.

Весьма популярна сегодня концепция, согласно которой возможно глубокое познание человека, если исходить из положения, что человек – это «сложная физикобиоэнергоинформационная система, имеющая космопланетарную природу». Вполне справедливо и то, что «мысль Человека на новой ступени знания вновь обратилась к основной загадке Бытия – тайне Человека». Автор данной концепции утверждает, что нельзя познать Вселенную, не познав самого себя, и с этим, пожалуй, трудно не согласиться. Следует остановиться и на таком важном моменте: Человек – это «Микрокосм, в котором отражается Макрокосм-Вселенная». Кроме нулевого клеточного уровня сознания, как утверждают исследователи, существуют десять основных и пять промежуточных энергоинформационных уровней; они управляются мышлением (нашим «Я»), которое находится на седьмом основном уровне. Энергоинформационные уровни сознания – наши тонкие тела, состоящие из «аурального и душевно-духовного» блоков. Каждое тонкое тело – это

макрокосмическая матрица, которая содержит информацию о нас в определённом временном отрезке. Главное для человека – соблюдать «Космические Эволюционные Законы», не нарушать их, стремиться к самопознанию, самосовершенствованию и самореализовываться, познать « Истинную Суть Бытия, Вселенную и Абсолюта – Творца», поскольку существование наше возможно только за счёт сбалансированного обмена со средой, веществом, энергией, информацией. В этой цепи существенная и организующая роль принадлежит духовно-информационным потокам, которые рассматриваются как основа «эволюционно-космической матрицы Вселенского Творца (эталон – информацион)», находящимся на всех уровнях сознания и содержащим в себе «Нравственные Законы» [3, с. 4-8]. Вызывает интерес само определение информации. Информация – «неисчерпаемый ресурс мирового сообщества, она является первоосновой Мира, ибо в основе всего – информация. То, что мы ощущаем, видим и слышим – всё это конкретные формы и виды материализованной и дематериализованной (тонкоматериальной) информации, а наша жизнь является её Космопланетарным Феноменом» [3, с. 8]. Заслуживает внимания и следующая точка зрения: без энергии человечество обречено на гибель. Ведь что такое энергия? Это то, без чего человек не проживёт. Человек, как выясняется, не может прожить и не только без воздуха, воды, пищи, но, оказывается, и без живого человеческого общения – «главного регулятора энергетики». «Жизнь человека невозможна без: а) потребления, б) обмена энергии и информации, в) живого движения» [7, с. 481]. Все три компонента, составляющие жизнь человека, служат механизмом генерации энергии, порождающим наши воображение, чувства, мышление. Энергия мысли имеет колоссальную силу. По мнению учёных, в частности, академиков – А.Е. Акимова, Э.Р. Мулдашева, помимо инфракрасного, ультрафиолетового, рентгеновского излучений, существуют сверхвысокочастотные. К таким относят тонкоматериальное, или торсионное излучение, к «диапазону колебаний

которого, по ряду серьёзных воззрений, относится психическая (ментальная) энергия. Именно такая энергия должна излучаться из точки соединения четырёх проводников»[8, Т.2, с. 57]. Энергетическая мощь человека, его энергия, как выясняется, способна в прямом смысле «дробить камни, обтёсывать горы, делать в земле тоннели...*(в зависимости от. – А.Д.)* диапазона колебаний, способных реализовать механический эффект воздействия излучаемой энергии» [8, Т.2, с. 57]. Как полагает Э. Мулдашев, энергия мысли человека приводила в движение «машины древних с помощью мантр (заклинаний)», другими словами, энергетическая мощь человека двигала механизмами древних с помощью слова. Приводя дословно слова академика А. Акимова, Э. Мулдашев пишет: «Люди прошлых цивилизаций располагали большой Силой Духа, поэтому в своей деятельности полагались преимущественно на неё, создавая автоматы, основанные на ментальном принципе. Не удивляйтесь тому, что энергию можно получить не только из нефти и газа, но и от мысли»[8, Т.2, с. 57-58].

Важной для себя считаем данное суждение, поскольку оно, как нам кажется, подтверждает правоту концепции, изложенной выше: «Язык Мира Мыслей един для всех людей. В мире мыслей нет древних или современных языков, нет отдельного языка животных, нет отдельного языка людей, нет отдельного языка живой планеты Земля и так далее. Есть один язык – *всеобщий великий язык мыслей*. Чем сильнее и яснее мыслит человек или любое другое живое существо, тем более чётко записывается мысль на языке мыслей»[8, Т.2, с. 104]. Э.Р. Мулдашев уверяет нас, что прогресс и будущее науки заключается в технологиях, использующих ментальную энергию. Энергия, действительно, является мерилем человеческих возможностей, действуя и в пространстве, и во времени, она способна раскрывать безграничные возможности человека. Рассматриваемые концепции привлекают своей актуальностью и правильным подходом к проблеме коммуникации в человеческом сообществе. Ведь без общения жизнь замрёт, отомрёт и слово, породившее нас и наш мир.

Библиографические ссылки:

1. Ахмедов Т. И. Введение в общую психотерапию. – М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2005. – 416 с.
2. Бирюков Д. Общечеловеческое // Журнал «Золотой лев», №83-84, издание русской консервативной мысли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.zlev.ru.
3. Игнатенко А.В. Методическое пособие к школам проекта «Формирование человека и космогуманистической цивилизации: Золотой век – экология души, земли и космоса» / Состав. О.П. Писаренко. – Днепропетровск: Пороги, 2001. – 127 с.
4. Иконникова С. И. История культурологических теорий. – 2-е изд., переработанное и дополненное. – СПб: Питер, 2005. – 474 с.
5. Кант Э. Сочинения: в 6 т. – Т. 4. – Ч.1. – М.: Мысль, 1965.
6. Куницын Г. И. Общечеловеческое в литературе. – М.: Советский писатель, 1980. – 583 с.
7. Максименко С. Д. Общая психология. – М.: Изд-во: Рефл – бук; К.: Ваклер, 2004. – 528 с.
8. Мулдашев Э. Р. В поисках города богов: Золотые пластины Харати. – Т.2. – СПб: Издательский Дом «Нива», 2004. – 320 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка/ Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 44 с.
10. Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. – Украинская православная церковь Полтавская епархия Спасо-Преображенский Мгарский монастырь. – Краматорск: Изд-во ЗАО Тираж-51, 2002. – 31с.
11. Степанов С.С. Популярная психологическая энциклопедия. – М.: Изд-во: Эксмо, 2005. – 672 с.

3.2. КОНЦЕПТ «ДЕТСТВО» В РОМАНЕ ДЖОАН РОЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР И ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ»: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (Е.В. Валявская). Исследование и описание языковой картины мира является, пожалуй, самым актуальным направлением современной лингвистической науки. Это связано с задачами межкультурной коммуникации, со стремлением постичь национальную ментальность, с пониманием необходимости изучения взаимодействия языковых и культурных категорий и в этой связи вскрытием механизма накопления культурной информации в слове.

В научный обиход активно вошёл концептуальный анализ, начатый крупнейшими философами – М. Бубером, Л. Витгенштейном, Г.Х. фон Вригтом, М. Хайдегером, Х.-Г. Граммером и др., который занимает важное место в современных исследованиях по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, которые нашли отражение в работах зарубежных лингвистов Р.

Джакендоффа, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, в публикациях представителей Московской школы А.Н. Баранова, В.З. Демьянкова, Д.О. Добровольского, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, Е.В. Рахилиной, Ю.А. Сорокина, Ю.С. Степанова, Р.М. Фрумкиной, исследователей Тамбовской школы Н.Н. Болдырева, С.Г. Виноградовой, С.В. Иволгиной, Е.Л. Кочкиной, Е.В. Милосердовой, И.В. Мироновой, Е.М. Поздняковой, Т.А. Фесенко, А.Л. Шарандина, а также ученых Воронежской школы А.П. Бабушкина, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, и Волгоградской школы Н.Ф. Алефиренко, В.И. Карасика, Н.А. Красавского, Г.Г. Слышкина, А.А. Худякова и др.

В первую очередь необходимо определиться с термином «концепт», так как существует несколько подходов к определению данного термина. Учёные Воронежской школы З.Д. Попова, И.А. Стернин, в рамках когнитивного направления исходят из понимания концепта как принадлежности сознания человека, глобальной единицы мыслительной деятельности, кванта структурированного знания.

З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют концепт как комплексную ментальную единицу, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои, при этом соответствующие признаки или слои концепта могут не иметь языкового обозначения в родном языке человека [10, с. 59].

Е.С. Кубрякова, ссылаясь на Р. Джакендоффа, предполагает существование в голове человека уровня представлений о мире, на котором языковой, сенсорный и моторный типы информации дополняют друг друга, образуя концептуальный уровень. Далее она утверждает, что «существует мир, существует его проекция в мозг человека и, наконец, у этого отраженного мира, преломленного в виде единой концептуальной системы со всеми ее образами,

представлениями и понятиями, существует мощная вербализованная часть» [7, с. 95].

Таким образом, представители когнитивной лингвистики (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин и др.) интерпретируют концепт как единицу оперативного сознания, выступающую как целостное, нерасчлененное отражение факта действительности.

Представители второго, культурологического направления, (Н.Д. Арутюнова, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Д.С. Лихачев, С.Х. Ляпин, Ю.С. Степанов, Л.О. Чернейко, В.И. Шаховский и др.) рассматривают концепт как ментальное образование, отмеченное в той или иной степени этносемантической спецификой.

Лингвисты почти едины во мнении, считая, что «культурный концепт, единица коллективного знания/сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [3, с. 48]. Определение концепта относительно русской культуры, данное Ю.С. Степановым, как «некое коллективное достояние русской духовной жизни и всего русского российского общества», также применимо и для других культур [13, с. 57].

Ю.С. Степанов определяет понятие концепта следующим образом: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [13, с. 824].

Обратившийся одним из первых в мировой лингвистике к исследованию концептов С.А. Аскольдов считал, что наиболее существенной функцией концептов как познавательных средств является функция заместительства. Он считал концепт «мысленным образованием, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, с.

267279]. Далее он говорит, что «не следует, конечно, думать, что концепт есть всегда заместитель реальных предметов, он может быть заместителем разного рода: чисто мысленных функций» [1, с. 267-279]. Д.С. Лихачев, продолжая рассуждения С.А. Аскольдова, предложил считать концепт «алгебраическим выражением значения, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.)» [8, с. 342-403].

Г.Г. Слышкин и В.И. Карасик понимают концепт как «многомерную ментальную единицу с доминирующим ценностным элементом» [12, с. 128]. Концепт группируется вокруг некой «сильной» (т.е. ценностно акцентуированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. Наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые – периферию. Четких границ, по их мнению, концепт не имеет, по мере удаления от ядра происходит постепенное затухание ассоциаций.

Как и учёные Волгоградской школы В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин, в нашей работе лингвокультурный концепт мы считаем условной ментальной единицей, направленной на комплексное изучение языка, сознания и культуры. Соотношение лингвокультурного концепта с тремя выше указанными сферами может быть сформулировано следующим образом:

- 1) сознание – область пребывания концепта (концепт лежит в сознании);
- 2) культура детерминирует концепт (т.е. концепт – ментальная проекция элементов культуры);
- 3) язык и/или речь – сферы, в которых концепт опредмечивается [12, с. 128].

Мы, вслед за учёными, в то же время считаем эту схему относительной, указывая на сложность соотнесения феноменов «язык» и «культура». Язык является одновременно и частью культуры, и внешним для нее фактором, а также на наличие двусторонней связи между языком и сознанием, так как категории сознания реализуются в языковых категориях и одновременно детерминируются ими. Таким образом, лингвокультурный концепт отличается ментальной природой. Если предлагаемая Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым логоэпистема [2, с. 84] является, по сути, элементом значения слова и локализуется в языке, а введенная В.В. Воробьевым лингвокультурема [4, с. 331] определяется как единица межуровневая, т.е. не имеющая определенной локализации, то концепт находится в сознании. Именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, поэтому любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно и когнитивное исследование.

Лингвокультурный концепт отличается также и от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип), акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип.

На основе проанализированного теоретического материала, мы можем сказать, что целью данной статьи будет изучение лингвокультурного концепта «детство» на материале романа Джоан Ролинг «Гарри Поттер и философский камень». Для этого мы считаем необходимым рассмотреть специфику этнокультуры Англии, этнокультурного сознания англичан, менталитета английского социума на примере детской литературы XVIII-XXвв.

Первая настоящая детская литература была издана Джоном Ньюбери. Этот род занятий возник в английском книжном деле в XVIII веке. Именно в

творчестве Джона Ньюбери, а именно – «Гуди — Два Башмака», берёт своё начало образ сироты. Гуди имеет только отца, непременно добьётся успеха в жизни своими стараниями. Заголовок гласит: «История маленькой Гуди — Два Башмака. С описанием того, как достались ей ее ученость и мудрость, а вследствие того и состояние, рассказываемая для пользы тех,

Кто из лохмотьев и забот
Без башмаков идет вперед
К успеху и почету в свете,
К своей шестерке и карете.

Подлинная рукопись с гравюрами Микеланджело находится в Ватикане. С прибавлением разборов наших современных великих критиков» [15, с. 2]. Таким образом, концепт «детство» в понимании Ньюбери не ограничен восприятием ребенка как такового, а включает в себя такие элементы как учение, состояние (денежное), успех и почёт в английском обществе.

Следующая историческая эпоха, XIX век, имеет особое значение, так как именно в этот период содержание детской книжки уходит от строгой морали и различного рода нравоучений. Особое место в детской — как и во «взрослой» — литературе рубежа XVIII—XIX вв. занимает поэзия Вильяма Блейка. В его «Песнях невинности» (1789) ребенок, само «детство» — это воплощение счастья жить («Интродукция», «Ягненок», «Дитя-радость», «Мошка»). В этих стихах присутствует библейская символика, но по существу своему они далеки и от христианской, и вообще от официальной морали.

Одна из лучших книг того времени, «Бал бабочки» В. Роско, оставила заметный след в детской литературе. «Пиршество» насекомых нарисовано здесь весело и увлеченно. Дети здесь наравне с насекомыми, участники некоего праздника, где все ярко и радостно и где все счастливы. Доставить радость ребёнку, а не поучать архетипического «хорошего мальчика» — принципиально иной адресат, иная художественная задача.

1840 – 1870-е гг. – время необычайного расцвета детской книги. В этот период создается ее классика, ее бессмертные образцы. Детям посвящает страницы своих журналов Диккенс; пишут Лир, Кэрролл. Ф.Харви Дартон считает, что было бы искусственным отделять эти имена, так как «они существуют рядом, одна и та же действительность, духовная атмосфера взрастила их» [14, с. 54-67].

В эту эпоху атмосфера Англии наполнена доминирующей философией утилитаризма. Утилитаризм или школа практической пользы, или Манчестерская школа (город крупнейшей промышленной буржуазии Англии не случайно оказался центром этой школы), создали политико-экономическую и морально-философскую доктрину, согласно которой стремление к пользе, выгоде объявляется основным двигателем прогресса общества в целом, и индивидуальных судеб.

Высокий критический разум, о котором говорили философы XVIII века, подменен здесь трезвым обывательским рассудком, расчетливостью, помогающей выбрать наиболее удобную позицию: «Рассудок должен контролировать и подавлять слепые чувства: жалость, сострадание и прочее, которые только мешают пользе дела, мешают строить цивилизацию» [14, с. 67].

Всё это косвенно отразилось и в ментальности английского общества – подавление чувств, холодная сдержанность, которая провозглашается и воспитывается как подлинно английская черта. Бездушие, стандартность, механичность побеждают – в отношениях, в характерах, психологии людей. Против этого восстает литература, и в большей мере – детская литература. Наблюдается сопротивление утилитаризму в английской литературе. И формой этого сопротивления была «fantasy», различные формы фантастической образности, юмор, гротеск, абсурд (nonsense).

Эдвард Лир вошел в литературу сборником стихов под названием «The Nonsense Book» (1846), книгой веселых и вызывающих бессмыслиц; Кэрролл

прославился двумя повестями об Алисе, которые тоже, прежде всего, поразили причудливостью, парадоксальностью, «абсурдным» перевёртыванием обыкновенной жизни. Этот абсурд и вздор, с точки зрения «трезвого» воспитателя – был освобождением сознания с помощью юмора – в том числе и юмора, высмеивающего жестокость назидательной викторианской литературы.

В структуру концепта «детство» детской литературы XIX века входят новые элементы: богатство, признание, успех и так далее; замещаются радостью, простым пребыванием на земле, счастьем быть, а не стать кем-то, легкомыслием и беззаботностью. Менталитет взрослого англичанина начинает меняться: характерной становится антиутилитарная направленность, «протестбегство», как говорит Н. Демурова [5, с. 29], к фантазии, к чувствам человека, к многокрасочному живому миру.

В соответствии с этим в детской литературе на первое место становится фантазия, каждый классик этой поры рисует страну фантазии как прекрасную, увлекательную, весёлую и зовёт туда ребёнка.

В XX веке, по большей части, об Англии говорят как о стране консерватизма. Одним из объяснений служит победа на выборах в парламент одной из лидирующих партий – консерваторов.

Так, в 1979 году консервативная партия во главе с М. Тэтчер возглавила правительство вплоть до 1990 года, то есть 11 лет, что было вторым рекордом в истории английского парламента. С другой стороны, «консервативный» понимается как «враждебный всяким нововведениям, отстаивающий неизменность чего-либо» [9, с. 283].

Подводя итоги, мы можем сказать, что на всех этапах причудливый юмор, фантазия, эмоциональность оказываются формой защиты, как детской личности, так и взрослого человека. Чуждачества, эксцентричность, фантазерство в детской литературе – свидетельство того, что англичане, эта «самая буржуазная из всех наций» [14, с. 79], выработала внутри себя форму сопротивления

эмоционально-моральным результатам буржуазности, если мы говорим о литературе XIX в. или же консерватизма, если речь идёт о детской книге XX-XXI вв.

Главным событием в детской литературе конца XX в. становится вступление в неё Джоан Ролинг. Эта писательница, вслед за Диккенсом, Кэрроллом и другими, пишет истории, где герой – ребенок, противопоставлен взрослым и миру взрослых. Книги, главным героем которых является мальчикколдун Гарри Поттер, за короткий срок стали одними из самых читаемых в истории книгоиздания.

Джоан Ролинг создает произведение «Гарри Поттер и философский камень», с национальными чертами английской литературной сказки:

- 1) герой – ребенок;
- 2) автора нельзя считать только детским писателем;
- 3) обращенность одновременно к детям и к взрослым;
- 4) одна из центральных проблем – взаимоотношения взрослых и детей;
- 5) разнообразие языковых приемов, словесная игра;
- 6) пародия;
- 7) отступление от правила «счастливого конца».

С другой стороны, детские характеры, созданные Джоан Ролинг, поражают своей психологической сложностью. Так, концепт «детство» в книге о Гарри Поттере – это не просто волшебный мир, где ребёнок может быть наблюдателем чудесных приключений. Автор повествует о всех перипетиях и сложностях этого детского мира, особенностях детской субкультуры.

В отличие от укоренившейся традиции литературной сказки противопоставлять мир взрослых и мир детей, Ролинг делает взрослых полноправными участниками волшебных приключений, но правда, лишь тех взрослых, которые способны верить в чудеса и использовать их в повседневной жизни (магов, а не маглов): «He brought the umbrella swishing down through the air

to point at Dudley – there was a flash of violet light, a sound like a firecracker, a sharp squeal ... When he turned his back on them, Harry saw a curly pig's tail poking through a hole in his trousers» [16, с. 45]. «С размаху он опустил зонтик, кончик которого указал на Дадли – вспыхнул фиолетовый свет, раздался звук взорвавшейся петарды, металлический скрежет... Когда он повернулся спиной, стал виден завиток поросячьего хвостика, высунувшийся из прорехи в штанах» [11, с. 48].

То есть, концепт «детство» в романе английской писательницы XXв. Джоан Ролинг не только иначе мыслится, но и иначе переживается: такие элементы как развитие личности, проблемы самостановления, саморазвития, утверждения собственной индивидуальности занимают главенствующее место в его структуре.

Библиографические ссылки:

1. Аскольдов С. А. // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. / Под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267 – 279.
2. Верещагин Е. М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е.М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Гос. ин-т рус. яз. им.А.С.Пушкина, 1999. – 84с.
3. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт: Монография. – М.: Гнозис, 2007. – 284с.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 340с.
5. Демурова Н. Льюис Кэрролл. Очерк жизни и творчества. – М.: Наука, 1979. – 200с.
6. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-81.
7. Кубрякова Е.С. Особенности речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона/ Е. С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М., 1991. – С. 93-108.
8. Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб.: Алетейя, 1997. – 591с.
9. Ожегов С.И., Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений / С.И. Ожегов; Рос. АН. Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. – М. : АЗЪ, 1993. – 955с.
10. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира./ З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. – 60с.
11. Ролинг Д. К. Гарри Поттер и философский камень. – М.:Росмэн, 2001. – 399с.
12. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 280 с.

13. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824с.
14. Darton, Harvey F. J.. Children's Books in England: Five Centuries of Social Life / B. Alderson. – New Castle: Oak Knoll Press, 1999. – 398с.
15. Newbery J. The History of Little Goody Two-Shoes. – London: Newbery and Carnan, 1768. – 160с.
16. Rowling J. K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone – London: Bloomsbery, 1997. – 498с.

3.3. ДИФЕРЕНЦІАЦІЯ ТЕРМІНОЛЕКСИКИ ГРАФІЧНОГО

ДИЗАЙНУ (О.В. Гурко). Найбільше багатство кожного суспільства – це його мова, а в мові – словниковий склад. Усі слова мови становлять її лексику. Лексикою називають словниковий склад мови з фразеологією включно. За допомогою лексики ми членуємо навколишній світ та свій внутрішній світ на частини й кожній з них присвоюємо назву-замінник [29, с. 149].

Мовна практика засвідчує, що окремі слова, називаючи одні й ті самі поняття навколишнього світу, відрізняються стилістичним уживанням. У зв'язку з цим уживана в мові лексика поділяється на певні стилістичні групи, найпоширенішою з яких є “стилістично нейтральна, або міжстильова лексика, тобто така, що вільно, без будь-якого обмеження вживається в усіх стилях мови” [26, с. 152]. До другої групи належить “лексика, стилістично забарвлена або співвіднесена лише з одним чи кількома функціональними стилями” [26, с. 152].

У статті зроблено спробу проаналізувати термінолексику графічного дизайну та розподілити її на загальнонаукові й вузькоспеціальні терміни.

У словниковому складі української літературної мови велике місце відведено термінологічній лексиці, кількість якої весь час помітно зростає. До термінологічної лексики належать усі слова, що об'єднуються в мові під загальною назвою терміни.

Систему термінів нерідко називають термінологією. Це слово утворене від середньовічного латинського *terminus* та старогрецького *logos*. На думку А.Д. Хаютіна, воно було вперше вжите в Німеччині професором Сієнського університету Ц.Г. Шютцем (1786), у 1801 році воно з'являється у французькій та

англійській мові. Лексикографи ХІХ століття приписують цьому слову дуже вузьке значення “опис”. Сьогодні під термінологією розуміють науку про терміни, частину словникового складу мови, що охоплює спеціальну лексику, систему позначень наукових і професійних понять будь-якої однієї галузі знань [29, с. 243].

Однак для першого значення є вже відповідник “термінознавство”, а для другого – “професійна лексика”.

Термін завжди співвіднесений з відповідним поняттям у системі певної галузі науки, техніки чи іншої галузі людських знань. Однією з найважливіших ознак терміна є його однозначність у межах тієї термінологічної системи, у якій він уживається. Ця властивість терміна зумовлюється його функцією в мові, яка полягає в тому, що термін має забезпечувати однакове розуміння всіма носіями мови спеціального поняття, яке ним виражається. А це можливо лише тоді, коли кожен термін у межах понятійної системи, у якій він функціонує, буде однозначним. Однак якщо слово, вживане в термінологічній лексиці, поширене й поза її межами, то там воно може набувати різних додаткових та переносних значень і навіть виступати як полісемічне. Так, іменник *альбом* у термінології графічного дизайну означає тільки “*дерев’яну дошку, покриту білою фарбою чи гіпсом, на якій писали оголошення*” [7, с. 19]: “*Люди писали на альбомі поблизу магазину свої оголошення*” [17, с. 34]. А в загальноживаній лексиці те ж слово тлумачать як “*книга або зошит з чистими листками для малювання, вписування віршів, зберігання фотографій, листівок, марок*” [4, с. 36]: “*Роман Петрович жваво... збігав до кімнати, миттю повернувся, тримаючи в руках великий альбом для малювання*” [14, с. 67].

Іменник *заставка* у графічному дизайні означає *графічно оформлений заголовок телепередачі чи рубрики*. Поза термінологічним ужитком він виступає в таких значеннях: *малюнок, схема, фото, таблиці, креслення, малюнок перед початком тексту*.

Слово *абрис* у мові графічного дизайну широко вживається як *лінійний, контурний рисунок допоміжного призначення, виконаний при калькуванні*; застосовується, наприклад, у процесі роботи художника над перенесенням зображення з картону на оригінал (*абрис профілю людини*), а в переносному значенні – *загальна характеристика явищ, осіб, огляд подій (абрис міжнародних подій)*. Те ж саме відбувається зі словом *вивіска*, яке у графічному дизайні позначає *дошку з будь-якого матеріалу, на якій зроблено напис, іноді з малюнком, що означає рід діяльності або назву підприємства, установи*:

“Сторож зняв вивіску з написом – Колгосп “Мирна праця” і вніс її до хати” [22, с. 3], а в переносному значенні – *зовнішній, показний бік чого-небудь, ширма, що приховує правду, істину: “Люда почала його навіть побоюватись. Хтозна, що за людина. Слюсар з депо. Це ще не все. Це може бути тільки вивіска. А нутро його хіба визнаєш скоро?”* [10, с. 193].

Якщо слово вживається як термін у системі іншої спеціальної галузі знань, то в ній воно теж однозначне, семантично чітко відмежоване від тих його значень, що виявляються в позатермінологічному функціонуванні, а також і в термінологічному, але в іншій царині знань. Скажімо, іменник *гравер*, уживаний як термін у медицині, *виступає в ній тільки для вираження твердої, хірургічної пов’язки з цього металу, що використовується при переломах та вивихах*, а саме: *“Пробуду тут ще тижнів зо два, поки мені зроблять апарат, замінючий гіпс (гравер)”* [18, с. 38]. У графічному дизайні гравер – *художник, який створює гравюри, або ж спеціаліст з гравірування*, наприклад: *“Видатний майстер-гравер (Л. Серяков) залишив після себе цілу школу граверів на дереві”* [25, с. 26].

Іменник *ансамбль* у термінології графічного дизайну означає *стильову єдність і ситуаційну взаємодію з іншими творами* [7, с. 28], а в сучасній українській літературній мові – *група співаків, музикантів або танцюристів, що постійно виступає як єдиний художній колектив* [4, с. 32]: *“Мистецтво*

сценічного ансамблю вимагає від усіх учасників вистави єдності світовідчуття, єдності творчого методу і розуміння ідейної суті твору” [11]. Аналогічно іменник *епітафія* в термінології графічного дизайну – це невеликий надгробок чи кенотаф, у вигляді пишно декорованого, часто з портретним зображенням і написом рельєфа, що звичайно вмуровували в стіну храму [12, с. 226]: “В шліфовані плити лункої підлоги Він сам вкарбувати звелів Рядки *епітафії*, повні тривоги За прах невольможних мерців” [1, с. 199], а в літературі – твір, написаний у зв’язку зі смертю чи втратою кого-небудь [19, с. 484].

Зовсім різні значення властиві іменникові *форма* в термінології дизайну, філософії та біології. У термінології графічного дизайну він означає вираз чи зовнішній вияв структури виробу чи комплексу речей, у біології – це назва різновиду рослинного чи тваринного організму, зокрема одиниць, менших від роду, при невиразному систематичному їх положенні, а в філософії – спосіб існування змісту, його внутрішня структура, організація і зовнішній вираз [21, с. 694].

Відомо, що в суміжних галузях науки існує чимало таких спеціальних понять, які належать не до однієї, а до кількох, навіть багатьох із них. Цим зумовлено те, що в кожній літературній мові існують терміни, сфера функціонування яких не обмежується якоюсь однією науковою спеціальністю, тобто терміни, відомі з тим самим значенням у багатьох суміжних наукових галузях. Є такі терміни і в українській мові, наприклад: *ансамбль* – в архітектурі, графічному дизайні, музиці; *асиметрія* – у геометрії, кресленні, графічному дизайні; *валер* – у живописі й графіці; *відбиток* – у графіці та археології; *гротеск* – у літературі, графічному дизайні; *знак* – у рекламі, релігії, графічному дизайні, астрології; *ескіз* – у малюванні, скульптурі, графічному дизайні; *композиція* – у мистецтві, літературі, графічному дизайні; *малюнок* – у літературі, геометрії, графічному дизайні, біології; *марка* – у рекламі, історії, графічному дизайні; *начерк* – у живописі, скульптурі й графічному дизайні; *олівець* – у геометрії,

малюванні, графічному дизайні; *символ* – у математиці, фізиці, літературі, графічному дизайні; *симетрична збалансованість* – у геометрії, фізиці, графічному дизайні; *стиль* – у графічному дизайні, літературознавстві, архітектурі й мовознавстві.

Отже, термін являє собою слово, що характеризується не лише стильовою співвіднесеністю, а й певною замкненістю в системі лексики на означення понять якоїсь окресленої царинні знань.

У сучасній українській мові можна виділити певні групи термінологічної лексики: лінгвістичну, біологічну, технічну, військову, мистецьку (музична, дизайнерська, архітектурна, театральна, образотворчого мистецтва), медичну, філософську, морську, медичну, політичну, фізичну, математичну та ін.

Лексика графічного дизайну належить до дизайнерської термінологічної лексики, яка поділяється на загальнонаукові й вузькоспеціальні (галузеві) терміни.

Загальнонаукові терміни – це звичайні слова, найменування предметів, якостей, ознак, дій, явищ, які однаково використовуються в побутовій мові, художній літературі, ділових документах. Такі терміни прості, доступні, зрозумілі, ніякого спеціального змісту не мають. “Вони не завжди зручні, – зауважує А.В. Корж, – часто багатозначні, допускають різні тлумачення, можуть застосовуватися то в одному, то в іншому значенні. Тому використання таких термінів доцільне, якщо їхнє значення зрозуміле для всіх і не породжує ніяких сумнівів у певному контексті” [15, с. 90].

Вузькоспеціальні терміни – це слова чи словосполучення, які позначають поняття, що відображають специфіку конкретної галузі, наприклад, юридичної, економічної, лінгвістичної. Для цих термінів характерна семантична конкретність, однозначність.

До загальнонаукових термінів графічного дизайну відносимо такі:

альбом, афіша, клеймо [7], марка, узор [8], дизайнер, мода, розпис, [9], знак, упаковка, символ, симетрія [16], аплікація, асиметрія, емблема, заставка, плакат, рисунок, стиль, фреска [20], афіша, виставка, етикетка, інверсія, індекс, календар, стенд, обкладинка, оголошення [24]. Наприклад: “Присмною несподіванкою стала виставка “Українські мотиви” Анатолія Криволапа і Олександра Бабака у Центральному будинку художника” [27, с. 3]; “Роман Петрович жваво... збігав до кімнати, миттю повернувся, тримаючи в руках великий альбом для малювання” [13, с. 67]; “Першою і великою роботою малярів-монахів Студитського Уставу був розпис Успенської церкви Унівської лаври” [28, с. 19]; “Олімпійська емблема “Китайський штамп – Танцюючий Пекін” має свою історію і несе миру послання привітності і зобов’язання проведення якнайкращих Олімпійський ігор” [6]. Усі виділені слова, які належать до лексики графічного дизайну, відомі як науковцю, так і звичайній людині й тому не потребують роз’яснення.

До вузькоспеціальних термінів досліджуваної лексики належать: деколь, літофанія [7], графік-ілюстратор, флейц [8], гравюра на металі, графічний товарний знак, лавіс, товарний знак, фірмовий знак, фірмовий шрифт, логотип [16], автогравюра, акватинта, вибійка, гравюра, графіка, гротеск, ескіз, крокі, ксилографія, начерк, нюанс, кольорова гамма, лінеарний рисунок, сграфіто, станковий живопис, світлотінь поп-арт, розтушовка, промислова естетика, суха голка [20], контрактер, фронтиспис [24] та ін. Наприклад: “О.Кульчицька одна з перших в Україні починає працювати в галузі промислової естетики – виконує проекти обгорткових паперів, шпалер, упакувань для цукерок, промислових плакатів” [5, с. 11]; “Нюансована колірна гамма не так підкреслювала значущість пейзажного мотиву, як ліричне ставлення художника до зображуваних безлюдних просторів” [23, с. 18]; “Лінеарний рисунок “резерву”

в завісі візуально практично не сприймається, що створює відчуття вільних тональних переходів – свого роду дифузії кольору” [3, с. 20].

Зазначена вище термінолексика графічного дизайну потребує роз’яснення, адже поза контекстом вона стає малозрозумілою для звичайного пересічного громадянина. Тому з’ясуємо значення деяких слів з досліджуваної термінолексики: *вибійка* – мальованка з візерунком, яка наноситься вручну за допомогою різьбленої або набірної дерев’яної дошки [20, с. 38]; *графічний товарний знак* – це умовне, дещо загадкове символічне зображення, яке відрізняє відповідні товари та послуги одних фірм від інших [2, с. 395]; *підмальовок* – підготовча стадія роботи над картиною [20, с. 135]; *розтушовка* – коротенька паличка, виготовлена з паперу або замші для розтирання штриха в пляму при малюванні пастеллю м’якими фарбами [20, с. 159]; *станковий живопис* – це термін, яким позначають твори образотворчого мистецтва, що мають самостійний характер, наприклад: *картина, портрет, пейзаж, натюрморт* [2, с. 173]; *начерк* – художній твір (графіка, живопис або скульптура невеликих розмірів), виконаний автором нашвидкоруч [20, с. 112113].

Отже, аналіз термінолексики графічного дизайну дає підстави зробити такі висновки: термінолексика графічного дизайну є полісемічною і поділяється на загальнонаукові (*афіша, календар, марка*) й галузеві (*автогравюра, естампаж, скетч*) терміни.

Бібліографічні посилання:

1. Бажан М. Твори у 4 томах / М. Бажан. – К.: Дніпро, 1975. – Т.2. – 345 с.
2. Білодід Ю.М. Основи дизайну / Ю.М. Білодід, О.П. Поліщук. – К.: Парапан, 2004. – 240 с.
3. Брюховецька Л. Розквіт і знищення / Л.Брюховецька // Образотворче мистецтво. – 1992. – №3. – С. 20-21.
4. Великий тлумачний словник сучасної української мови / [уклад. і гол. ред. В.Т. Бусел]. – К. – Ірпінь: Перун, 2001. – 1440 с.
5. Волошин Л. Творці українського модерну / Л. Волошин // Образотворче мистецтво. – 2006. – №1. – С. 6-11.
6. Графічний дизайн [Електронний ресурс]: Словник термінів зовнішньої реклами. – Львів, 2008. – Режим доступу: <http://www.leosvit.com>.
7. Декоративно-ужиткове мистецтво: Словник у 2-х томах / [ред. Л.П. Запаско]. – Львів: Афіша, 2000. – Т.1. – 363 с.

8. Декоративно-ужиткове мистецтво: Словник у 2-х томах / [ред. Л.П.Запаско]. – Львів: Афіша, 2000. – Т.2. – 372 с.
9. Дизайн. Иллюстрированный словарь-справочник / [сост. Г. Минервин]. – М.: Архитектура, 2004. – 282 с.
10. Донченко О.В. Твори / О. Донченко. – К.: Держлітвидання, 1956. – 239 с.
11. Етикетка, упаковка [Електронний ресурс]: Довідник. – Режим доступу: <http://www.advecon.ru/services/design>.
12. Етимологічний словник української мови: В 7 т. / [упоряд. та ред. Р.В. Болдирев, О.С. Мельничук]. – К.: Наукова думка, 1982. – Т.3. – 874 с.
13. Козаченко В. Сальвія / В. Козаченко. – К.: Молодь, 1959. – 369 с.
14. Козаченко В. Твори в 4 томах / В. Козаченко. – К.: Дніпро, 1979. – Т.2. – 478 с.
15. Корж А.В. Ділова українська мова: Лекції та комплексні заняття / А.В. Корж. – К.: Наукова думка, 2002. – 176 с.
16. Куленко М.Я. Основи графічного дизайну / М.Я. Куленко. – К.: Кондор, 2007. – 492 с.
17. Кучер В. Чорноморці / В. Кучер. – К.: Держлітвидання, 1956. – 345 с.
18. Леся Українка. Твори в 2 томах / Леся Українка. – К.: Держлітвидання, 1951. – Т.2. – 478 с.
19. Літературознавчий словник-довідник / [ред. Р.Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів та ін.]. – К.: ВЦ “Академія”, 1997. – 752 с.
20. Ничкало С.А. Мистецтвознавство: Короткий тлумачний словник / С.А. Ничкало. – К.: Либідь, 1999. – 208 с. – Укр. і рос. мовами.
21. Новий тлумачний словник української мови / [уклад. і гол. ред. В.В. Яременко, О.М. Сліпушко]. – К.: Аконт, 2000. – Т.4. – 941 с.
22. Панченко О. Творчість Володимира Винниченка / О. Панченко // Слово і час. – 2000. – №7. – С. 9-18.
23. Путянин В. Естафета майстерності / В. Путянин // Образотворче мистецтво. – 2006. – № 4. – С. 18-19.
24. Реклама. Словник термінів / ред. Н.В. Іванченко. – К., 1998. – 202 с.
25. Соколюк Л.Д. Графіка сьогодення / Л.Д. Соколюк // Мистецтво. – 2006. – №1. – С. 23-28.
26. Сучасна українська літературна мова: Лексика і фразеологія / [упоряд. М.Я. Плющ]. – К., 1972. – С. 152.
27. Федорук О. Слово редактора / О. Федорук // Образотворче мистецтво. – 2007. – №1. – С. 3.
28. Шмагало Р. Наш дизайн / Р. Шмагало // Образотворче мистецтво. – 2000. – №1-2. – С. 18-22.
29. Ющук І.П. Українська мова / І.П. Ющук. – К.: Либідь, 2004. – 640 с.

3.4. РУССКИЕ АНТИПОСЛОВИЦЫ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА (Т.А. Кассина, В.Н. Продайко). Современная речевая и литературная языковая практика, а также практика средств массовой информации демонстрируют настоящее цунами экспрессивных форм лексики. Исследователи отмечают резкий рост использования так называемых трансформированных

паремий – видоизмененных пословиц типа «тише едешь – никому не должен»; «чем дальше в лес, тем третий лишний»; «старый конь борозды не портит, а ложится в нее и спит» и т.п. Такие трансформации нередко именуются как антипословицы или квазипословицы. Это довольно яркое явление и потому оно не могло пройти мимо внимания специалистов, которые, используя не только литературоведческий и лингвистический анализ, но и социологические, психологические, а также философские методы исследования, взялись за описание и систематизацию видоизмененных паремий, стараясь тем самым ответить на вопросы относительно природы их появления и механизмов функционирования, а также их роли в современном социуме. Несомненным успехом в этом направлении являются работы Х. Вальтера и В.М. Мокиенко, под авторством которых в 2006 году вышел словарь «Антипословицы русского народа», представляющий на сегодня наиболее фундаментальное собрание различных современных вариантов и переделок известных русских пословиц [1].

Именно В.М. Мокиенко первым указал на их экспрессивность, характеристику, которая для трансформированных паремий безусловно выступает как ведущая. В его анализе данной универсалии представляет интерес попытка объяснения ее возникновения. Исследователь полагает, что экспрессивность появляется как отражение противоречия между осознанием говорящим или слушающим первоначального значения отдельных слов и тех приращений смысла, которые они получают, когда включаются во фразеологизмы. Это в еще большей степени применимо к такому их типу фразеологических единиц, как пословицы, в том числе и к их видоизменениям. Разница только в том, что здесь противоречие вызывается не изменением в значениях отдельного слова или слова как структурного элемента фразеологизма, а соотношением между традиционной и новой формами той или иной пословицы.

Отечественная традиция фразеологических исследований, как правило, придерживается концепции академика В.В. Виноградова, согласно которой пословицы выводятся за пределы фразеологических единиц. Мы же полагаем, что паремии находятся в одном ряду с такими фразеологизмами, так идиомы, коллокации, поговорки, грамматические фразеологизмы и фразеосхемы.

Многие исследователи, рассматривая квазипословицы или антипословицы в качестве формы «осмеяния» материнских пословиц или как ироническое «выворачивание наизнанку» вековой пословичной мудрости, придерживаются тезиса о природе экспрессивности в различных типах фразеологизмов. Не случайно, специалист в области жаргона современной польской молодежи Е. Невзорова-Кмеч, пишет, что сегодня в языковом фольклоре мы наблюдаем нарушение тех табу, норм и чувств, которые общество закладывает в сознание людей еще в их детстве [1, с. 4]. Крупный американский паремиолог В.Мидер объясняет это тем, что в настоящее время в сознании людей укореняется представление об отсутствии в пословицах какойто универсальной внеисторической истины и именно поэтому, как полагают Х. Вальтер и В.М. Мокиенко, «пословичная система ценностей вступает в конфронтацию со здоровым юмором, едкой иронией или острой сатирой» (там же). В целом же не вызывает сомнения тот факт, и это подтверждается исследованиями русского, чешского, английского, немецкого, польского фольклора, что смеховую экспрессию в паремиологических неологизмах создает соответствующее противоречие между каноном и соответствующей формой его нарушения.

Полагаем, что рассматривать видоизмененные пословицы лишь в качестве своеобразного «стеба» недостаточно для более или менее полного ответа на поставленные ими же вопросы, и здесь, как определенную пользу могут принести методологические и методические достижения постмодернизма.

Одним из наиболее известных тезисов постмодернизма является понимание мира как совокупности различных текстов. Правда, при этом не

следует забывать, что механизмом, который продуцирует все эти тексты, является культура. В свое время на это обратил внимание еще Ю. Лотман, когда подчеркивал, что тексты есть реализация культуры. Усматривая основную «работу» культуры в деле структурной организации окружающего человека мира, он специально делал ударение на том, что устройством, штампуемым указанную структуру, является как раз естественный язык в его различных формах. Важно также и его утверждение о том, что если одним культурам свойственно представление о себе как о совокупности нормированных текстов, то другие моделируют себя как систему правил, определяющих создание текстов [2, с. 492]. Последнее замечание приобретает для нас особое значение тогда, когда мы ищем ответ на вопрос о том, являются ли трансформированные паремии искажением (осмеянием, стебом, выворачиванием, отвержением) на лингвистическом материале тех или иных культурных реалий или это необходимая стадия развития данных реалий.

Если воспользоваться идеей Ю. Лотмана о существовании двух типов культур, несложно сделать вывод о том, что при первом типе культуры трансформированные паремии являются наступлением на некую «сакральность» наработанных обществом текстов, что, в конечном счете, означает собой попытку отрицания или дезавуирования определенного этапа развития общества. Во втором же типе культуры антипословицы уже не несут в себе ярко выраженного разрушительного начала, а выполняют некую «развлекающую» роль. Важно, что и в том, и в другом случае мы имеем своеобразную, хотя и преследующую разные цели, языковую игру. Такая игра, согласно теории постмодернизма, становится возможной именно потому, что культура представляет собою интертекстуальную реальность (Ю. Кристева), а не арифметическую сумму отдельных, да еще и автономных текстов. В такого рода реальности каждый текст может быть связан с любым другим текстом, причем независимо от его буквального значения или заложенной в нем той или иной

нормативной истины, что и создает механизм осуществления языковой игры, выражением которой, в частности, и являются трансформированные паремии.

Согласно теории постмодернизма культура не творится заново, а воспроизводится, причем нередко в неких пародийных формах. Другими словами, культуру, если рассматривать ее как набор текстов, не создают, а как бы складывают по-новому из уже существующих элементов прежней культуры. Именно в этом и проявляется игровое начало как всей культуры, так и отдельных ее проявлений. А поскольку культурным устройством, организующим мир в определенную структуру, является язык, то становится очевидной неслучайность и важность той роли, которую выполняет языковая игра в жизни общества. Это прочувствовал еще видный поэт эпохи позднего немецкого Просвещения И. Гельдерлин, утверждавший, что язык есть самое опасное из всех благ, которыми пользуется человечество.

Понимание важности игровой роли языка, но уже на материале паремий, можно обнаружить в утверждении В. Мидера, когда он обращает наше внимание на то, что «шутливая» или «серьезная» (выделено нами) игра с пословицами отнюдь не нова, хотя в последнее время она и приобретает особо заметные масштабы [1, с. 4]. Объединяя мысль Ю. Лотмана относительно характера функционирования текстов в различных культурах со ссылкой В.Мидера на два варианта игры с пословицами, мы приходим к следующему выводу: то, что в одной культуре представляет собой серьезную игру, в другой есть всего лишь шутка. Следовательно, прежде чем рассматривать характер и механизм появления трансформированных паремий, особенности их функционирования, мы должны определиться с типом той культуры, внутри которой и исследуются видоизмененные пословицы. Мы убеждены, что невнимание к этой стороне вопроса и не позволяет увидеть многие характерные особенности квазипословиц именно в реалиях сегодняшнего дня. Еще раз обратимся к Лотману, который подчеркивал, что одним «из наиболее существенных вопросов является

отношение культуры к естественному языку» [2, с. 486]. Это означает, что мы при анализе процесса функционирования трансформированных паремий должны ответить на вопрос о том, чем является культура, в которой происходит это функционирование, – «охранительницей» текстов или же набором правил, по которым создаются эти самые тексты. В первом случае «пародийность» квазипословиц есть форма отражения карнавальной смеховой культуры (М.М. Бахтин), при которой осмеяние традиции, «снижение» ее пафоса в действительности не отрицает вековой порядок вещей, а наоборот, с помощью «живого примера» напоминает о традиции, тем самым утверждая ее для передачи следующим поколениям [3, с. 28]. При втором же варианте мы имеем прямо противоположную ситуацию, где уже преследуется не цель сохранения и продолжения традиции, а как раз наоборот, ее разрушения и уничтожения. Иначе говоря, теперь перед нами вариант, о котором в свое время К. Маркс афористично заметил, что «человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым».

При поиске ответа относительно влияния культуры на ту социальную роль, которую выполняют трансформированные паремии, мы сталкиваемся с проблемой выбора социальной теории, обладающей соответствующим объяснительным потенциалом. Привычные для подобного рода случаев модернистские теории, опираясь на такие свои категории как прогресс и разум, логично приходят к выводу о «революционном» характере трансформированных паремий. Для доказательства этого они, как правило, ссылаются на модернистский принцип бинарных оппозиций, согласно которому буквально все может развиваться только в диалектической борьбе своих противоположностей (Г. Гегель, К. Маркс). И тогда получается, что антипословицы как противоположность пословицам выполняют определенную авангардную роль, отражая в ней прогрессивный ход общественной истории, осуществляемый в форме диалектического отрицания. Именно так понимают роль трансформированных паремий специалисты в этой области В. Мидер, Е.

Невзорова-Кмеч, В.М. Мокиенко и ряд других, которые разделяют мнение о том, что антипословицы есть форма «осмеяния» вековой и уже потому отжившей мудрости.

Но подобное понимание есть ничто иное, как выражение идеи классического детерминизма, характерного для методологии модернизма. Применение этой идеи для объяснения социальных явлений, в частности языковых процессов, порождает упрощенное, «механическое» представление о линейной динамике этих процессов, т.е. о наличии у них как начала, так и конца. Согласно этой концепции развитие языка понимается как предзаданная безальтернативная реализация некой общественной сущности. Отсюда напрашивается вывод о том, что эволюция языка есть лишь усложнение его организации на пути к достижению основной цели существования общества. А это, во-первых, отрицает наличие процессов самоорганизации в языковой системе, что противоречит современным научным представлениям, во-вторых, утверждает возможность какого-то исчерпывающего объяснения функционирования языка, в-третьих, отрицает многовариантность развития языковой системы, что не подтверждается практикой.

Ближе к действительности представление о том, что развитие языка многовариантно и потому в нем нет какого-либо единого определяющего начала. Это означает, что языковые процессы надо понимать не в духе классического функционализма, а в духе холизма, согласно которому динамическое существование целого предполагает как изменение роли отдельных его частей, так и существование у части возможности брать на себя функции целого. Отсюда мы делаем вывод о том, что цели существования языка меняются в ходе его развития, а потому меняется направленность языковых процессов и их функциональная нагрузка. Причем последнее происходит не постоянно, а только в момент прохождения языка через так называемые «точки бифуркации», представляющие собой «развилки», на которых язык принципиально

непредсказуемым образом делает выбор в направлении своего дальнейшего движения. А это уже признание факта, что языку присущи процессы самоорганизации, которые вносят определенный «беспорядок» в его функционирование.

Заметим, что точки бифуркации присущи любой эволюционирующей системе. Например, филогенетическое дерево, изображающее историю развития жизни на Земле, имеет вид типичной бифуркационной диаграммы. Социологи также хорошо знают, что спокойные периоды развития общества чередуются с периодами социальных потрясений, когда за исторически ничтожное время распадаются традиционные социальные институты и возникают совершенно новые социальные образования. В этом плане из языковой практики последнего времени можно привести пример изменения роли ненормативной лексики в молодежной среде, при которой почти полностью утрачено ее экспрессивное значение.

Осознание сложности организации жизни общества, присутствие в ней необходимого для развития беспорядка и породил постмодернизм с его оригинальной методологией познания, согласно которой следует отказаться от идеи универсальности таких качеств реальности как «прогресс», «новое», «центральное» и даже кардинально переосмыслить само понятие реальности. Последняя стала пониматься теперь не как нечто независимое от нашего сознания, а как очень сложная знаковая система, включающая в себя бесконечное число «языковых игр» в виде столь же бесконечного числа текстов. Тем самым постмодернисты отказались вообще от понятия истины, понимая ее только как слово, как элемент текста, как сам текст, но не более. Если применить сказанное относительно постмодернистской методологии к объяснению антипословиц, то можно поставить ряд вопросов.

Во-первых, нужно ли вообще отличать антипословицы от пословиц, тем более в качестве собственных противоположностей. С точки зрения

постмодернизма любые тексты, в том числе и их разновидности, в принципе равноценны и потому бесполезно усматривать между ними какую-то «вечную» иерархию или зависимость. Последнее устанавливает определенную линейность в развитии текстов, а, следовательно, предполагает присутствие в них некоего «вечного смысла», переходящего из материнской паремии в ее трансформацию. Причем неважно, что происходит с этим смыслом – отрицается ли он или утверждается, но в новой форме. Главное, что он сохраняется. Это мы и отмечаем, когда рассматриваем вышеуказанные гипотезы М.М. Бахтина или К. Маркса. Но не случайно постмодернизм, постулируя прерывность реальности, ее фрагментарность и коллажность, отрицает эвристическую ценность так называемых «больших» теорий (нарративов), объясняющих единственно правильным образом какое-то явление от момента рождения до момента его гибели. Вместо этого обращается внимание на факт самоосуществления текста, его процессуальные характеристики как единственно возможные способы его бытия.

Следовательно, текст «материнской» паремии нельзя рассматривать как изначально презентующий какой-то исходный и притом единственно возможный объективный смысл, передаваемый затем в другие варианты этой паремии и который затем выявляется с помощью специальных герменевтических процедур. В действительности же каждый текст, в том числе и его видоизмененный «вариант», имеет своего автора или, в терминах постмодернизма, скриптора. Причем свобода последнего как раз и проявляется в произвольности центрации текста, его семантизации и семиотической вариативности. Важно, такая свобода появляется не как произвол скриптора, а как следствие принципиальной открытости любого текста, в нашем случае традиционной паремии, в плане возможности его изменения, причем изменения непредсказуемого.

Трансформированные паремии могут выполнять любые роли, а не только роль, скажем, «карнавала» или «агента революции». Все зависит от вызовов того общества, на которые они призваны ответить. В нашем случае, видимо, видоизмененные пословицы не имеют отношения ни к выводам Бахтина, ни к выводам Маркса. Указанные в них реалии относятся к другим социальным условиям, а не к тем, которые имеются сегодня. Для нашей же ситуации наиболее эвристичной является концепция гиперреальности известного французского философа Ж. Бодриера.

Согласно его пониманию в настоящее время культурные представления и знания уже не выполняют функцию описания реальности, утрачивая тем самым связь с ней и становясь свободными от нее. Бодриер назвал их симулякрами, т.е. явлениями, не имеющими никаких референтов. При этом существенно то, что такой разрыв не возникает одномоментно, а проходит через ряд стадий. На первой – текст (знак, понятие, код) отражает объективную реальность. И тогда мы можем расшифровать данный текст применительно к той реальности, в которой он функционирует. Именно это мы и имеем в случае с идеями Бахтина и Маркса. На второй стадии происходит извращение связи текста с реальностью. На третьей – рассматриваемая связь исчезает, но это само исчезновение маскируется и потому об этом чаще всего невозможно даже догадаться. И наконец, на последней – четвертой – стадии всякая связь исчезает и возникает совершенно новая реальность – гиперреальность или искусственная реальность, в которой существуют только симулякры.

Если применить концепцию Бодриера к трансформированным паремиям, то можно заметить, что здесь мы наблюдаем весь спектр перехода от реальности к ее симуляции. В качестве примера приведем трансформации пословицы «одна голова хорошо, а две лучше». В частности, такие ее переделки как «одна голова хорошо, а двух не бывает», «одна голова хорошо, а две много» представляют собой стадию извращения связи материнской пословицы с содержанием той

реальности, которое она призвана отражать. «Одна голова хорошо, а две некрасиво» – это третья стадия – стадия маскировки того факта, что трансформированная паремия уже не отражает никакой реальности. И, наконец, объединение двух или более форм в одну (контаминацию) представляют собой типичный симулякр, не делающий никакого различия между «словами» и «вещами». Например, «одна голова сытому в колодец не плюет», «одна голова хорошо: вылетит – не поймаешь». Все приведенные нами примеры показывают, что переделанные пословицы являются не столько выразителем какого-то исторического опыта, сколько своеобразным механизмом мистификации общественного сознания, что собственно и характерно для постиндустриального информационного общества, в котором все подчинено мощному и плохо структурированному потоку информации.

Подводя итог сказанному, заметим, что появление огромного числа трансформированных паремий, в которых уже не отражаются «реальные» объекты, свидетельствует о том, что в эпоху, когда основным источником знаний являются средства массовой информации, бытие человека в мире становится призрачным и неаутентичным. Это положение дел, как нам представляется, является точкой бифуркации, то есть тем состоянием языка, которое не позволяет в принципе спрогнозировать дальнейшее его развитие. Разумеется, что наши предположения требуют дальнейшей проверки как на других языковых подсистемах, так и на собственно трансформированных паремиях, но с использованием иных методологических концепций и методических приемов.

Библиографические ссылки:

1. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Издательский Дом «Нева», – 2006.
2. Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры (совместно с Б.А.Успенским). – В кн.: Лотман Ю.М. Семиосфера. – С.-Петербург: Искусство – СПб, 2000.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990.
4. Бодрияр Ж. Симулякри і симуляція. – К.:Основи, 2004.

3.5. ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК СОВРЕМЕННЫХ

НЕОЛОГИЗМОВ (Л.П. Попко). Язык как живая и функционирующая система находится в непрерывном движении и развитии. «Скорость» этого движения различна в разные эпохи, так как динамика языка тесно связана с историей и культурой народа. Человек рассматривается как активный творец языка, а новообразования, как результат его словотворческой деятельности, являются ценным языковым материалом, позволяющим выявить особенности модели словопроизводства, связанные с конструированием инноваций.

Словотворчество – это многогранный процесс, направленный на выбор и создание индивидом необходимой лексической единицы. Коммуникативная проблема, с которой говорящий сталкивается вследствие безуспешного поиска «готового» слова, разрешается в результате «работы» интегративной речемыслительной модели словопроизводства, направленной на создание новообразования, отвечающего требованиям коммуникативного акта.

Процесс словотворчества зависит от ряда экстралингвистических факторов, к которым в первую очередь относятся особенности речевой ситуации, тип речевого акта, форма общения, характеристики говорящего и адресата и др.

Наплыв неологизмов в последние десятилетия заметен невооруженным глазом, и естественно, что филологи обращают внимание на этот феномен в его различных аспектах (способы неологизации, сферы ее проявления, заимствования и т.п.). В современном русском языке наиболее восприимчивыми в этом плане оказываются такие лексико-семантические области их употребления, как экономическая и общественно-политическая, реклама, компьютерная, лексика массовой культуры и «шоу-бизнеса», бытовая, частично язык художественных произведений.

Язык переживает почти революционные потрясения, и он не может не меняться прежде всего по той причине, что лежит в основе актов коммуникации;

средством их практического осуществления является язык, лежит отражение действительности, которая сама находится в постоянном движении [2, с. 8]. Появление многих новых слов объясняется действием именно внешних (экстралингвистических) факторов развития языка. К последним относится «вся совокупность разнообразных импульсов, идущих из окружающей среды и связанных с особенностями исторического развития общества, переселениями и миграциями, ... изменением форм общения, прогрессом культуры и техники и т.п.» [5, с. 216].

Как известно, существует три основных пути появления нового слова в языке – словообразование, семантическая трансформация и заимствование. Русский язык особенно богат словообразовательными возможностями, в первую очередь, обращает на себя внимание развитая система суффиксации, позволяющая выразить богатый спектр эмоций.

Аффиксальное словообразование является наиболее традиционным и нормативным в русском языке. Как отмечает Л.А. Кудрявцева, «активно реализуются известные деривационные модели, позволяющие автору моделировать экспрессивно-эмотивно-оценочное содержание путем создания собственных метафор, перифраз, энантиосемем и, конечно же, окказиональных слов, обладающих в значительной степени необычностью, яркостью, высокой воздействующей силой» [4, с. 19]. Кроме традиционных способов словообразования, существует и множество других, не столь распространенных. Узуальными считаются такие способы, которые находятся в центре словообразовательной системы и наиболее активно используются: префиксация, суффиксация, постфиксация, сложение, сращение, транспозиция, В исследованном нами материале обращают на себя внимание такие единицы, как *заобаять*, *обаяловка*, *недоразваленный*, *недоразделенный*, *консенсусный*, *суперсвободолюбие*, *евроскептик*, *евроскептический*, «*ширка*», «*раздраконить*» и др.

Корневой частью ряда слов, построенных таким способом, становится имя собственное политического деятеля:

балоган, «бушистский».

Любое изменение значения слова при сохранении звуковой оболочки известно как его семантизация. Концентрация смысла, а тем самым формальная экономия в ряде случаев обеспечивается семантическими трансформациями бытующих в языке слов. Стали употребляться в русском языке такие новые лексико-семантические варианты, как цветное обозначение политических событий: *«оранжевый сор», «помаранчево-коричневый» режим, оранжевая революция по-чешски, «померанцевые»,* при этом в ряде случаев используются кавычки, в других случаях текст не закавычен.

Значительное место на газетной полосе занимают заимствованные слова. С одной стороны, семантика заимствованных слов изменяется под влиянием представлений о мире, присущих русскому народу. С другой стороны, лексические заимствования могут изменять картину мира, закрепленную в данном языке, привнося в нее элементы иного мировидения. В русском языке современного периода действуют обе вышеупомянутые тенденции. Приведем некоторые примеры заимствований в газете «2000»: *фрилансерствовать, дресс-код, он-лайн издания, спидвеисты, спидвейный, спидвей-клуб* и многие другие.

Одним из важных факторов, способствующих заимствованию, является то, что иноязычное слово является более престижным, чем эквивалентное русское. Среди причин и условий заимствования иноязычных слов определенную роль играют общественные оценки «чужого» слова как более престижного по сравнению с соответствующим по значению «своим» русским: *презентация* – вместо русского представление, *эсклюзивный* – вместо исключительный, *консенсус* – вместо согласие [3, с. 119].

Таким переосмысленным значением является значение «новшество» у слова «новеллы» в следующем примере:

и на его новеллы по поводу «17 января», зачитанные накануне в Раде, никто особенно не реагировал.

С одной стороны, семантика заимствованных слов изменяется под влиянием представлений о мире, присущих русскому народу. С другой стороны, лексические заимствования могут изменять картину мира, закрепленную в данном языке, привнося в нее элементы иного мировидения. В русском языке современного периода действуют обе вышеупомянутые тенденции.

Интересной особенностью анализируемого нами номера газеты является отражение борьбы старого и нового лексического запаса, что выражается в переписке читателей с создателями газеты. Так, читательница пишет: *Это системный кризис, поскольку главным его признаком является очевидная неспособность системы адекватно реагировать на ту же ВОЛАТИЛЬНОСТЬ.*

Что такое волатильность? Нет такого слова в русском языке!

Далее следует ответ корреспондента, в котором толкуется искомое слово: *Волатильность – от англ. rate volatility – термин, обозначающий изменчивость, непостоянство курса валюты (в данном случае гривни) или цены на товар в определенный промежуток времени.*

Насыщенность газетного текста лексическими новообразованиями даже вызвала к жизни стихотворную реплику читателя:

*Морочить нас – прием не новый,
И те, что ныне «при дворе»,
Такое могут выдать слово,
Что не найдешь и в словаре,
Чтобы понять, что вы сказали,
Пишите проще – вас поймут,
И помните: не все кончали
Ваш журналистский институт!*

Подобная ситуация наблюдается и в другой статье, представляющей собой беседу корреспондента газеты с Генеральным прокурором Украины Александром Медведько. Интервью озаглавлено «Равноудаленный Медведько». Интервьюируемый говорит: «Но, как вы сказали, равноудаленный от...» – «...олигархических групп», – подсказывает корреспондент. «- *Вот же напридумывали слов! «олигархический!»*», – восклицает А. Медведько.

В других статьях номера дается пояснение заимствованных слов без требования адресата, например, в сносках даются следующие толкования: *дотком – ставшее нарицательным название компании, чья бизнес-модель целиком основывалась на работе в рамках сети Интернет. Наибольшее распространение получили в конце 90-х гг. XX в. После краха «доткомов», вызванного непродуманностью и неэффективностью их бизнес-моделей, слово «дотком» стало употребляться в пренебрежительном смысле как обозначение незрелой, непродуманной либо неэффективной концепции бизнеса.*

дефектор – калька с английского слова перебежчик¹.

В других случаях толкование нового слова включено в сам текст, например:

В изложенном материале термин «олигархи» употребляется в положительном смысле и в большей степени подразумевает «ответственный бизнес», а не ругательное содержание, употребляемое политиками.

Люди не готовы «канализироваться» – направлять свое недовольство действиями власти на поддержку политической силы, именующей себя оппозицией.

Честно говоря, не припомню случая, чтобы нашу власть так, извините за грубое выражение, «окунали»!

¹ На наш взгляд, слово дефектор не является калькой, а представляет собой запись слова в транслитерации.

Особым случаем заимствования и его толкования является информация о правительственном кризисе в Чехии, которая представлена следующим заголовком:

Чехия: Влада падла,

а далее следует перевод:

– *Правительство отправлено в отставку (чеш.).*

В данном случае наблюдается игра слов, связанная со случайным созвучием чешской и русской лексики.

Попадая в русский язык, заимствованное слово достаточно быстро попадает и в орбиту словообразовательных моделей. Так, например, заимствование *пиар* довольно быстро обросло производными, составляющими комплексное гнездо: *пиарщик, пиарить, пиариться, интернет-пиар*, и т.п.:

Нынешняя премьер-министр устроила турне по регионам, в которых БЮТ имел большинство в советах, и провела пиар-акцию по снижению коммунальных тарифов.

Сокращения являются наиболее продуктивным в последние десятилетия и регулярным способом образования морфологических неологизмов. Этот способ является наглядным примером, отражающим тенденцию к рационализации языка, к экономии языковых усилий. В лингвистической литературе выделяют четыре вида сокращений:

1) неологизмы-аббревиатуры. Чаще всего аббревиации подвергаются термины и обычно аббревиатуры употребляются чаще, чем сами термины: *СК* – *социальный капитал*, *ГО* – *гражданское общество*, «*Схемы зеленых инвестиций*» (*СЗИ*), *совместное внедрение (СВ)*. В последнее время все большее распространение получают аббревиатуры имени политического деятеля: *ЮВТ*, *Ющер*, *Янек*;

2) неологизмы – акронимы – *ПРиБЮТ*;

3) неологизмы-усечения, которые составляют самую большую группу (включая и акопы – усечения финальной части слова): *профи*, «*нацики*»;

4) слияния. Среди неологизмов последних десятилетий намечается тенденция к увеличению единиц этого типа. Среди них преобладают частичные слова-слитки, т.е. слова, в которых соединяются усеченный элемент одного слова и полная форма другого слова *информпоток*, *импортозамещение*, *псевдопримирение*, *медиаимперия*, *мужжи-евроинтеграторы* и т.п.

Основная масса слов-слитков привлекает внимание и оказывает определенный эффект на читающего в силу своей свежести и неожиданности.

Сворачивается бушизм, а Барак Обама так по-социалистически набросился на оформляющее себе гигантские откаты топ-менеджеров, что впору и Чавесу поплодировать американскому лидеру.

Положительно характеризуя различные типы сложносокращенных слов, следует тем не менее заметить, что аббревиатуры создают определенные помехи в процессе коммуникации. «Аббревиатура подобна айсбергу. Видимая часть айсберга – буквы, слоги или части слов, по которым, используя свой речевой опыт и специальную осведомленность, можно разгадать все содержание знака» [1, с. 86].

Только в недрах ГО политический бомонд превращается в политический истеблишмент, а олигархи – в бизнес-элиту.

Необходимо отметить, что при заимствовании сложного или каким-либо образом сложносокращенного слова неологизм в большинстве случаев сохраняет его структуру. Большинство этимологически сложных слов сохраняет свою структуру в языке-реципиенте, то есть относится к разряду композитов. Приведем несколько примеров: *скафандр-манипулятор*, *неолиберальные элиты*, *гастарбайтер* и т.п.

В современном языке достаточно четко прослеживается тенденция к расширению использования трансформированных фразеологизмов как в устной,

так и в письменной речи. Без знания фразеологии невозможно оценить яркость и выразительность речи, понять шутку, а иногда и смысл высказывания. Большинство фразеологизмов являются не только назывательными единицами, но служат также средством для передачи дополнительных ассоциаций и эмоций. В связи с демократизацией языка наблюдается пополнение фразеологического фонда вследствие перехода фамильярных, просторечных и арготических фразеологизмов в общеупотребительный язык.

В следующем примере обыгрывается значение устойчивого словосочетания *ветер перемен* и прецедентной песенной строчки «Враги сожгли родную хату...»:

...сквозняки перемен...Нет, не ветер, а именно сквозняки, потому что дуют они с разных сторон, стелются по полу, гуляют по нашей дырявой хате, которую разве что еще не сожгли....

В следующих примерах также наблюдается замещение одного из компонентов устойчивого оборота с целью создания сатирического эффекта:

шило VS мыло (ср. шило на мыло); *святая к ПРИБЫЛИ*

любовь (ср. святая к музыке любовь);

сеять в Интернете рекламные сообщения (ср. сеять разумное, доброе, вечное);

Киев – Токио – Киев: нРолет нормальный! (ср. полет нормальный).

Еще одной особенностью вокабуляра данного номера газеты является широкое внедрение в текст иноязычных слов (в том числе украинских) в той форме, в которой они существует в языке-источнике:

UK Millenium Development (благотворительная организация, специализирующаяся на борьбе с глобальной нищетой).

К сожалению, вследствие массивной атаки, «оббріхування» президента подавляющим большинством СМІ украинское общество не поняло всего того, что он делает.

Ряд имен, имеющих варианты в написании в русскоязычном тексте, дается с пояснением:

Мэ́йя Jose Daniel Mejía – Хосе Даниэль Мехи́йя. В украинской печати это имя давалось в разных вариантах.

Говоря о более объемных новообразованиях, отметим случаи использования голофразиса, т.е. разновидности сращения, при которой слово создается на базе любого целого предложения или части сложного, например:

А это значит, что апелляции к праву или к логике-о-том-чем-по-идеедолжна-быть-декларация-о-суверенитете в этом деле бесполезны...

Можно также привести пример эмансипации морфемы, когда морфема употребляется как самостоятельное слово:

Если власть получит мстительная и злопамятная Юля, его место будет «возле».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что газетный номер насыщен (чтобы не сказать перенасыщен) неологическими построениями практически всех существующих видов, что позволяет назвать его зеркалом системы неологизации современного русского языка. Перспективу данного исследования мы видим в сопоставлении лексического наполнения отдельных номеров разных газет с целью установления дифференциальных и интегральных признаков современного процесса неологизации.

Библиографические ссылки:

1. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. Пособие для студентов и учителей. – М.: Просвещение, 1973. – 224 с.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М., 2001.
3. Кудрявцева Л.А., Дорофеева Е.Н. Оказиональное словопроизводство в современных масс-медийных текстах // Лексико-грамматические инновации в современных восточнославянских языках // Дн-ск, 2003. – С. 19–23.
4. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте в современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — М., 2000. — С.142–161.

3.6. О МОДЕЛИРОВАНИИ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА (И О РОЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В НЁМ) (Л.А. Стребуль).

Научить учиться, создать устойчивую потребность и готовность к постоянному пополнению и обновлению знаний – главное предназначение преподавателя, требующее тщательной подготовки к занятию. Это есть та предварительная черновая работа, от придуманности и подготовленности которой зависит искусство преподавания и конкретный результат.

Перепробовать несколько методов и выбрать свой, самый оптимальный, пересмотреть несколько учебников и не держаться ни одного неукоснительно – один из единственно возможных путей живого, творческого, креативного преподавания.

Преобразовать существующие методы обучения в свои методы приспособления их к конкретной ситуации в конкретной студенческой группе. Создать педагогику сотворчества, креатива – это конечный результат поиска и выбора оптимальных способов подачи программного научного материала. Главным в реализации этих вопросов является, на наш взгляд, постоянная актуализация интереса к языку, создание такого психологического микроклимата сотворчества, который поддерживал бы мотивационную направленность, заряжая творческой энергией и снимал напряжение.

Бесспорно, педагогика общения всегда присутствует в обучении, поскольку основана на взаимной заинтересованности и уважении и предусматривает обязательное изменение взаимоотношений «преподаватель-студент» в сотворческие, и тогда учебный процесс получает дополнительный импульс к интеллектуальной деятельности.

В творчестве преподавателя нет мелочей, все вынашивается, формируется, строится, буквально рождается в неприменном единстве вдохновения и расчета.

Можно выделить следующие этапы подготовки преподавателя к занятию:

а) творческий замысел; б) разработка конкретного занятия; в) его ход. Замысел занятия можно представить таким алгоритмом:

- формирование темы согласно установочной государственной;
- характеристика конкретной группы студентов; каждого студента индивидуально;
- определение механизма взаимодействия психологии всей группы и каждой отдельной личности.

Замысел урока диктует и конкретную учебно-развивающую цель и воспитательную перспективу и определяет выбор методических приемов вовлечения в активную работу студентов.

Таким образом, замысел состоит из следующих элементов:

- а) осмысливание учебного материала, установленного государственной программой;
- б) соотношение запланированного учебного материала с современностью, с научным уровнем развития студентов;
- в) соотношение этого учебного материала с собственным внутренним состоянием;
- г) соотношение предлагаемой темы с предыдущим учебным материалом;
- д) соотношение учебного материала с психологическим состоянием конкретной студенческой группы, отдельных его личностей и преподавателя.

Ведущий метод – проблемное обучение, которое соответствует целям и задачам обучения, которое формирует навыки творческого мышления, научного поиска, умение самостоятельно добывать знания.

При этом важно поставить студента в позицию не объекта, а субъекта обучения, активно мыслящего и умеющего самостоятельно решать поставленные учебные задачи. Создание проблемной ситуации дает возможность использовать исследовательский способ в изложении программного материала и активное его изучение.

Данный метод может сочетаться с объяснительно-иллюстративным и многими другими, следует только тщательно продумать и подобрать оптимальные методические приёмы.

При выборе методических приемов неоспоримо стремление отказаться от устаревших приёмов и овладеть наиболее эффективными современными, которые побуждают студентов к активной, самостоятельной и познавательной деятельности.

Несомненно, каждое занятие – это педагогическое произведение, где преподаватель – это творец, а не исполнитель чьей-то указки, поэтому присутствует педагогическая логика, педагогическая целесообразность принципов, психологическая необходимость, т.е. от научной обоснованности построения занятий и правильности выбора методических приёмов преподаватель ориентируется научностью.

В практике возникает алгоритм:

- а) что необходимо основательно запомнить;
- б) что использовать только для иллюстрации;
- в) что из ранее изученного надо повторить;
- г) что из повторенного надо закрепить.

Нельзя провести полноценное занятие, не представляя психологии обучения, закономерностей учебно-познавательной деятельности студентов данной группы, их уровня знаний, умений.

Чтобы повысить результативность обучения в конкретной группе, разрабатываются индивидуальные дифференцированные задания.

Таким образом, выбор методических приёмов как центр подготовки занятия слагается из проникновения предмета в психологию учебноподготовительной деятельности студентов как субъекта процесса обучения и в психологию планирования деятельности самого преподавателя как организатора этого процесса, руководствующегося дидактическими принципами.

Следовательно: замысел урока разрабатывается соответственно таким факторам:

- а) изучаемому материалу;
- б) дидактическим целям;
- в) психологии обучения и познавательным возможностям студентов;
- г) творческим возможностям учителя;
- д) искусству педагогического перевоплощения.

Можно сделать вывод: разработка замысла занятий не только выбор методических приемов и расположение их в определенной последовательности, но и конструирование плана и хода занятий, подготовка словоизложения преподавателя.

Словоизложение тщательно подготовленного учебного материала требует внутренней логики и обусловленности, правильного соотношения целого и его частей и представляет собой одну из граней педагогического мастерства.

Должна быть подготовка: а) того, что будет сказано, б) как должно сказать; в) в каком темпе, лексике. В этих казалось бы второстепенных факторах заключается истинный путь для передачи знаний.

Таким образом, содержательность и последовательность, логичность и причинно-следственная связь в изложении учебного материала, точность и четкость в выделении главного, убедительность и неременная эмоциональность составляют обязательные условия в процессе подготовки занятий.

Попытаемся списать те педагогические действия преподавателя, которые определяют учебно-воспитательную и развивающую деятельность студентов.

Прежде всего, составление плана занятий.

План – это письменное изложение основных этапов занятия: наименование темы точно по учебной программе, постановка целей занятия (чего следует достичь, приобретение знаний, навыков в развитии и воспитании) перечень всех этапов уроков с дозировкой времени, описание хода урока через раскрытие каждого этапа.

Для составления плана или конспекта занятий составляется алгоритм рациональных умственных операций, предполагающих последовательность и оптимальность подготовки:

1. Изучить раздел учебной программы и темы, которую следует изучить.
2. Выбрать учебное пособие и изучить тему, вопросы.
3. Сформулировать замысел урока и постановку целей.
4. Выбрать оптимальные методические приёмы и способы.
5. Проанализировать психико-педагогические особенности конкретной группы.
6. Смоделировать свои действия на данном занятии, продумать его структуру.
7. Составить подробный план или конспект занятия.
8. Подготовить наглядные учебные пособия, проверить исправность ТСО.
9. Повторить про себя основные моменты плана.
10. Еще раз проверить общую готовность к занятию.

При этом надо учесть: а) виды опроса; б) педагогику оценки ответов студентов; в) выбор методических приёмов закрепления изученного, разнообразие его форм.

Такая научно полноценная, дидактически обоснованная тезисная подготовка к обучению даёт уверенность преподавателю, а его увлечённость и

вдохновение несомненно вызовут взаимный интерес, удовлетворение и радость познания.

Библиографические ссылки:

1. Бабанский Ю.К. «Как оптимизировать процесс обучения». – М., 1999. – С. 265.
2. Бердичевский А.Л. Оптимизация системы обучения иностранному языку. – М.: Высшая школа. 1989. – 103 с.
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови. – Київ, 2003. – С. 303.
4. Колшанский Г.В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения // Иностранный язык в школе. – 1983. – № 1. – С. 16 – 28.

3.7. К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ И СЛОЖНОСТЯХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЕРБАЛЬНОГО ЗНАКА (А.В. Ходоренко). Настоящей целью мы ставим описать некоторые способы интерпретации языковых единиц и трудности перевода, возникающие в этом процессе. Проблемами перевода занимались многие лингвисты [1-7, 13, 16-23]. Б. Рассел отмечал: «Невозможно понять, что означает слово «сыр», если не обладать нелингвистическим знакомством с сыром» [23].

«Представитель культуры, кулинария которой не знает сыра, поймет английское слово cheese (сыр) только в том случае, если он знает, что на этом языке слово cheese обозначает «продукт питания, сделанный из свернувшегося молока», при условии, что он, хотя бы чисто лингвистически, знаком с понятием «свернувшееся молоко» [13].

Значение слов «сыр», «яблоко», «нектар», «знакомство», «но», «просто» и вообще любого слова и любой фразы является несомненно лингвистическим или, если выразиться более точно и обобщенно, – семиотическим фактом», – пишет Р.Якобсон [13].

Мы, вслед за предшествующими работами [11, 13, 14, 26] различаем три способа интерпретации вербального знака: он может быть переведен в другие

знаки того же языка, на другой язык, или же в другую, невербальную систему символов. Этим трем видам перевода можно дать следующие названия:

1. Внутриязыковой перевод, или переименование – интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка.

2. Межъязыковой перевод, или собственно перевод, – интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо другого языка.

3. Межсемиотический перевод, или трансмутация, – интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем.

При внутриязыковом переводе слова используется либо другое слово, более или менее синонимичное первому, либо парафраза. Однако синонимы, как правило, не обладают полной эквивалентностью, например: *Every celibate is a bachelor, but not every bachelor is a celibate* (Каждый, давший обет безбрачия, – холостяк, но не каждый холостяк – это человек, давший обет безбрачия) [13].

Слово или фразеологический оборот (иначе говоря: единица кода более высокого уровня) можно полностью интерпретировать только через эквивалентную комбинацию кодовых единиц, то есть через сообщение, относящееся к этой единице. *Every bachelor is an unmarried man, and every unmarried man is a bachelor* (Каждый холостяк – это неженатый человек, и каждый неженатый – холостяк) или: *Every celibate is bound not to marry, and everyone who is bound not to marry is a celibate* (Каждый, кто дает обет безбрачия, обязуется не жениться, и каждый, кто обязуется не жениться, есть человек, давший обет безбрачия).

Точно так же на уровне межъязыкового перевода обычно нет полной эквивалентности между единицами кода, но сообщения, в которых они используются, могут служить адекватными интерпретациями иностранных кодовых единиц или целых сообщений. Английское слово *cheese* не полностью соответствует своему обычному гетерониму «сыр», потому что его разновидность – *cottage cheese* (творог) на русском языке не обозначает «сыр».

По-русски можно сказать: «Принеси сыру и творогу» – Bring cheese and [sic!] cottage cheese. На литературном русском языке продукт, сделанный из спрессованного, свернувшегося молока называется «сыром» только тогда, когда для его производства используется особый фермент.

Однако чаще всего при переводе с одного языка на другой происходит не подстановка одних кодовых единиц вместо других, а замена одного целого сообщения другим. Такой перевод представляет собой косвенную речь; переводчик перекодирует и передает сообщение, полученное им из какого-то источника. Таким образом, в переводе участвуют два эквивалентных сообщения, в двух различных кодах.

Эквивалентность при существовании различия – это кардинальная проблема языка и центральная проблема лингвистики. Как и любой получатель вербального сообщения, лингвист является его интерпретатором.

Широко распространенная практика межъязыковой коммуникации, в частности переводческая деятельность, должна постоянно находиться под пристальным наблюдением лингвистической науки.

Точно так же необходимы двуязычные грамматики, в которых указывалось бы, что объединяет и что различает эту пару языков в выборе и разграничении грамматических категорий. «Господин обыватель, доморощенный логик», так живо нарисованный Б.Л. Уорфом, по-видимому, должен был прийти к следующему выводу: «Факты по-разному выглядят в глазах носителей разных языков, которые дают им различное языковое выражение» [цит. по 13].

Способность говорить на каком-то языке подразумевает способность говорить об этом языке. Такая «металингвистическая» процедура позволяет пересматривать и заново описывать используемую языком лексику. Взаимодополнительность этих уровней – языка – объекта и метаязыка – впервые отметил Нильс Бор: все хорошо описанные экспериментальные факты

выражаются посредством обычного языка, «в котором практическое употребление каждого слова находится в комплементарном отношении к попыткам дать ему точную дефиницию» [цит. по 13].

Весь познавательный опыт и его классификацию можно выразить на любом существующем языке. Там, где отсутствует понятие или слово, можно разнообразить и обогащать терминологию путем слов-заимствований, калек, неологизмов, семантических сдвигов и, наконец, с помощью парафраз.

Даже кажущиеся противоречивыми парафразы типа *electrical horse-street car* (электрическая конка, первоначальное русское название трамвая) или *flying steamship* (летающий пароход) – *jena paragot* (коряжское название самолета) означают просто электрический аналог конки, летающий аналог парохода и не мешают коммуникации, точно так же, как не возникает никаких препятствий и неудобств при восприятии двойного оксюморона – *cold beef-and-pork hot dog* – «бутерброд с холодной сосиской» (букв.: «холодная горячая собака из говядины со свиной»).

Отсутствие в языке перевода какого-либо грамматического явления отнюдь не означает невозможности точной передачи всей понятийной информации, содержащейся в оригинале.

Если в данном языке отсутствует какая-либо грамматическая категория, ее значение может быть передано на этот язык лексическим путем. Форма двойственного числа, как, например, старорусское «брата» переводится с помощью числительного: *two brothers* (два брата). Труднее точно следовать оригиналу, когда мы переводим на язык, в котором есть грамматическая категория, отсутствующая в языке оригинала. Когда мы переводим английское предложение *she has brothers* на язык, в котором различаются формы двойственного и множественного числа, мы вынуждены либо самостоятельно делать выбор между двумя утверждениями «у нее два брата» и «у нее больше двух братьев», или предоставить решение слушателю и сказать: «у нее или два

брата, или больше». Точно так же, переводя на английский с языка, в котором отсутствует грамматическая категория числа, необходимо выбрать один из двух возможных вариантов: brother (брат) или brothers (братья), или поставить получателя этого сообщения в ситуацию выбора: She has either one or more than one brother (У нее есть или один брат, или больше чем один).

По точному замечанию Боаса, грамматическая структура (pattern) языка (в противоположность лексическому фонду) определяет те аспекты опыта, которые обязательно выражаются в данном языке: «Мы обязаны сделать выбор, и нам приходится выбирать тот или иной аспект» [цит. по 13].

Чтобы точно перевести английскую фразу I hired a worker на русский язык, необходима дополнительная информация – завершено или не завершено действие, женского или мужского пола был worker, потому что переводчику необходимо делать выбор между глаголами совершенного и несовершенного вида («нанял» или «нанимал»), а также между существительными мужского и женского рода («работника» или «работницу»).

Поскольку информация, которой требуют английская и русская грамматические структуры, неодинакова, мы имеем два совершенно разных набора ситуаций с возможностью того или иного выбора; поэтому цепочка переводов одного и того же изолированного предложения с английского языка на русский и обратно может привести к полному искажению исходного смысла. Но чем полнее комплекс сообщения, тем меньше потеря информации. Языки различаются между собой главным образом в том, что в них не может не быть выражено, а не в том, что в них может быть выражено [13].

В своей когнитивной функции язык минимально зависит от грамматической системы языка, потому что определение нашего опыта находится в комплементарном отношении к металингвистическим операциям; когнитивный уровень языка не только допускает, но и прямо требует перекодирующей интерпретации, то есть перевода. Предполагать, что

когнитивный материал невозможно выразить и невозможно перевести – значит впадать в противоречие.

Грамматический род, который часто приводят как пример формальной категории, играет большую роль в мифологической стороне деятельности речевого коллектива.

В русском языке принадлежность к женскому роду выражается грамматическим женским родом, принадлежность к мужскому роду – мужским родом. Персонификация и метафоризация неодушевленных предметов определяются их принадлежностью к грамматическому роду. Опыт, проведенный в Московском психологическом институте (1915), показал, что носители русского языка, которых просили провести персонификацию дней недели, представляли понедельник, вторник, четверг как лиц мужского пола, а среду, пятницу, субботу – как лиц женского пола, не отдавая себе отчета в том, что такой выбор был обусловлен принадлежностью первых трех названий к грамматическому мужскому роду, а трех вторых – к женскому [цит. по 13] .

Известная русская примета о том, что упавший нож предвещает появление мужчины, а упавшая вилка – появление женщины, определяется принадлежностью слова «нож» к мужскому, а слова «вилка» – к женскому роду. В славянских и других языках, где слово «день» мужского рода, а «ночь» женского, поэты описывают день как возлюбленного ночи. Русского художника Репина удивило то, что немецкие художники изображают грех в виде женщины; он не подумал о том, что слово «грех» в немецком языке – женского рода (die Sünde), тогда как в русском – мужского. Точно так же русскому ребенку, читающему немецкие сказки в переводе, было удивительно, что «смерть» (слово, имеющее в русском языке женский грамматический род), было изображено в виде старика (нем. der Tod – мужского рода).

Переводческая проблема передачи символики, связанной с выражением грамматического рода, при когнитивной нерелевантности этой проблемы,

оказалась основной темой самого раннего оригинального славянского текста – предисловия к первому переводу Евангелия, сделанному в начале 860-х годов основателем славянской литературы и церковной обрядности Константином Философом. Недавно текст был восстановлен и прокомментирован А. Вайаном [28]. «Греческий не всегда можно передать при переводе на другой язык идентичными средствами, и на разные языки он передается по-разному, – пишет этот славянский проповедник, – греческие существительные мужского рода, такие как *potamos* (река) и *aster* (звезда) в каком-нибудь другом языке могут иметь женский род, например, «река», «звезда» – в славянском» [цит. по 13].

Согласно комментарию Вайана, из-за этого расхождения в славянском переводе Евангелия от Матфея в двух стихах стирается символика отождествления рек с демонами, а звезд – с ангелами. Но этому поэтическому препятствию Святой Константин решительно противопоставляет учение Дионисия Ареопагита, который призывал главное внимание уделять когнитивным ценностям (силе разуму), а не словам самим по себе.

В поэзии вербальные уравнения стали конструктивным принципом построения текста. Синтаксические и морфологические категории, корни, аффиксы, фонемы и их компоненты (различительные признаки) – короче, любые элементы вербального кода – противопоставляются, сопоставляются, помещаются рядом по принципу сходства или контраста и имеют свое собственное автономное значение. Фонетическое сходство воспринимается как какая-то семантическая связь. В поэтическом искусстве царит каламбур или, выражаясь более ученым языком и, возможно, более точным, парономазия, и независимо от того, беспредельна эта власть или ограничена, поэзия по определению является непереводимой. Возможна только творческая транспозиция, либо внутриязыковая – из одной поэтической формы в другую, либо межъязыковая – с одного языка на другой, и, наконец, межсемиотическая

транспозиция – из одной системы знаков в другую, например, из вербального искусства – в музыку, танец, кино, живопись [13].

Если бы перевести традиционное итальянское изречение *traduttore traditore* как «переводчик – предатель», мы лишили бы итальянскую рифмованную эпиграмму всей ее паронимастической ценности. Поэтому когнитивный подход, как пишет Р. Якобсон, к этой фразе заставил бы превратить этот афоризм в более развернутое высказывание и ответить на вопросы: «переводчик каких сообщений?», «предатель каких ценностей?»

Таким образом, при переводе сути вербального знака с одного языка на другой необходимо учитывать комплекс знаний, наиболее подходящий в каждой отдельно взятой ситуации перевода, привлекая как лингвистический, так и когнитивный подход.

Библиографические ссылки:

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – Москва: Художественная литература, 1975, – 256 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1979, 304 с.
3. Бахтин М.М. К философии поступка. Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. Москва: Наука, 1986. – С. 80-160.
4. Витгенштейн Л. Философские работы 1. – Москва: Гнозис, 1994. – 289 с.
5. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. – 276 с.
6. Кашкин В.Б. Мифологема контекстуального детерминизма // Витлин Ж.Л. (ред.) Роль и место грамматики в обучении иностранным языкам. – Санкт-Петербург: ИОВ РАО, 1998. – 461 с.
7. Киклевич А.К. Язык-личность-диалог. Диалог. Карнавал. Хронотоп 1, 1993. – С. 9-19.
8. Лосев А.Ф. Миф, число, сущность. – Москва: Мысль, 1994. – 390 с.
9. Ляхтеэнмяки М. Диалогизм и проблема значения: предварительные наблюдения. *Studia Slavica Finlandensia* 12, 1995. – С.77-84.
10. Махлин В.Л. Философская программа М.М. Бахтина и смена парадигмы в гуманитарном познании. Автореф. дисс. ... доктора филос. наук. – Москва, 1997. – 27 с.
11. Медведев В.И. Проблема контекста у М.М. Бахтина и в западной философии языка. Бахтин и философская культура XX века 1. – Санкт-Петербург: Образование, 1991. С. 118-127.
12. Современная философия науки / А.А.Печенкин (сост.). Хрестоматия. Москва: Логос, 1996. – 404 с.
13. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 16-24.

14. Chesterman A. Translating between Aristotle and Postmodernism // Translation, Acquisition, Use / A.Mauranen & T. Puurtinen (eds.). AFinLA Yearbook 1997. Jyväskylä: AFinLA, 51-60.
15. Dufva H. & M. Lähteenmäki. What People Know about Language: A Dialogical View. Zeitschrift für Fremdsprachenforschung, 1996, 7 (2), Pp.121-136.
16. Gombert J. E. Metalinguistic Development. New York: Harvester Wheatsheaf, 1992. – 386 p.
17. Grotjahn R. The Research Programme Subjective Theories: A New Approach in Second Language Research. Studies in Second Language Acquisition, 1991, 13, Pp. 187-214.
18. Harris R. The Language Makers. London: Gerald Duckworth, 1980. – 386 p.
19. Consciousness, Cognitive Schemata, and Relativism / M.Kamppinen (ed.)Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1993. – 186 p.
20. Linell P. The Impact of Literacy on the Conception of Language: The Case of Linguistics // The Written World / R. Säljö (ed.). Berlin: Springer-Verlag, 1988. – Pp. 41-58.
21. Lähteenmäki M.. Consciousness as a Social and Dialogical Phenomenon. Finlance XIV, 1994. – Pp. 1-21.
22. Morson G.S. & C. Emerson. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford: Stanford University Press, 1990. – 316 p.
23. Rassel B. Logical Positivism, "Revue Internationale de Philosophie", IV (1950), 18; cf. p. 3.
24. Rommetveit R. On Literacy and the Myth of Literal Meaning // In The Written World / R. Säljö (ed.). Berlin: Springer-Verlag, 1988. Pp. 13-40.
25. Rommetveit R.. Outlines of a Dialogically Based Social-Cognitive Approach to Human Cognition and Communication // The Dialogical Alternative: Towards a Theory of Language and Communication / A.H.Wold (ed.) Oslo: Scandinavian University Press, 1992. – Pp. 19-44.
26. Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton: Princeton University Press, 1979. – 136 p.
27. Saussure F. de. Course in General Linguistics. London: Duckworth, 1990.
28. VaillantA. La Preface de l'Evangeliare vieux-slave. "Revue des Etudes Slaves", XXIV (1948), 5 f.

РОЗДІЛ IV

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ПЕРЕКЛАДОЗНАВСТВА ОЧИМА

СТУДЕНТІВ

4.1. ДО ПИТАННЯ ПРО ПЕРЕКЛАД ВЛАСНИХ НАЗВ У СУЧАСНІЙ ХУДОЖНІЙ ЛІТЕРАТУРІ (В. Бодрова).

Переклад власних назв у художній літературі – це досить нелегке для перекладача завдання. Оскільки такі власні назви, на відміну від імен реальних осіб, мають додаткове значення і головна задача перекладача – передати не

тільки звуковий склад імені, а і його внутрішнє значення. Переклад власних імен розглянемо на прикладі твору сучасного письменника-постмодерніста Оксани Забужко, «Дівчатка» [1] («Girls» [2], переклад Аскольда Мельничука).

Уже на першій сторінці твору, де викладено детальний опис однієї з головних героїнь, зустрічаємо «перекладацьку складність». Авторка описує Олену так: «...шия настороженого оленяти (оленя – від Олена: казати Лена, Ленка чи Леночка, як казали всі, Дарці не повертався язик: Лена – це Ленкапенка, й нічого більше, а ці заломы й кути, ці лінії, що тягнуться надсадно, от-от увірвуться, – це щось зовсім, зовсім іншого...».

У перекладі маємо наступний варіант: «...neck of a wary fawn (Fee, Fi, Fo, Fawn chanted the other girls, but Darka couldn't bring herself to say it: the fawn was simply Effie and none other, because these slopes and angles, lines pushed to the breaking point, suggested something else entirely...». Далі маємо такі варіації імені Олена та відповідні їхні переклади:

«Ленця, Леник-Оленятко» – «Ah, Effie the fawn»;

«Ленця- не-Ленця» – «Effie or non-Effie»; «Ленце-оленятко»

– «Fawn-Effie-Faron».

Одразу слід зазначити, що даний переклад був узгоджений із Оксаною Забужко, оскільки у перекладі зазначено: «By arrangement with the author. Translation copyright © 2005 by Askold Melnyzcuk. All rights reserved». Однак у перекладі українське ім'я однієї з головних героїнь повністю замінене на англomовний варіант слова «оленятко», що вважаємо певним чином недоречним. Звичайно, з одного боку, різноманітні форми одного імені («Ленка», «Леночка», «Олена», «Ленка-пенка», «Ленце-оленятко» відповідно у перекладі «Fee», «Fi», «Fo», «Fawn», «Effie», «Fawn-Effie-Faron») англійською мовою передані, збережений яскравий колорит, ім'я привертає до себе увагу, воно є зрозумілим англomовному читачеві, однак, з іншого боку, українське звучання імені загублене, тим паче, що дана авторська трактовка імені є лише натяком,

пересічному українцеві дана асоціація незрозуміла. Отже, у даному випадку перекладачеві треба було обирати між передачею внутрішньої (побуквенної) та зовнішньої (значеннєвої) форм імені. Аскольд Мельничук обрав перший варіант. Слідуючи другому варіантові, слід було б зробити, відповідно, переклад наступним чином: Olena, Lena, Lienka, Lienochka, Lienapiena, Lientse – the – fawn, супроводжуючи його подібним коментарем: «in Ukrainian the name «Olena» has the same root as the noun «deer, fawn», thus all the other forms of the name in Ukrainian reflect this resemblance as well». Однак такий варіант перекладу був би не настільки яскравим та влучним. У даному випадку вважаємо обидва варіанти прийнятними.

У розповіді «Дівчатка» Оксани Забужко зустрічаємо наступні власні назви (із перекладом Аскольда Мельничука):

Римочка Браверман – Rivka Braverman;

Волга – Volga;

Треблінка – Treblinka;

Микільсько-Ботанічній – Mykilsko-Botanical Street;

«Інтурист» – Intourist Hotel (where all foreigners stayed);

Ахматова й Мандельштам – Akhmatova and Mandelstam;

Брак, Модільяні – Braque, Modigliani;

Міша Хазін і Маринкаю Вайсберг – Misha Khazin and Marina

Weissberg;

Крайчин, Артемчук, Скальковська, Сашко Бегеря, Солтист – Kraichyn, Artemchuk, Skalkovska, Sashko Begerya, Soltyst;

Вовка Лясота – Vovka Lasota;

Країна Спадаючих Колготок – Land of the Falling Panty Hose;

«Підстрижена a-la Chekhov борідка» – Chekhovian beard.

Розглянемо кожну із них. На нашу думку, перше ім'я (Римочка) мало б перекладатися як «Rymochka», а не як «Rivka». Перекладачем не передано

зменшено-пестливий суфікс «очк» англійською мовою і, взагалі, змінено корінь імені. Таке рішення вважаємо безпідставним. Прізвище «Braverman» перекладено згідно із міжнародною українсько-англійською транслітераційною таблицею.

Наступні чотири назви стосуються відповідно назви російської річки (Волга), польського концентраційного табору (Треблінка), київської вулиці (Микільсько-Ботанічна) та українського готелю («Інтурист»). При передачі назви річки англійською мовою перекладач обмежився транслітерацією. Освічений англомовний читач напевно знає про існування такої річки, однак правильнішим вважаємо у даному випадку переклад *the river Volga*. Подальша власна назва позначає польський концентраційний табір Треблінка. Перекладач знову зводить переклад до транслітерації, сподіваючись на ерудованість читача. Можливим варіантом є також переклад із використанням супровідних пояснювальних слів «концтабір», «винищувальний табір» або «концентраційний табір». У цих двох випадках вважаємо обидва варіанти перекладу правильними. При перекладі назви київської вулиці додавання слова «Street» англійською мовою, на нашу думку, є обов'язковим, оскільки дана вулиця наврядчи відома носіям англійської мови. Те ж саме стосується і назви готелю «Інтурист»: Аскольд Мельничук використав переклад разом із коментарем «*Intourist Hotel (where all foreigners stayed)*», тим самим зберігши зовнішнє значення власної назви.

Далі маємо ряд імен людей – представників різних країн світу: росіян А. Ахматову та Й. Мандельштама, італійця А. Модільяні та француза Ж. Брака. Перекладаючи їхні імена, Аскольд Мельничук використовує міжнародні варіанти написання замість транслітерації (наприклад, *Mandelstam* замість *Malndelsham*, *Braque* замість *Brak*, *Modigliani* замість *Modiliani*). Таке рішення є цілком виправданим, оскільки за правилами перекладу власних назв, українські імена, так само як й імена іншими мовами світу, повинні перекладатися в українській (або відповідно французькій, італійській тощо), а не будь-якій іншій мовній

формі. Відповідно за цим правилом перекладено також і типове німецьке прізвище «Вайсберг» – Weissberg замість Waisberg.

Подальші власні назви – імена героїв оповідання: Міша Хазін (Misha Khazin), Маринкаю (Marina), Крайчин (Kraichyn), Артемчук (Artemchuk), Скальковська (Skalkovska), Сашко Бегеря (Sashko Begerya), Солтист (Soltyst), Вовка Лясота (Vovka Lasota). Згідно із правилами міжнародної українськоанглійської транслітераційної таблиці можна було б ввести наступні виправлення: Бегеря – Begeria, Лясота – Liasota, оскільки літера «я» не на початку слова або складу передається буквосполученням «ia». Не зовсім коректно перекладено ім'я «Маринка» – «Marina». Імена українців передаються на основі їхньої української графічної системи, імена росіян – на основі їхньої російської графічної форми. Етнічні росіяни, які бажають, щоб їхні імена передавалися на основі російської графічної форми, мають на це право, однак даний текст стосується українки Маринки, отже, правильний варіант перекладу буде саме «Marynka».

Розглянувши переклад власних назв на прикладі «Дівчат» О. Забужко, можемо зробити висновок, що перекладачі використовують декілька способів перекладу власних назв:

- 1) транслітерація (Міша Хазін – Misha Khazin);
- 2) транслітерація з коментуванням «значення» власної назви (“Інтурист” – Intourist Hotel where all foreigners stayed);
- 3) заміна імені у перекладі (Ленця- не-Ленця – Effie or non-Effie).

Бібліографічні посилання:

1. Оксана Забужко. Дівчата // <http://zabuzhko.com/ua/prose/index.html> .
2. Oksana Zabuzhko. Girls // <http://www.wordswithoutborders.org/article.php?lab=Girls>.

4.2. АНГЛІЙСЬКА ПЕЙОРАТИВНА ОЦІННА ЛЕКСИКА ТА ІЇ ПЕРЕКЛАД УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ (Д. Бурко). В даному розділі роботи ми розглядатимемо основні види перетворень (перекладацьких трансформацій) і намагатимемось визначити їхні співвідношення при перекладі пейоративної

оцінної лексики в політичному дискурсі, присвяченому американським та радянським міжнародним відносинам часів «холодної війни» та після неї, тобто в сучасний період. Принцип нашого добору полягав у виокремленні саме тих слів, словосполучень та речень, які містили негативне забарвлення та які були використані політиками з метою поширення певної ідеології, пропаганди та з метою критики свого політичного супротивника.

До основних видів лексичних трансформацій належать такі перекладацькі прийоми: перекладацьке транскрибування і транслітерація, калькування та лексико-семантичні заміни (конкретизація, генералізація, модуляція). Проілюструємо деякі з них.

1. Калькування

- *weapons of mass destruction* – зброя масового знищення;
- *destructive weapons* – знищуюча зброя;
- *poverty and oppression* – бідність і утиски;
- *the danger of a new, horrible world war* – небезпека нової, жахливої світової війни;
- *the violent expression of global extremist ideology* – насильницький вияв глобальної екстремістської ідеології.

2. Конкретизація

- *...notwithstanding the wishes of ...* – ігноруючи волевиявлення ...

Тут слово з більш конкретним значенням в українській мові «ігноруючи» замінює дієприкметник теперішнього часу ‘notwithstanding’ з більш широким значенням в англійській мові: «не зважаючи на, всупереч» (або прислівника «тим не менш, все ж таки», або сполучника «хоча»);

- *The Soviet economy was already faltering.* – Радянська командна економіка вже давала збої.

В англійській мові дієслово ‘to falter’ має наступні значення: «спотикатися», «йти нерівною ногою», «шкандибати». Тому український

еквівалент «вже давала збої» є більш конкретним і уточнюючим, більш пристосованим до сфери економіки.

3. Генералізація

Генералізацією називається заміна одиниці МО, що має більш вузьке значення, на одиницю МП з більш широким значенням, тобто перетворення, зворотне конкретизації. Утворювана відповідність виражає родові поняття, до складу якого входить вихідне видове. Examples:

1. ...*threatened to shift the competition to the mastery of new technologies, an arena in which the Soviet Union – a closed society was not well-suited to compete.*

... загрожував перенести суперництво в сферу нових технологій, де Радянський Союз – закрите суспільство – не був готовий конкурувати. *to the mastery of new technologies* – в сферу нових технологій *was not well-suited to compete* – не був готовий конкурувати

2. *There is Africa with its millions of victims in horrible civil wars, which the international community failed to prevent.* Існує Африка з її мільйонами жертв жахливих громадянських війн, яким міжнародна спільнота не спромоглася запобігти.

failed to prevent- не спромоглася запобігти.

4. Модуляція або смисловий розвиток

Модуляцією або смисловим розвитком називається заміна слова або словосполучення МО на одиницю МП, значення якої логічно виводиться зі значення вихідної одиниці. Найчастіше значення співвіднесених в оригіналі та перекладі слів виявляються пов'язаними причинно-наслідковими відношеннями: I don't blame them -Я їх розумію. (Причину замінено наслідком.

– Я їх не звинувачую, тому що розумію).

Examples:

1. ... *the widespread destruction the war had brought throughout Europe ...*

... коли Європа лежала в руїнах...

До найпоширеніших **граматичних трансформацій** належать: синтаксичне уподібнення (дослівний переклад), членування речення, об'єднання речень, граматичні заміни (форми слова, частини мови або члена речення).

1. Синтаксичне уподібнення (дослівний переклад)

Синтаксичне уподібнення (дослівний переклад) – це спосіб перекладу, при якому синтаксична структура оригіналу перетворюється в аналогічну структуру МП. Цей тип «нульової» трансформації застосовується в тих випадках, коли в МО і МП існують паралельні синтаксичні структури. Examples:

1) *In 1948 Czechoslovakia was lost to a communist coup.*

У 1948 році внаслідок комуністичного путчу була втрачена Чехословаччина.

2. Граматичні заміни (форми слова, частини мови або члена речення)

Граматичні заміни – це спосіб перекладу, при якому граматична одиниця в оригіналі перетворюється на одиницю МП з іншим граматичним значенням. Замінюватися може граматична одиниця початкової мови будьякого рівня: словоформа, частина мови, член речення, речення певного типу. Examples:

1. *poverty and oppression* – бідність і утиски

(однина + однина)

(однина + множина)

2. *...a big arsenal of devastating weapons* – арсенал руйнівної зброї був величезний

(прикметник “big“ у простій формі з нейтральним значенням) ->

(прикметник “величезний“ зі збільшеною ознакою, яка передається за допомогою суфікса –езн-).

Поширенішим видом граматичної заміни в процесі перекладу є заміна частини мови.

Examples:

1. *They have conflicting interests* – Вони мають суперечливі інтереси (дієприкметники теперішнього часу Participle 1 “conflicting”)-

>(прикметник суперечливі).

Заміна членів речення призводить до перебудови його синтаксичної структури. В англійсько-українських перекладах використання подібних заміन значною мірою викликано тим, що в англійській мові частіше, ніж в українській присудок виконує відмінні функції від позначання суб’єкта дії, наприклад, об’єкта дії (підмет замінюється додатком) :

“Suspicion and hostility thus characterized relations between the Soviets and the West... “Таким чином, відносини між Радянським Союзом і Заходом відзначалися підозрілістю і ворожістю...”;

“The last week saw an intensification of diplomatic activity”.

“Минулого тижня спостерігалась активізація дипломатичної діяльності”.

позначення простору (підмет замінюється обставиною місця) :

“...America’s most catastrophic periphery intervention – Vietnam”. “...
найкатастрофічніша периферійна інтервенція Америки – В’єтнам”.

найкатастрофічніша периферійна інтервенція Америки – В’єтнам”.

позначення причини (підмет замінюється обставиною причини) :

Антонімічний переклад

В англо-українських перекладах ця трансформація використовується особливо часто, коли в оригіналі заперечна форма використана зі словом, що має заперечний префікс:

... result in great disorder. – призвести до великого хаосу.

У рамках антонімічного перекладу одиниця МО може замінюватися не тільки прямо протилежною одиницею МП, але й іншими словами і словосполученнями, що виражають протилежну думку:

1. *“... it was far from evident that freedom and openness would ultimately triumph”.* – «... було далеко не очевидно, що свобода і відкритість неминуче візьмуть гору».

Виявити оцінки, явно чи приховано подані у політичному дискурсі, можна, аналізуючи, наприклад, наступні групи висловлювань:

– **констатації та розпорядження щодо дій:**

1. *Imperialism is to blame.*

– **приховані висловлювання, подані у вигляді питань:**

1. *If an accident at a peaceful nuclear power can drive Western politicians into hysterics, why do they keep quiet about pandemonium awaiting humanity in the event of nuclear war?*

– **відповіді на вибрані питання (встановивши, на які саме питання дискурс відповідає, а які залишає без відповіді):**

1. *Washington is rejecting a unique chance to follow the goodwill of the USSR.*

– **трактування та опис проблем:**

The world is faced with the problem: either we shall all be saved or we shall all perish.

– **опис вирішення проблем, поставлених перед суспільством: у позитивних термінах, «конструктивно» («ми повинні зробити це і це») або негативно («нам це не підходить, зробити це і це, так жити не можна»):**

1. *Let me summarize first of all, that we will not prevail against terrorism without embracing a holistic approach such as the employed by the Regional Strategy Initiative. Over time, our global and regional cooperative efforts will reduce terrorists' capacity to harm us and our partners, while local security and development assistance will build up partners' capacity. If we are to be successful, we must together with our growing networks of partners towards our common goal in a strategy and coordinated manner to overwhelmingly defeat this terrorist compelling challenge.*

– **формулювання ідей, які автор вважає новаторськими:**

“When we talk about NATO and the future, NATO’s mission to me still remains very much the mission that NATO has always had, which is the collective defense of its members. That’s what it’s there for what’s changed is the environment in which NATO needs to go about doing this. We don’t face the Soviet threat that the Nile described in the heart of Europe in the same way as we did back in the 80’s and before; but we do face threats like terrorism, proliferation of weapons of mass destruction, failed states, rogue states, and NATO has to deal with this new kinds of challenges. And in order to assure the security and defense of its members today, it needs to be acting in very different ways”;

– **висловлювання, що подають загальновідомі істини: як результат роздумів, як безсумнівна данність «від бога» (God’s truth) чи як предмет для з’ясування причин цієї дійсності:**

1. *However, superpowers are never popular.* Однак наддержави ніколи не бувають популярними.

2. *due to the undisguised obstruction of the American administration.*

– **запити та вимоги до представників влади:**

The Soviet leader also put the blame for the intensification of the arms race on the governments of other NATO states.

– **заклики сприяти тому чи іншому рішення та запропонування допомоги, тощо:**

1. *Talks must not be allowed to be turned into smoke screen covering the arms race.*

Подальше дослідження політичного дискурсу пов’язане з визначенням його видів та характерних рис кожного з них. Залишається актуальним вивчення індивідуальних особливостей мовлення відомих політичних діячів. Подальше вивчення політичного дискурсу також пов’язане з конкретизацією позамовних факторів, що впливають на його формування і розвиток.

4.3. ПРОБЛЕМИ ПЕРЕКЛАДУ МЕЛІОРАТИВНОЇ ОЦІННОЇ

ЛЕКСИКИ (В. Кбілцецхлашвілі). Дослідження різних шарів лексики є нагальною проблемою не тільки для лексикології і стилістики, але і для теорії і практики перекладу. Одним із таких шарів лексики є меліоративна оцінна лексика англійської мови. Предметом дослідження є аналіз передачі меліоративної оцінної лексики англійської мови при перекладі прозових творів: “Our Mutual Friend” by Charles Dickens; “White Monkey” by John Galsworthy та деякі інші. За нашими спостереженнями, найчастішими є такі меліоративи: суфіксальні; звертання з меліоративною оцінністю; субстантивні метафори з меліоративною оцінністю. Наведемо деякі приклади меліоративів та їхній переклад.

1. Суфіксальні меліоративи:

-ling:

Yes, ma'am, he's a pretty boy, he's a dear **darling boy**, he's the child of my own last left daughter's daughter. Так, пані, славний хлопчик, **любий мій хлопчик**, – це синочок моєї внучки, а вона була дочкою меншої моєї дочки.

-ie/ey:

“Well, **Piggywiggies**”, said R.U., “how de do tonight?”. «Ну, **поросятка**, як ви себе почуваете цього вечора?» – сказав Р. Уілфер.

–ee:

“**Thankee**, Venus!” said Mr. Boffin, with a hearty grip of his hand; “thankee, Venus, thankee, Venus!” «Спасибі, Венус! – сказав містер Бофін, міцно стиснувши його руку. – Спасибі, Венус! – Спасибі, Венус!» –**ette**:

The Muse too, – the very **coquette** who had led me into this wilderness...
[45,с.32].

Муза, грайлива **спокусниця**, заманила мене в цю глухомань...

-(r)el:

“In this desire for earnestness”, murmured Eugene, with the air of one who was meditating deeply, “I trace the happy influences of the little **flour-barrel** and the coffee-mill. «В цьому потязі до серйозних розмов, – промовив Юджин, ніби в глибокому роздумі, – відчувається благодійний вплив маленької **мучної бочечки** і кавового млина».

–у:

They showed the visitor to be an ill-looking visitor with a squinting leer, who, as he spoke, fumbled at an old sodden fur cap, formless and mangey, that looked like a furry animal, dog or cat, **puppy** or **kitten** drowned and decaying . При їх світлі гість здавався доволі неприємним гостем, який дивився спідлоба і, розмовляючи, м’яв в руках стару, наскрізь мокру хутрянну шапочку, облізлу і безформну, схожу на труп якоїсь тварини, собаки чи кішки, **цуценяти** чи **котика**, яке не тільки потонуло, але і розклалося у воді.

“That’ll do, Ting. No more, ducky! No more! «Досить, Тинг. Досить, серденько, досить! Досить!»

-et:

“Ma says chits and jewels have no business together”, pursued Georgiana,” and that’s the reason why I have no **trinkets** except this... [35,с.554].

«Мама говорить, що дівчатка і коштовності несумісні, – знову почала Джорджіана, – тому в мене немає **дрібничок**».

2. Меліоративні звертання

“How nice! How are you, my **little man**?” «Який милий! Як же тобі живеться, **дружок**?»

“You **little Djinn**! You **lucky little toad**! Give me some of your complacency – you Chinese atom!” «Ти, **маленький джин**, ти, **щасливе жабенятко**! Позич мені свій спокій, ти, китайська молекула!»

“No, **dear heart**, Nature’s off!” «Ні, **рідненька**, природа здана в архів!»

“Alfred, **my love**, here is my friend. Georgiana, **dearest girl**, you must like my husband next to me”. «Альфред, **любий**, це мій друг. Джорджіана, **серденько**, ви повинні полюбити мого чоловіка не менш, ніж мене саму».

“Take time to think of it, **my good creature!**” «Не спішіть, подумайте добре, **голубонька моя!**»

3. Субстантивні метафори з меліоративною оцінністю

There was something of the panther about him altogether. A beast of prey – pleasant to the eye В ньому було щось від пантери, якщо оцінювати його в цілому. Хижак – приємний оку. (Смисловий розвиток (“a beast of prey” – «хижак»); доповнення (“...about him altogether” – «оцінювати його в цілому»).

She is grand like royalty. I married a princess. Вона велична як королева. Я одружився з принцесою. (Грамматична заміна (заміна форми слова “royalty” – «королева»).

Таким чином, підсумовуючи результати проведеного аналізу перекладу англійської меліоративної оцінної лексики українською мовою, можна зазначити, що суфіксальні меліоративи були здебільшого перекладені за допомогою українських демінутивних суфіксів. Оскільки лексичне і граматичне значення англійського слова більше спирається на контекст або залежить від конструкції речення, то суто лексичний момент емоційної оцінки в українській мові передається морфологічними засобами.

Головною особливістю перекладу звертань з меліоративною оцінністю англійської мови є те, що вони можуть передаватися на українську мову через демінутивні суфікси **-к**, **-оньк**, **-еньк**, причому розмаїття демінутивів створює повну гамму експресивних семантико-стилістичних відтінків, тому один і той же меліоратив можна перекласти по-різному українською мовою, тому слід спиратися на контекст при їхньому перекладі.

Найбільш широковживаним способом перекладу субстантивних метафор з меліоративною оцінністю є синтаксичне уподібнення.

Здійснений аналіз дозволяє зробити певні висновки щодо проблеми перекладу англійських меліоративів українською мовою:

по-перше, порівняно з українською мовою, слід підкреслити значно меншу семантичну різноманітність англійських суфіксів, особливо суфікси якісної оцінки та можна сказати, що афікси виконують не тільки граматичні функції, а є засобом передачі емотивно-експресивного настрою повідомлення; по-друге, в англійській мові переважає лексико-синтаксичний спосіб інтимізації, тому морфологічні засоби інтимізації не мають у ній такого поширення. Отже, демінутивних суфіксів в англійській мові набагато менше, ніж в українській, а продуктивні, по суті, лише -у, іе; по-третє, в основі метафоризації лежить семантична двоплановість лексичної одиниці, тобто її здатність мати лексико-семантичні варіанти, які виражають її основне і переносне значення, іменник частіше виступає метафора, як засіб оцінки, що ми пов'язуємо з його високим номінативним потенціалом. У цілому переклад меліоративної оцінної лексики і адекватне відтворення її у мові перекладу є важливим завданням для перекладача.

4.4. ЗДОБУТКИ ТА ВТРАТИ У ХУДОЖНЬОМУ ПЕРЕКЛАДІ

(К. Симоненко). Метою статті є виявлення здобутків та втрат у перекладі. Матеріалом для дослідження стали повість Ернеста Хемінгуея «Старий і море» та її переклад на українську мову Володимиром Митрофановим. Взагалі переклад зроблений дуже грамотно, але є деякі моменти, з якими можна посперечатись (мається на увазі переклад). Приклади наведено у тій послідовності, в якій вони представлені в оригіналі.

1. *He was an old man who fished alone in a skiff in the Gulf Stream and he had gone eighty-four days now without taking a fish. – То був старий рибалка, що промишляв на Голфстрімі сам-один у своєму човні. Ось уже вісімдесят чотири дні він виходив у море й не піймав жодної рибини.*

Коментар: перекладач розділив одне речення на два, тим самим порушив авторське «Я».

2. *salao – salao*

Коментар: перекладач залишає іноземне слово неперекладеним, як в оригіналі, але дає пояснення внизу.

3. *But after forty days without a fish the boy's parents had told him that the old man was now definitely and unlucky, and the boy had gone at their orders in another boat which caught three good fish the first week. – Та по тих сорока нещасливих днях хлопцеві батьки сказали, що старий тепер рішуче й безповоротно salao, цебто геть безталанний, і звеліли синові перейти до іншого рибалки, з яким він першого ж тижня піймав три добренні рибини.*

Коментар: Хемінгуей пише, що хлопець за їхнім наказом перейшов до іншої лодки, а перекладач замінює слово «лодка» на «рибалку», а також замість нейтрального слова «good», тобто «хорошу», ми знаходимо експресивне «добренну».

4. *The old man was thin and gaunt with deep wrinkles in the back of his neck. The brown blotches of the benevolent skin cancer the sun brings from its reflection on the tropic sea were on his cheeks. The blotches ran well down the sides of his face. – Старий був кощавий, виснажений, потилицю його поорали глибокі зморшки, на обличчі темніли коричневі плями нешкідливого нашкоїрного раку, що з'являються від сонячного проміння, відбитого тропічним морем. Ті плями збігали на обличчі вниз по щоках до самої шиї.*

Коментар: по-перше, перекладач об'єднав два перші речення, але, як відомо, стиль Е. Хемінгуея також включає в себе коротенькі речення. По-друге, в оригіналі йдеться про те, що зморшки «поорали» не «потилицю», а «in the back of his neck», тобто його шию позаду. По-третє, плями були не на «обличчі», а на щоках. Автор не повідомляє, що вони є й на чолі, бороді...Тільки потім

письменник звертає увагу на те, що плями збігали вниз, але вниз – це ж не на чоло. Й до чого тут «шия», на яку вони спадали, адже там нема про це й мови.

5. *The blotches ran well down the sides of his face and his hands had the deep-creased scars from handling heavy fish on the cords.* – Долоні старого були посічені глибокими поперечними рубцями від плетеної жилки, якою він тягнув з води велику рибу.

Коментар: перша частина цього речення «The blotches ran well down the sides of his face» була перекладена раніше, бо перекладач розділив його. Також щодо слова «долоні», чітко видно, що автор має на увазі всі руки, бо ми бачимо слово «hands», а долоні на англійській мові будуть «palms»; було замінене «his hands» на «долоні старого». Переклад кінця речення зовсім якийсь дивний і невідомо звідки взявся: «from handling heavy fish on the cords». Здається, треба перекласти так: від транспортування важкої риби на мотузці.

6. *But none of these scars were fresh. They were as old as erosions in a fishless desert.* – Та жоден з тих рубців не був свіжий – усі старі, як борозни на пересохлій землі.

Коментар: по-перше, перекладач знову об'єднав два речення в одне. Подруге, «these» перекладено на «тих», а повинно бути «цих», бо автор хоче привернути увагу читача, щоб він побачив Ці шрами зараз же перед своїми очима.

7. *Everything about him was old except his eyes and they were the same colour as the sea and were cheerful and undefeated.* – Геть усе в ньому було старе, крім очей, а вони мали колір моря і блищали весело й непереможно.

Коментар: тут хвилює слово «блищали», бо в оригіналі його немає, є лише нейтральне – те, що його очі були веселі та непереможні.

8. *It was papa made me leave* – Мені звелів тато.

Коментар: Ернест Хемінгуей використовує такий стилістичний прийом як інверсія, але перекладач його ігнорує і робить цю фразу просто нейтральною. Але

ж інверсія тут конче необхідна, бо це дуже важливо для хлопця, що він не зі своєї волі покинув старого, це було рішення батька.

Переклад може бути таким: саме тато наказав мені піти.

9. - *May I get the sardines? I know where I can get four baits too.*

- *I have mine left from today. I put them in salt in the box.*

- *Let me get four fresh ones.*

- *One, – the old man said. His hope and his confidence had never gone.*

But now they were freshening as when the breeze rises.

- *Two, – the boy said.*

- *Two, – the old man agreed. – You didn't steal them? –*

-То, може, я все-таки наловлю тобі сардин? І ще я знаю, де можна дістати чотири живці.

- *У мене лишилися від сьогодні. Я присолив їх і сховав у скриньку.*

- *Я принесу тобі чотири свіжих.*

- *Одного, – сказав старий. Він ніколи не втрачав надії і впевненості. Але тепер вони оживали в ньому, неначе обвіяні свіжим морським вітром.*

- *Два, – мовив хлопець.*

- *Нехай буде два, – погодився старий. – А ти їх не вкрав?*

Коментар: 1. Перше речення повинно перекладатись – можна я принесу сардини? Навіщо стільки зайвих слів, яких в оригіналі не існує?! 2. Хлопець питає дозволу принести старому чотири свіжих живця, а в перекладача цього питання про дозвіл не видно. 3. Коли старий погодився на два живця, навіщо знову приписувати зайві слова, такі як «нехай буде».

10. *Tomorrow is going to be a good day with this current. – За такої течії завтра має бути добра ловля.*

Коментар: замість слів «хороший день» перекладач бере «добра ловля». Як казав сам Хемінгуей про айсберг у його творчості, ми повинні шукати в його творах інший зміст. Він пише, що «за такої течії завтра має бути хороший день», і читач замислюється над питанням чому саме? Але перекладач у цьому місці твору позбавляє читача можливості замислитися над цим питанням, бо в перекладі воно навіть не постає. Чи це нормальне явище так ігнорувати авторське «Я», авторський задум?!

11. – *Where are you going? – the boy asked. – Де ти збираєшся ловити?*

Коментар: можна подивитися коментар № 10, бо тут така ж ситуація. Можливий переклад: «Куди ти збираєшся?». А куди перекладач подів слова про те, що це хлопець спитав, невідомо. Чи він вважає це непотрібною інформацією?

12. *Then if you hook something truly big we can come to your aid. – Тоді ми змогли б допомогти тобі, коли б ти підчепив на гачок щось путяще.*

Коментар: дивний переклад останньої частини речення – що це за «путяще». Чи воно є в оригіналі, чи це взагалі твір Ернеста Хемінгуея чи Володимира Митрофанова? В оригіналі – «Якщо ти підчепиш на гачок щось дійсно велике, ми могли б тобі допомогти».

13. – *No, – the boy said. – But I will see something that he cannot see such as a bird working and get him to come out after dolphin. – Еге ж, – підтвердив хлопець. – Та я вже визирю щось таке, чого він не може побачити, – птаха над водою або що, – й переконаю його вийти на простір.*

Коментар: Де ви бачите, що хлопець саме «підтвердив», бо він це лише «сказав»? Нейтральне «побачу» замінене словом «визирю». «To come out after dolphin» перекладається як «відправитися за дельфіном»...

Таким чином, хоча переклад викликає у читача-перекладача неабияку повагу до В. Митрофанова за велику працю, що ним було виконано. також виникає бажання покращити переклад, що й необхідно зробити у майбутньому.

4.5. ПЕРЕКЛАДАЦЬКИЙ ПІДХІД У ВИВЧЕННІ ФРАЗЕОЛОГІЇ

(А. Тарасова). Фразеологія – надзвичайно складне явище, вивчення якого вимагає власного методу дослідження, а також використання даних інших наук – лексикології, граматики, стилістики, фонетики, історії мови, історії, філософії, логіки і країнознавства. Перекладацький підхід у вивченні фразеологічних одиниць з порівняннями в українській та англійській мовах дає змогу порівняти компонентний склад фразеологізмів, знайти найбільш оптимальні варіанти передачі фразеологічної одиниці, а отже, і зіставити шляхи образного осмислення світу, породженого особливостями народної свідомості.

Так, підтвердженням життєздатності та усталеності фразеологічних одиниць з порівняннями є те, що значна їхня частина дійшла до нас ще з XVIII століття, коли Джонатан Свіфт опублікував свій вірш «Нова пісня порівнянь» (1757). Звичайно, деяких змін фразеологізми зазнали, особливо яскраво це виявляється у компонентному складі та у відтінках значення. Наприклад, й досі англійці п'яну людину порівнюють з волинщиком, чи дудкарем – **drunk as a piper**. В українській мові повного еквівалента немає. А частковий еквівалент пропонує замість образу дудкаря образ чоботаря, (чи п'яний, як чіп). Проте наявні й інші фразеологізми, які мають різноманітний компонентний склад, але передають однаковий зміст: свідчать про п'яний стан людини і перекладаються частковим еквівалентом: *as drunk as David's sow* та *drunk as a drowned mouse* – напився як свиня /п'яний як чіп.

Перекладаючи ФО **as full / tight as a tick** або **drunk as a skunk** – (який насмоктався як кліщ або п'яний як скунс) українською мовою, спостерігаємо, що кліщ в українській мові більше відомий як комаха-кровопивця, і тому з кліщем порівнюють не п'яного, а скоріше так кажуть про людину, яка дратує; що ж стосується скунса, то ця тваринка не поширена в Україні. Тому можна застосувати нефразеологічний спосіб перекладу «п'яний вщент» або «мертвецьки п'яний».

Подібну картину спостерігаємо і у випадку з такими ФО, як **black as jet** – чорний як дьоготь. У даному випадку частковий еквівалент дозволяє не пояснювати, що камінь агат є чорного кольору.

Найчастіше в українській мові наймудрішими є змія чи ворон, а от в англійській уособленням цієї якості є сова: **wise as an owl** – мудрий як ворон/змія. Прикладом часткової відповідності є і наступна ФО: **as wet as a drowned rat** – мокрий, як миша (або хлющ).

Джонатан Свіфт уособлював худобу з срібною монетою – **thin as a groat**, проте зараз можна сказати і **thin as a lath / rail / whippingpost** – худий як тростиночка.

Найпоширенішим способом перекладу фразеологічних одиниць з порівняннями є нефразеологічний переклад:

(to speak) like a mouse in a cheese – (говорити) нерозбірливо

like a drowned mouse – у плачевному стані as true as flint –

вірний merry / lively as a grig – дуже веселий

as white as curds – дуже білий, білосніжний as sharp as

a needle – спостережливий, гострий розум

Важливим фактом є те, що наразі не можна говорити про процес асиміляції запозичених чи оказіональних фразеологізмів, вибраних із художніх творів, де спостерігаємо необхідність передачі фразеологізмів повністю калькою для збереження образу та, вживаючи вираз лінгвістів, для «збагачення фразеологізмами. Треба сказати, що це не проста закономірність, адже за висловом А. В. Куніна «фразеологія – це скарбниця мови», і фразеологізми у мові є скарбом.

Важливо зазначити, що компонентний склад фразеологізмів надзвичайно важливий для правильного перекладу та відтворення суті виразу і не тільки у стилістичному та семантичному, чи лінгвокультурологічному аспекті, а й у суто прагматичному відношенні. Адже незначні зміни елементів виразу несуть різне

значення. На конкретних прикладах, взятих із книги Ю. А. Долгополова, розглянемо подібні за складом та структурою сталі одиниці з порівняннями.

as a man /like a man

as a man – а. (про групу людей) одностайно та одночасно (також: as one man): *They came forward **as a man** to welcome their leader.*

*Вони виступили вперед **як один**, аби привітати свого лідера.*

б. про характер людини: *The stature he acquired both **as a man** and a leader gave impetus and credibility to the movement.*

*Вершина, котрої він досяг **як особистість** і як лідер, зробила рухи стрімкими та впевненими.*

в. у спосіб, що притаманно чоловіку, а не жінці:

I went in dressed as a man. Я увійшла до кімнати, вбрана як чоловік.

like a man – а. про хоробру, чесну та незалежну людину

I think, if you haven't the guts to act like a man, you ought to leave this girl alone. Я гадаю, що, якщо в тебе кишка тонка мужньо себе вести, тобі слід залишити цю дівчину.

б. нормальний стан душі та тіла:

*What is it that will make him feel **like a man** again, the king of his castle, and the leader of his domain. Що ж змусить його відчувати себе знову **нормальною людиною**, королем власного замку та головою власного маєтку. **as good as / as well as as good as** – майже, практично:*

*He **as good as** promised me the job. Він **практично** пообіцяв взяти мене на роботу.*

as well as – додатково:

*We will travel by night **as well as** by day. Ми будемо подорожувати **ще й** ввечері, як і вдень. **as hell / like hell as hell** – (розм.) надзвичайно, дуже*

(для підсилення прикметників):

Nobody believed him of course, and this made him sore as hell. Звичайно, ніхто йому не вірив, і це сердило його **надзвичайно**.

like hell – а. (вигук) ні в якому разі, навпаки (використовується для категоричного протиставлення твердження):

'I've quite enjoyed it here.' **'Like hell I have,'** she added under her breath. «Мені тут досить сподобалось». «**До біса** сподобалось», видихнула вона навздогін.

б. (розм.) необачно, згаряча; відчайдушно (для підсилення дієслів):

I just fired when something came into my sights and then turned like hell as something fired at me! Я лише вистрелила, коли щось з'явилося переді мною, а потім обернувся **відчайдушно**, бо щось вистрелило у мене. **as it was /as it were as it was** – а. за обставин; у певній ситуації :

If we had been able to find a taxi. As it was we were late. Якби ми змогли знайти таксі. **За даних обставин** ми спізнилися.

б. вже, до того часу:

We couldn't afford it. Taxes were much too high as it was. Ми не могли собі цього дозволити. Таксі **вже до цього часу** були дуже дорогі.

as it were – так би мовити, між іншим:

He was, as it were, the missing link between the artist and public. Він був, **так би мовити**, ланкою між артистом та суспільством.

Проте основною причиною помилок є, звичайно, недостатнє володіння мовою оригіналу. Існує багато прийомів перекладу – в залежності від деяких характерних ознак та видів ФО (образна – необразна фразеологія, ФО прислівного – неprisлівного типу), переклад з урахуванням стилю, колориту, мови, авторства окремих одиниць і т. ін. Ці додаткові аспекти повніше висвітлюють проблему перекладу ФО, розширюють і полегшують вибір найбільш вдалого прийому.

Бібліографічні посилання:

1. Англо-український фразеологічний словник [уклад. К. Т. Баранцев]. – 2-ге вид., випр. – К.: Знання, 2005. – 1056 с.
2. Кунин А. В. Английская фразеология: Теоретический курс. – Москва: Высшая школа, 1970. – 488 с.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.:Выш.шк., 1986. – 396 с.
4. Oxford advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 1539 p.
5. The Advanced Learner's Dictionary of Current English [Hornby A. S., Gatenby E. V., Wakefield H.]. – London: Oxford University Press, 1970. – 1579 p.

ПІСЛЯМОВА

У монографії розглянуто загальні проблеми перекладу та лінгвістики тексту, значна кількість з них вивчається вже певний час, але це вивчення ще не добігло кінця. Розглянуто тексти як спеціальні (роботи О.І. Білоусової, О.В. Гурко), так і художні (роботи О.В. Валявської, Ю.Є. Ахтирської). Запропоновано опис концептуального наповнення текстів, їхньої граматичної структури та лексичних новотворень. На матеріалах конкретних творів проілюстровано сучасні питання перекладознавства. У роботах студентів (А. Тарасової, Д. Бурко) розглянуто найбільш актуальні питання перекладознавства стосовно практики перекладу.

ЗМІСТ

Передмова.....	3
Розділ I. Актуальні проблеми перекладу	
1.1. О некоторых нерешенных проблемах теории перевода (Е.И. Панченко).....	4
1.2. Об уровнях эквивалентности в переводе (Г.А. Синякова).....	12
1.3 . Межъязыковая конвертация элементов текста: адекватность и неизбежность несоответствий при переводе художественных произведений (В.В. Унченко).....	16
Розділ II. Актуальні проблеми лінгвістики текста	
2.1. Текст культуры как поле функционирования русских паремий, репрезентирующих концепты «красное» и «черное» (Ю.Е. Ахтырская).....	23
2.2. Законодавчий текст та особливості його синтаксичної структури (інфінітивні сполуки) (О.І. Білоусова).....	29
2.3. Текст и проблема воплощения концепта (Т.А. Клименко).....	38
2.4. Художественный текст в обучении РКИ (Н.Ю. Козырева).....	44
2.5. Некоторые художественные особенности текстов «Уединенное» и «Опавшие листья» В.В. Розанова (О.О. Кумар).....	49
2.6. Узкоспециальный текст как объект лингвистического исследования (И.Б. Петриченко).....	55
2.7. Текст и контекст: проблема деомонимизации неоднозначных конструкций (Е.В. Шкурко).....	60

Розділ III. Елементи тексту та їхній переклад	
3.1. Язык мира мыслей человека и человечества в фокусе «общечеловеческих» ценностей (Д.П. Амичба).....	68
3.2. Концепт «детство» в романе Джоан Ролинг «Гарри Поттер и философский камень»: лингвокультурологический анализ (Е.В. Валявская).....	77
3.3. Диференціація термінолексики графічного дизайну (О.В. Гурко).....	86
3.4. Русские антипословицы в свете теории постмодернизма (Т.А. Кассина, В.Н. Продайко).....	93
3.5. Заимствования как источник современных неологизмов (Л.П. Попко)....	103
3.6. О моделировании учебно-воспитательного процесса (и о роли преподавателя в нём) (Л.А. Стребуль).....	112
3.7. К вопросу о способах и сложностях интерпретации вербального знака (А.В. Ходоренко).....	117
Розділ IV. Актуальні проблеми перекладознавства очима студентів	
4.1. До питання про переклад власних назв у сучасній художній літературі (В. Бодрова).....	126

4.2. Англійська пейоративна оцінна лексика та її переклад українською мовою (Д. Бурко).....	130
4.3. Проблеми перекладу меліоративної оцінної лексики (В. Кбілцецхлашвілі).....	136
4.4. Здобутки та втрати у художньому перекладі (К. Симоненко).....	139
4.5. Перекладацький підхід у вивченні фразеології (А. Тарасова).....	143
Післямова.....	150

Наукове видання

ТЕКСТ, ЙОГО ЕЛЕМЕНТИ ТА ПЕРЕКЛАД

Колективна монографія Українською

та російською мовами

Упорядник *О.І. Панченко*

Відповідальна за випуск *Р.О. Лазарева*

Художній редактор *В.В. Якименко*

Технічний редактор *В.В. Якименко*

Коректор *В.М. Орищій*

Здано на складання 26.11.09. Підписано до друку 24.12.09.

Формат 60x84/16.

Папір офсетний. Гарнітура літературна. Друк офсетний.

Умовн. друк. арк. 8, 83. Умовн. фарб.- відб. 8, 83.

Обл.- видавн. арк. 6, 8.

Наклад 50 прим. Зам. №

Видавництво «Пороги»
49000, м. Дніпропетровськ, пр. К. Маркса, 60
Телефони: 745-20-93, 745-22-46
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
серія ДК № 7 від 21.02.2000

Видавництво «Федорченко О.О.»
Ідентифікатор видавця у системі ISBN: 2267
Адреса видавництва та дільниці оперативної поліграфії:
49000, Дніпропетровськ, вул. Гоголя, 10а, офіс 38
Тел. 063-401-55-03, (056) 785-55-61 e-mail:
litograf@ukr.net

ISBN 978-611-518-042-4